

В. ВАССЕРМАН А. ВАССЕРМАН

Зассер-
манья

Прогулки по умным местам

Кое-что
за Одессу

Annotation

Гуляли по туристическим «Меккам» – вроде Рима и Барселоны – и по «местам отдалённым» – от Норильска до Бомбея, от Владивостока до Лос-Анджелеса. Но самыми чудными (от слова «чудо») оказались прогулки по родной Одессе. Причина в одесской традиции – едва ли не ровеснице самого города: приехавший сюда во второй раз неизменно говорит «О! Одесса уже не та...» И чем больше любви к Одессе, тем больше грусти в этой фразе. Одессу хоронили много раз. Автор главного мифа о ней – Исаак

Эммануилович Бабель – в 1924-м году написал: «Одесса мертвее, чем мёртвый Ленин». Если бы грустные замечания были верны, то сейчас наша Южная Пальмира мало отличалась бы от Пальмиры Изначальной – сирийской. Но прогулки по Одессе убеждают: она «иная и прежняя». Почему это так, какие люди делали и делают её всегда живой и всем желанной, где учат на одесситов – мы попытались рассказать в этой книге.

-
- [Анатолий Вассерман, Владимир Вассерман](#)
    -
    -
    - [Предисловие](#)
    - [Часть первая](#)
      - [1. Район МЕДИНа](#)
      - [2. Они были первыми: скорая помощь, больница и бактериологическая станция](#)
      - [3. Императорское Русское техническое общество](#)
      - [4. «Горьковка» и окрестности](#)
      - [5. Сеченов, Мечников и \(не\)примкнувший к ним Крейн](#)
      - [6. Ришельевский лицей и прочее, и прочее, и прочее](#)
      - [7. Новороссийский университет](#)
      - [8. К Чёрному морю](#)
      - [8. Политех или о пользе гражданской войны](#)
      - [9. Родной НарХоз](#)
      - [10. Преображения Преображенской](#)

- [11. Старая-старая Библиотека](#)
- [12. Неугомонный Холодильный](#)
- [13. Мукомольный – технологический – пищевой](#)
- [Часть вторая](#)
  - [14. Профессоры и музыканты](#)
  - [15. Наши школы и примкнувшие к ним Высшие школы](#)
  - [16. Гидромет, Педин, роддом](#)
  - [17. Два института на Институтской улице](#)
  - [18. Благородные девицы и сменившие их «водники»](#)
- [Послесловие](#)
- [Вклейка](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
  - [64](#)
  - [65](#)
  - [66](#)
  - [67](#)
  - [68](#)
  - [69](#)
  - [70](#)
  - [71](#)
  - [72](#)
  - [73](#)
  - [74](#)
  - [75](#)
  - [76](#)
  - [77](#)
  - [78](#)
-

Анатолий Вассерман, Владимир Вассерман Прогулки по умным местам

© Вассерман В.А. Вассерман А.А.
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

*Светлой памяти нашей любимой мамы Лины
Ильиничны Баум, окончившей Одесский кредитно-
экономический институт в 1952-м году.*

*Анатолий и Владимир Александровичи
Вассерманы*

А.А. и В.А. Вассерманы (примерно 15 и 7 лет)

Наша мама Л.И. Баум

Предисловие

По одной из популярных легенд, связанных с написанием «Двенадцати стульев», Иехиел-Лейб Арьевич Файнзильберг – Илья Арнольдович Ильф – и Евгений Петрович Катаев – Петров – долго сидели перед листом чистой бумаги, не зная, с чего начать роман. Потом кто-то из авторов предложил:

– Давайте начнём хрестоматийно: «В уездном городе N...»

Дальше, как говорится, «пошло-поехало» и в итоге получился один из самых любимых, популярных и, как ни странно, загадочных советских (или антисоветских) романов XX века.

Поэтому мы тоже позволим себе начать хрестоматийно – как Ханс Кристиан Хансович Андерсен в «Снежной Королеве»:

Ну, начнём! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем сейчас.

Говорят, что любой человек может написать одну книгу, если это книга о нём самом. А для любого одессита написать книгу о родном городе всё равно, что о себе. В результате нашему тандему было не очень сложно написать «Кое-что за Одессу». Говорят также, что настоящее писательское призвание (либо его отсутствие) проявляется во второй книге. Для проверки этого мы решили – подобно нашим знаменитым землякам – написать вторую совместную книгу. И, подражая им, решили: её главный герой будет тот же, что и в книге первой – наша любимая Одесса.

По сути, мы схитрили, так как снова пишем книгу о себе и снова не сможем проверить наличие писательского призвания в младшем из нас. Но предлагаем эту проверку отложить, как говорится, до лучших времён – если верить главному герою дилогии Ильфа и Петрова, они «скоро настанут». А пока вновь предлагаем вам прогулку по городу-легенде, городу-герою, городу-курорту, городу – столице юмора, и прочая, и прочая.

Как вы помните, стержнем путешествий Ипполита Матвеевича Воробьянинова и Остапа Сулеймановича Бендера по СССР был поиск сокровищ мадам Петуховой – тёщи господина Воробьянинова. Стержнем нашего путешествия по Одессе будут поиски учебных

заведений, составивших одно из сокровищ нашего города. При этом мы иногда будем вспоминать фрагменты любимых романов Ильфа и Петрова – «в привязке» к нашему рассказу.

Учёба неотделима от науки. Во многих странах почти нет специализированных исследовательских организаций, а наукой занимаются преподаватели ВУЗов – хотя бы для того, чтобы знать больше, чем их студенты. Советская традиция противоположна: исследователи чаще всего отделены от преподавания. Тем не менее, многие учёные совмещают эти виды деятельности или время от времени переходят из НИИ в ВУЗы и обратно. В этой книге мы рассматриваем прежде всего ВУЗы, а НИИ упоминаем только по мере надобности. В то же время мы постараемся рассказать о многих видных учёных, работавших в Одессе и прославивших её.

Конечно, одними учебными заведениями мы не ограничимся. Как говорилось – нас формирует не только среда, но и другие дни недели. Если серьёзно – человека формируют не только пройденные им курсы, но и всё окружающее – от общения до архитектуры. Поэтому наш путь по городу будет изобиловать отступлениями ко всему хорошему, что попадётся на глаза. Более того, иногда мы будем рассказывать вовсе не о том, что увидим на прогулке, а о том, что нас волнует либо интересует, так сказать «по жизни». Впрочем, Ильф и Петров тоже не могли – да и не хотели – ограничиться одной сюжетной линией.

Весьма вероятно, что уже началась третья промышленная революция, связанная с производством товаров на 3-D принтерах. Судя по темпам развития этой технологии, через какие-нибудь 10–15 лет мы будем в состоянии прямо дома напечатать – точнее, вырастить слой за слоем – любые мыслимые материальные сокровища. Тем большее значение приобретает выращивание достойного человека. В этот процесс всегда – в том числе и в наше время, невзирая на известные трудности, – вносили и вносят весомый вклад одесские высшие учебные заведения. Как это делают в Одессе, мы и постараемся рассказать.

Часть первая

1. Район МЕДИНа

Начинаем нашу прогулку у трёхэтажного дома № 10 по Софиевской улице. Он, возможно, не имеет большой архитектурной ценности. Нам он интересен тем, что в 1917–1918-м годах в нём жил один из самых значительных учёных, связанных с нашим городом, – академик Александр Михайлович Ляпунов.

В расхожей шутке – касающейся, правда, не математиков, а музыкантов либо писателей – говорится:

- Что нужно, чтобы стать великим музыкантом (писателем)?
- Нужно родиться в Одессе и вовремя из неё уехать.

У Александра Михайловича получилось как раз наоборот. Родился он в Ярославле, учился в Петербургском университете, работал в Харьковском и Петербургском университетах. Интересно, что во время учёбы в Петербурге, при явно выраженном интересе к математике, увлечённо занимался химией и с большим интересом слушал лекции Дмитрия Ивановича Менделеева, к тому времени переехавшего из Одессы в столицу. Впрочем, тогда межнаучные перегородки ещё не достигли нынешней высоты: так, Александр Ильич Ульянов на естественнонаучном отделении физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета участвовал в работе созданного студентами факультета биологического кружка (и получил золотую медаль за исследование кольчатых червей), был главным секретарём научно-литературного общества и членом экономического кружка (что и привело его в политику).

В Академию наук Ляпунов – как и большинство математиков – избран очень рано: в 43 года стал членом-корреспондентом, а менее чем через год стал академиком, после чего, как требовал тогдашний статут Петербургской Академии наук, переехал из Харькова в Санкт-Петербург. Это требование было связано со слабым развитием средств транспорта связи; их неразвитость и породила институт «членов-корреспондентов» Академии наук. Так что отмена этого института в наше время – логичная часть реформирования Академии.

Переехать же в Одессу в июне 1917-го года Ляпунова заставила болезнь жены – туберкулёз лёгких^[1]. К сожалению, эта мера не

помогла – а может быть, сказались и тяготы смутно-революционного времени. Наталья Рафаиловна Ляпунова (Сеченова) скончалась 31-го октября 1918-го года. В этот же день Александр Михайлович выстрелил в себя и умер спустя три дня в университетской хирургической клинике.

Работы А. М. Ляпунова по теории устойчивости движения служат и сегодня глубоким научным фундаментом теории разнообразных автоматических устройств – в частности, систем управления полётом самолётов и ракет. Так что, как говорится, нет ничего более прикладного, чем глубокая теория. Детально познакомиться с биографией и трудами академика можно по книге о нём, выпущенной в 1988-м году в издательстве «Наука». Отметим также: автор книги – Альфред Леонидович Цыкало – одессит, профессор и научный руководитель Владимира Вассермана при написании им кандидатской диссертации.

Напротив дома, где жил Ляпунов, на углу Софиевской и переулка Короленко (раньше и Софиевская называлась Короленко) стоит дом, довольно необычный для центральной части Одессы. Во-первых, он построен в конструктивистском стиле – таких домов в Одессе буквально единицы (хотя ещё один – в двух шагах: рядом с домом, где жил Ляпунов). Во-вторых, если продвигаться по переулку в сторону моря (точнее, к бульвару Жванецкого), то можно увидеть шестиэтажную часть дома. Домов в шесть этажей в центральной части города до 1960-х годов было всего четыре. При этом три из них – как и рассматриваемый дом – не были шестиэтажными целиком: полноценный шестой этаж как бы вырастал из полуподвала вследствие неровности участка, где расположен дом. Третья особенность дома – то, что окна нескольких квартир смотрят на море.

Несмотря на приморский характер города, до начала последнего этапа строительства – буквально 20 лет назад – в городе было считанное количество многоэтажных жилых домов с видом на море: только на бульваре Жванецкого (тогда Комсомольском бульваре), на Приморском бульваре, на Черноморской улице, да пара многоэтажных «элитных» домов на Пролетарском бульваре. Один из этих домов – генеральско-адмиральский дом, сокращённо ГАД – шуточно именовали в те годы «Дворянское гнездо на Пролетарском бульваре». Теперь бульвар вновь называется Французским, а таких элитных домов

на нём – да и в других местах – появилось множество. Живут в них, конечно, не советские генералы и адмиралы, а «Ударники капиталистического труда». Но проблема, как говорится, «снята».

Если Вы приплывали – как говорят моряки, «приходили» – в Одессу с моря, то видели только эти дома да ещё парковую полосу, протянувшуюся по приморским склонам на добрых 15 километров. Довольно сложно было догадаться, что перед Вами почти миллионный город.

Сейчас положение изменилось. «У самого синего моря» построены многоэтажные дома, и вид Одессы при подходе с моря стал живописнее. Хотя, по правде сказать, время упущено, и мы не в силах конкурировать по живописности этого вида ни со средиземноморскими городами, ни даже с Ялтой, крохотной по сравнению с Одессой.

На первом этаже конструктивистского дома, расположенного на углу Софиевской и переулка Короленко, размещалась администрация Черноморского филиала Центрального НИИ морского флота. В этот филиал по распределению попал в далеком 1982-м году Владимир Вассерман. Сам ЦНИИМФ благополучно существует на том же месте в Санкт-Петербурге. Только улица из Красной Конницы переименована в Кавалергардскую, а сам институт стал «закрытым акционерным обществом». Институт удостоен ордена Трудового Красного знамени, так что название может быть «закрытое ордена Трудового Красного знамени акционерное общество...». Черноморский же филиал претерпел множество изменений за лихие перестроечные и пост-перестроечные годы. Сначала всё шло по восходящей: все отделы филиала объединили за городом в удобных зданиях югославской постройки, и богатейшее советское министерство – министерство морского флота – щедро выделяло деньги на оснащение комплекса. Как пелось в капустниках того периода (на мотив песни «Паромщик»):

§В науке множество путей – который правый? Форпост науки сотворён у Переправы...

Комплекс был напротив знаменитой советской переправы «Ильичёвск – Варна» – через неё шёл почти весь грузообмен с

дружественной Советскому Союзу Болгарией.

Потом началась перестройка, слияния учреждений, преобразования, затем «разбудова украинской незалежности». В результате в городе имеется Украинский научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт морского флота, но флота у Украины нет. Примерно как в советском энциклопедическом словаре была статья «троцкизм», но не было статьи «Троцкий». Соответственно отсутствию флота и протекает деятельность УкрНИПКИМФа...

Как это ещё не раз будет в нашей прогулке, мы отвлеклись. Точнее, не отвлеклись, а просто ведём вольную беседу, перескакивая с темы на тему, как и принято в доброй дружеской компании. Мы ведь рассчитываем на то, что именно такая дружеская компания и гуляет сейчас по Одессе.

Вернувшись на Софиевскую, ныряем в маленький переулок между домами номер восемь и шесть по Софиевской улице (именно ныряем – ведь он такой небольшой и тихий, что кажется: пройдёшь в другой раз по Софиевской, а его и нет вовсе – как Колбасного переулка в эпопее о Гарри Поттере). Дом № 6 украшен бюстами в древнеримском стиле, а дом № 8 – невообразимо очаровательным узеньким балкончиком, окружающим эркер. Ещё в доме № 8 есть комнатка на крыше, где, вероятно, мог бы уютно жить Карлсон.

Переулок, куда мы нырнули, лично на нас производит какое-то неизъяснимое впечатление. Сейчас он носит имя Ляпунова, а назывался Софиевский. Фасады домов по переулку «очень» требуют ремонта – «очень» даже по одесским понятиям, где, к сожалению, немного фасадов находится в безупречном состоянии. Но если мысленно представить, что дома отремонтированы, можно увидеть и прекрасный образец модерна (дом № 12), и нетипичный для Одессы дом с кирпичным фасадом (дом № 9). В доме № 9 жил профессор Василий Анисимович Загоруйко: в 1979–1989-м годах он был ректором Одесского института инженеров морского флота – комплекс этого института мы осмотрим в самом конце экскурсии. В переулке Ляпунова есть не менее нетипичные для Одессы дома усадебного типа, где двор – не колодец, закрытый от улицы домом, а открытое на всеобщее обозрение пространство. Впрочем, обозреть это пространство особо и некому – в переулке всегда царит спокойствие и

какое-то, можно сказать, умиротворение. Теоретически это умиротворение может нарушить трамвай: в начале переулка имеются две трамвайные дуги, позволяющие трамваю развернуться, не двигаясь по кругу: оказывается, у трамваев есть задний ход! Но эту возможность наши трамваи давно не используют.

Пройдя переулок, выходим на улицу, названную в честь основателя бактериологии Луи Жановича Пастёра (почему-то у нас эту французскую фамилию произносят через Е, и улица называется Пастера) – название совсем не случайное, как и название переулка Ляпунова. Но это мы разъясним чуть позже, а пока поворачиваем направо и на углу ещё раз направо – по Ольгиевской улице. Она названа в честь Ольги Станиславовны Нарышкиной (урождённой Потоцкой), в советское время это была улица Академика Павлова, что несколько лучше увязывается с наличием на её первом квартале одной из гордостей Одессы – нашего МЕДИНа. Есть логика, однако, и в старо-новом названии: упирается улица в Одесский Художественный музей – бывший дворец Нарышкиных, где на приёмах блистала Ольга Станиславовна. Забавно, что в самом начале улицы осталась мраморная доска, указывающая, что названа она в честь академика Павлова.

При проектировании Одессы великий де Волан задумал восемь обширных площадей, расположенных на большой территории. Благодаря этому сразу стало понятно: начато строительство крупного города. Центральный корпус Медина начали возводить на одной из запланированных де Воланом площадей спустя сто лет. Почти китайский пример стратегического мышления.

Как и положено, Медин открывался в Одессе как медицинский факультет университета. Это произошло 1-го сентября 1900-го года. За прошедшие более чем 11 десятилетий он прошёл, как говорится, славный путь становления и развития. Не случайно наш выдающийся земляк Михаил Эммануилович^[2] Жванецкий говорил: **«Одесса держалась на трёх китах: искусство, медицина, флот. Что такое искусство, медицина, флот? Это люди, личности...»**

Таких личностей в истории Одесского медицинского института и одесской медицины великое множество. Причём «великое» в обоих смыслах этого слова. Достаточно упомянуть Александра Александровича Богомольца – выпускника медицинского факультета

Университета – и Даниила Кирилловича Заболотного – первого ректора уже самостоятельного Одесского Медина. Интересно, что они оба (в разное время, естественно) были Президентами Академии наук Украины – причём именно Академии наук, а не отдельной Академии Медицинских наук Украины.

Нельзя не упомянуть знаменитого офтальмолога и создателя учения о тканевой терапии – использовании биологически активных веществ, накопленных тканями организма, оказавшегося в неблагоприятных условиях, для стимуляции другого (в частности, человеческого) организма – Героя Социалистического Труда, кавалера четырёх (!) орденов Ленина Владимира Петровича Филатова. Будущий академик приехал в Одессу в 1903-м году в возрасте 28 лет и 53 года трудился в области развития методов лечения глазных болезней. Выдающиеся достижения Филатова отмечены не только высокими государственными наградами, но и – самое главное – выделением средств на создание института. В 1936-м году Постановлением Совнаркома СССР № 632 в Одессе создан Институт экспериментальной офтальмологии. В тексте постановления обращают на себя внимание минимум три вещи:

- на строительство здания и его оборудование будущему институту выделялось «сходу» два с половиной миллиона рублей;
- постановление, принятое 4-го апреля, обязует Совнарком УССР закончить строительство и оборудование института 1-го января 1938-го года;
- четвёртый пункт постановления в тексте не приведен – значит просто «4. Сов. Секретно».

Замечательно, что уже в 1945-м году – при жизни Владимира Петровича – институту присвоено имя академика Филатова. Институт Филатова – такой же «бренд» Одессы, как Оперный театр и Потёмкинская лестница.

После смерти Владимира Петровича институтом руководила с 1956-го по 1985-й годы его ученица академик Надежда Александровна Пучковская. Одному из нас – Владимиру – выпала честь быть у неё на консультации по поводу развивающейся близорукости. Надежда Александровна сказала: «Я, как ученица Филатова, всегда помню его завет: не рекомендую те методы лечения, которые Вы бы не

применяли для Ваших ближайших родственников». Вот ведь как просто.

За время существования Медина подготовлено свыше 75000 врачей, включая граждан более полусотни зарубежных стран, почти 600 докторов и 4000 кандидатов медицинских наук. Нам же особо дорого то, что в июне 1921-го года его закончили наши дедушка и бабушка – терапевт Товий Шулимович^[3] Вассерман и фтизиатр Либа Хаймовна (Любовь Ефимовна) Кизер-Вассерман. В череде преобразований, характерных для революционного времени, Медин в то время уже не был факультетом университета, но ещё не был институтом. Именовался он Одесская Государственная Медицинская Академия. Нынешняя Государственная экзаменационная комиссия (ГЭК) именовалась Государственная Испытательная Медицинская Комиссия, а на дипломах стояло целых шесть подписей: наряду с подписями пяти профессоров (ректора, проректора и учёного секретаря Академии, председателя и секретаря Комиссии) красовалась подпись Политического Комиссара Академии. Также в духе 1921-го года лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и аббревиатура У.С.С.Р. с разделительными точками между буквами.

На четыре месяца позже нашего дедушки Медин закончил его старший брат Эммануил; такое нередко случалось в революционные годы, прервавшие последовательное течение времени. Эммануил Соломонович уехал к жене в Николаев, где проработал врачом всю жизнь, не считая «перерыва» на Великую Отечественную войну. Врачом стала его дочь, затем внук (доктор медицинских наук, профессор), затем правнук. Сейчас планирует стать врачом его праправнук – таким образом он будет доктором в пятом поколении.

Почти как в английском анекдоте:

- Что нужно, чтобы быть джентльменом?
- Ну, нужно иметь три диплома.
- Как, я должен окончить три ВУЗа?
- Нет: первый диплом имеет Ваш дедушка, второй – Ваш отец, а третий – Вы.

Вообще же, изучая историю Одессы в годы Первой Мировой войны и войны Гражданской (с голодом, разрухой, еврейскими погромами, бесконечной сменой властей), просто поражаешься, как в эти годы люди учились, становились врачами и, кстати сказать,

врачами очень хорошими, Так, наша бабушка заведовала отделением в туберкулёзном санатории свыше 30 лет и удостоена звания «Отличник здравоохранения», а Эммануил Соломонович Вассерман, кроме орденов, полученных в Великую Отечественную войну, удостоен ордена Ленина – высшего ордена СССР – в мирное время за трудовые заслуги.

Наш дедушка Анатолий Соломонович значительную часть своей – уввы, не очень долгой – жизни, был военным врачом. В 1919–1920-м годах начал службу в Красной Армии помощником врача. Затем после окончания Одесской Медицинской Академии служил уже врачом в прославленной 51-й Перекопской дивизии, а в 1926-м году – в Артиллерийской школе. В том же году демобилизовался и потом работал районным терапевтом. Но в 1939-м году – перед, официально выражаясь, «освободительным походом Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину»^[4] – дедушка вновь был призван в армию. Во время Финской войны летал в окружённые части своей 44-й Щорсовской дивизии, лечил обмороженных и больных (мнение, что на фронте не болеют, весьма преувеличено), вывозил раненых. За это представлен к ордену Красной Звезды, что было очень почётно в 1940-м году, да ещё для врача. Но представление не утвердили: дивизия плохо проявила себя в боях (её командира за пассивность в окружении расстреляли), и «рикошетом» досталось дедушке. В Великую Отечественную он тоже был военным врачом и контужен столь тяжело, что демобилизован в 1944-м году и умер в 55 лет (5-го декабря 1949-го года, так что день Сталинской конституции не был праздничным в нашей семье). А старший внук родился через 3 года и 4 дня после его смерти и получил, естественно, имя Анатолий^[5].

На дверях нашего одесского родового гнезда до сих пор висит оставшаяся от дедушки почти антикварная табличка «Вассерману звонить 1 раз». Она исполнена золотыми буквами на тыльной стороне толстого стекла, а затем поверх букв залита тушью, чтобы буквы лучше выглядели на чёрном фоне; после смерти деда слово «доктору» над фамилией старательно зачищено от золота и замазано той же тушью. Если припомните, буквы для аналогичных табличек вырезал опасной бритвой Воробьянинов, пока Бендер искал последний из 12 стульев, и именно этой бритвой Ипполит Матвеевич пытался зарезать своего компаньона. С исчезновением коммунальных квартир

исчезают – кроме прочего – и такие таблички. А какие фамилии на них были! Так, Борис Оскарович Бурда, навещая Анатолия, интерпретировал вторую табличку на двери нашей коммунальной квартиры «Штейнбок Барило Гофман» (это фамилии мужей и жён в двух поколениях) как «господин Штейнбок Барило фон Гофман».

Вооружённые этими сведениями, приступаем к осмотру комплекса зданий Медина. По фасаду здание Главного корпуса Ш-образное, цокольный этаж имеет переменную высоту из-за уклона улицы к морю, остальные этажи величественны и высоки. Между вторым и третьим этажом – фамилии учёных, составивших славу отечественной и мировой медицины.

Во двор выступает полукруглая часть корпуса – в ней расположена большая аудитория. Во дворе ещё ряд интересных зданий, включая клиники Медина в 100 % английском стиле. Странно, что эту натуру не использовали при съёмках «Приключений Шерлока Холмса и доктора Ватсона» – доктор Ватсон смотрелся бы абсолютно логично на фоне этих клиник.

Большую аудиторию Медина можно увидеть в прекрасной комедии Юлиуша Махульского «Дежа вю»: в финале фильма знаменитого киллера Джона Полака считают сумасшедшим и демонстрируют студентам именно в этой аудитории. Наш отец был поражён красотой интерьеров института, когда пришёл в главный корпус на защиту диссертации своего одноклассника – и со школьных лет друга – Даниила Наумовича Вайсфельда.

Даниил Наумович (для нас просто «дядя Дима») входит в плеяду замечательных деятелей, создавшую Одессу такой, какой её знают, любят и какой гордятся по всему миру. Он внёс неоценимый вклад в развитие нашего города как курорта. В память о нём установлена мемориальная доска на лечебном корпусе санатория «Лермонтовский». Но главное – этот санаторий, где он развивал курортологию как науку, работает, в отличие от десятков других одесских санаториев, варварски уничтоженных «эффективными менеджерами».

Вообще уничтожение уникальной системы санаториев – системы глубоко продуманной, не имеющей аналогов в мире, к тому же вполне коммерчески работоспособной – одно из, прямо скажем, преступлений, связанных с переходом к нашему нынешнему капитализму. Причём совершено это преступление не столько из

корысти, сколько из близорукости. При долгосрочном использовании санатории приносят куда больше прибыли, чем всё, что удалось наклепать на их месте. Но сразу после развала СССР наверху общества оказались в основном временщики, прекрасно понимающие, сколь краткосрочна неразбериха, и поэтому действующие по принципу «украсть – продать – сбежать». Потом на это несчастье наложилась либеральная религия – вера в благотворность неограниченной свободы личности безо всякой оглядки на общество. Она запрещает рассматривать побочные эффекты, неизбежные в любой достаточно сложной структуре^[6]. Поэтому взамен экономического механизма советских времён, позволявшего лечить практически бесплатно, возмещая затраты ростом производительности труда исцелённых граждан, так и не возникло иных источников оплаты санаториев, кроме карманов самих больных. Карманы эти, естественно, далеко не полны (ведь больной чаще всего задумывается о санаторном лечении, когда болезнь уже заметно подточила его работоспособность). Поэтому клиентов у нынешних санаториев несравненно меньше, чем в советское время. И развитая тогда сеть, охватившая почти всех нуждающихся в таком формате оздоровления, свернулась. А ухудшение здоровья общества влечёт дальнейшее снижение благосостояния – и порочный круг стягивается удушающей спиралью.

Несмотря на громадный комплекс зданий, расположенных на прямоугольнике, ограниченном улицами Ольгиевской, Пастера, двумя кварталами Валиховского переулка, перпендикулярными друг другу, главная учебная работа проходит на филиалах кафедр – непосредственно в лечебных учреждениях города. Мы удивлялись тому, что практически в каждой больнице Одессы есть дверь с табличкой «Кафедра медицинского университета», стенды с расписанием учебных занятий и т. п.

Отгадка нашлась, как теперь принято, в Википедии: «В университете работают 43 клинические кафедры, которые дислоцируются в 63 лечебно-профилактических учреждениях г. Одессы и области».

К сожалению, рост технической оснащённости нашей медицины в лучшем случае компенсирует, так сказать, падение вдумчивости, наблюдаемое у новых поколений врачей. Это вызвано нынешним

регрессом от принципоцентричной к фактоцентричной системе знаний. Анатолий неоднократно писал о нём. Поэтому здесь – лишь краткое изложение.

Наука в целом строится на представлении о мире как результате взаимодействия сравнительно немногих фундаментальных закономерностей. Раскрытие этих закономерностей – не только цель науки как таковой, но и весьма практичное занятие. Зная принципы и умея выводить из них следствия, можно выявлять и множество фактов, чьё изучение по отдельности требовало бы непомерных усилий. Как сказал ещё два с половиной века назад один из разработчиков Французской энциклопедии Клод Адриен Жан-Клод-Адриенович Швайцер (он перевёл свою фамилию на латынь, так что известен как Хельвеций, а у нас немецкое Х чаще всего передают по южнорусской традиции буквой Г), «знание некоторых принципов легко возмещает незнание некоторых фактов».

Например, наш отец профессор Александр Анатольевич Вассерман уже более полувека занимается, помимо прочего, разработкой методов составления уравнений состояния – формул, связывающих давление, температуру и плотность вещества. Уравнение рассчитывается на основании нескольких сот (для особо важных веществ – тысяч) экспериментальных данных, а по нему можно вычислить свойства (причём не только плотность, но и многие другие) в любой точке, почему-либо заинтересовавшей учёного или инженера. Вести эксперименты во всех этих точках сложно, долго и дорого (а при некоторых сочетаниях условий – практически невозможно). Само уравнение включает несколько десятков коэффициентов – записать их несравненно проще, чем работать с таблицами экспериментальных данных. Да и вычислить свойства в конкретной точке по уравнению можно даже вручную. Правда, для удобства издаются таблицы свойств некоторых особо важных веществ, рассчитанные на основе всё тех же уравнений состояния (отец участвовал в создании доброго десятка справочников с такими таблицами, переизданных потом и в США). Но по мере распространения всё более компактных персональных вычислительных средств таблицы вытесняются расчётными системами, непосредственно использующими уравнения (отец опять же причастен к разработке нескольких таких систем).

Из этого примера видно: понимание закономерности требует несравненно меньших усилий, чем запоминание хотя бы малой доли фактов, выводимых из неё. Фактоцентричное образование – чудовищная растрата сил и средств. Вдобавок человек, знакомый с фактами, но не знающий законов, порождающих эти факты, не может отличить новый достоверный факт от ошибки и даже сознательной дезинформации. Но как раз это и стало главной причиной массового насаждения фактоцентризма взамен уже освоенного высшего уровня – понимания принципов. Слишком много в нынешней коммерции, не говоря уж о нынешней политике, желающих и умеющих извлекать выгоду из массового обмана всех, до кого удастся дотянуться. Понятно, им очень мешают люди, способные самостоятельно распознавать обман.

2. Они были первыми: скорая помощь, больница и бактериологическая станция

Представляется логичным завершить монолог о вреде фактоцентричного образования на выходе из двора Медина в Валиховский переулок. На выходе из переулка на спуск Маринеско стоит старая бельгийская трансформаторная будка. Это след деятельности бельгийского акционерного общества по электрификации Одессы и обеспечению города трамвайной сетью. Осталось немного таких сооружений, выстроенных в популярном в начале XX века стиле модерн. Рассказ о деятельности бельгийского общества – совершенно отдельная тема. Приведём только несколько цифр:

Доходы общества от транспортных услуг за 1913-й год (последний мирный на много лет вперёд и потому любимый статистиками для сравнений России и СССР):

- электрический трамвай – 2 777 197 рублей;
- транспорт на паровой тяге – 58 755 рублей;
- транспорт на конной тяге – 100 064 рубля.

За использование уборных при станционных павильонах построенных как и трансформаторные будки в стиле модерн) – 177 рублей (сентябрь – декабрь 1913-го года).

Итого – 2 936 013 рублей. Сколько же получил город с этих почти трёх миллионов полновесных рублей (по 0.77 грамма золота в каждом) 1913-го года? 5 % от электрического трамвая и 2 % от другого транспорта, всего 132 032 рубля. При этом только субсидии на содержание Городского театра – знаменитого Одесского оперного – составляли 60 000 рублей в год. Так что не только нынешние олигархи умеют «договариваться» с властями.

Возвращаясь на квартал, параллельный спуску Маринеско, можем осмотреть фасад Анатомического корпуса и изящную решётку, отделяющую здание от переулка. Далее поворачиваем налево. По обе стороны переулка – что нас уже совершенно не удивляет – различные

медицинские учреждения. Практически на каждом – мемориальная табличка в честь какого-нибудь выдающегося врача.

Но мы остановимся у дома № 10, чтобы прочесть табличку, посвящённую не медику, но человеку, сделавшему для спасения жизней не меньше, чем выдающийся врач – графу Михаилу Михайловичу Толстому-младшему. Михаил Михайлович принадлежал к одесской ветви могучего рода графов Толстых и был одесситом во втором поколении. Его дед приехал в Одессу ещё в 1847-м году, избирался вице-президентом – а после смерти князя Воронцова президентом – Императорского общества сельского хозяйства Южной России. Под его председательством работала комиссия по сооружению памятника Михаилу Семёновичу Воронцову. Этот факт запечатлён на памятнике такими маленькими буквами, что прочесть их можно только в мощный бинокль. Также по инициативе Михаила Дмитриевича Толстого был введен полукопеечный сбор с пуда вывозимых через границу товаров. Деньги от этого сбора исправно шли на замощение одесских улиц и на устройство канализации в городе. В результате этой меры мостовые в центре Одессы, как это сейчас ни странно, были лучшими в России в 1870–80-х годах.

Сын Михаила Дмитриевича – Михаил Михайлович – продолжил и развил активную деятельность отца на благо Одессы. Именно ему принадлежит идея создания станции «Скорой помощи». Осуществили идею в 1903-м году, уже после его смерти, жена графа и его сын Михаил Михайлович-младший. Михаил Михайлович-младший выделил на организацию станции 100 000 рублей, а затем до самой революции содержал её, выделяя для этого 22 000 рублей ежегодно.

Мы ещё расскажем о роли Михаила Михайловича в развитии и поддержании городской публичной библиотеки, когда будем осматривать её здание.

Здесь же нельзя не рассказать ещё об одном удивительном человеке – Якове Юлиевиче Бардахе – враче, учёном, педагоге. Благодаря таким людям, как Я. Ю. Бардах, рассказывая про Одессу, мы часто говорим: «впервые в России».

Будучи домашним лечащим врачом семьи графа Толстого, Яков Юльевич принимал самое активное участие в организации станции «Скорой помощи» и возглавлял станцию с момента основания и до самой своей смерти в 1929-м году. Причём первые 14 лет делал это

бесплатно. Чтобы только кратким образом характеризовать его громадную и разностороннюю деятельность, будем упоминать только сделанное «впервые в России»:

1. 1886-й год. ПЕРВАЯ в России бактериологическая станция – мы сейчас пройдем к зданию этой станции.

2. 1886-й год. ПЕРВАЯ в России прививка от бешенства, и первым испытывает прививку на себе Яков Бардах.

3. 1886–1887-й годы. ПЕРВЫЕ занятия в России по бактериологии, которые проводили на станции Илья Ильич Мечников (теоретический курс) и Я. Ю. Бардах (практические занятия).

4. 1894-й год. ПЕРВАЯ русская серологическая работа «Исследования по дифтерии».

5. 1895-й год. Я. Ю. Бардах ПЕРВЫМ в России приступает к чтению систематического курса общей микробиологии на естественном отделении физико-математического факультета Новороссийского университета.

6. 1922-й год. Я. Ю. Бардах становится ПЕРВЫМ профессором ПЕРВОЙ в России кафедры микробиологии.

Заслуги профессора Бардаха перед наукой вообще и перед городом Одесса в частности признаны Советской властью столь значимыми, что в те годы, когда частные дома и особняки национализировались, Якову Юлиевичу был возвращён его бывший дом. Этот дом (кстати, купленный на деньги, одолженные Михаилом Михайловичем Толстым), расположен рядом с нашей школой, и мы знали, что он принадлежит потомкам основателя Одесской станции «Скорой помощи», которому дом «оставил Ленин». Вот так в народе трансформировалось постановление малого заседания Президиума ВУЦИК (ВсеУкраинского Центрального Исполнительного Комитета советов рабочих и крестьянских депутатов) от 18-го декабря 1923-го года... Желающих детально познакомиться с жизнью Якова Юлиевича Бардаха отсылаем к ресурсу^[7] в неисчерпаемом сейчас Интернете, а сами движемся дальше.

Рядом с особняком Станции скорой помощи «стекляшка» – один из магазинов успешнейшей сети супермаркетов. Как и везде, в Одессе идёт укрупнение рынка: сети супермаркетов выкупают сколь-нибудь крупные магазины, так что несетевыми остаются только маленькие

магазинчики «шаговой доступности». Разглядывая «стекляшку», Александр Александрович Генис либо его старший товарищ Борис Михайлович Парамонов, должно быть, сказали бы: «Победа этики над эстетикой». Действительно, здание из стекла и стали неэстетично смотрится в окружении старинных домов.

Но неэтично заставлять родственников больных тащить им еду издалека – а питание в больницах сами знаете, какое.

Мы поворачиваем направо для осмотра ещё трёх объектов. Два из них не относятся напрямую к тематике экскурсии, но представляют несомненный интерес.

Во-первых, Храм Рождества Христова и Одесско-Балтская Епархия Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата. Этот патриархат самопровозглашён, то есть даже не попытался исполнить ни одну из множества формальностей, предусмотренных православным канонам для подобных случаев. Очень уж торопились его создатели исполнить придуманное ими же требование **«независимой державе – независимую церковь»**^[8], а ритуал в данном случае очень нетороплив (на создание Московского патриархата ушло более века) хотя бы потому, что требует согласия всех уже существующих патриархатов на каждый из множества этапов. Нарушение канона сделало Киевский патриархат, по христианской терминологии, безблагодатным: его священнослужители не обладают благодатью, передаваемой по эстафете от самого Христа по определённом ритуалу, и проводимые ими таинства не имеют священной силы. Более того, изначальное нарушение канона непреодолимо: если даже когда-нибудь в Киеве будет создан собственный патриархат, то с нуля – согласно канону и без участия кого бы то ни было из служителей (и даже прихожан!) нынешнего патриархата (если, конечно, они не пройдут надлежащие обряды покаяния и принятия вновь в лоно канонической церкви). Для авторов этой книги – атеистов – подобные правила выглядят странно, но для верующих очень значимы. Это видно хотя бы из того, что храм Рождества Христова – одна из всего двух церквей Киевского патриархата в Одессе. Достаточно посмотреть, какую площадь она занимает (а ведь в здании ещё размещается и аппарат епархии), чтобы

понять соотношение, так сказать, сил Киевского и Московского Патриархата в Одессе.

Далее мы должны осмотреть «циркульный корпус» – таково условное название закруглённого корпуса Одесской городской инфекционной больницы. Здание разрушается, на его месте планируют возвести новое, так что, как говорили после размещения американских ракет средней дальности в Европе: «Посетите Европу, пока она есть». Можем смело пройти через проходную: хотя больница и инфекционная, но во двор проход свободный – тем более что на территории находятся, как теперь принято, аптеки и независимые коммерческие диагностические центры.

Мы рассматриваем одно из самым первых каменных сооружений Одессы. Великий Ришельё (мы много о нём рассказывали в первой книге), убедил императора Александра I: в новом портовом городе необходимо создать не только театр, но и Карантинную бухту, и карантинную инфекционную больницу. В итоге Ришельё добился создания проектов театра Одессы и карантинной инфекционной больницы у тогдашнего придворного архитектора Жана Франсуа Тома (Тома де Томона) – автора множества прекрасных зданий, из коих известнейшее нынче – биржа на стрелке Васильевского острова в Санкт-Петербурге. Как мы помним, театр Тома де Томона сгорел, и теперь Одесса имеет знаменитый Оперный театр, выстроенный по проекту австрийского архитектурного бюро зданий театров^[9] Фердинанда Фердинандовича Фельнера и Хермана Готлиба Хайнрих-Адольф-Эрнстовича Хельмера. Больница «при смерти», но её ещё можно осмотреть.

Тома де Томон работал во времена господства в Российской империи стиля классицизм и был сторонником гигантомании в архитектуре. К тому же отсутствие образцов больниц как типа архитектурных сооружений в ту эпоху привело к использованию распространённого образца дворца. Как говорилось на аукционе при продаже стульев Воробьянинова: «Стулья из дворца». А у нас – «больница из дворца». Точнее, Одесская городская больница внешне напоминает дворец, что сделало её уникальным сооружением города.

Первая стадия строительства велась в 1804–1806-м годах – весьма небольшой срок для такого объёмного сооружения. Больница заработала уже в 1807-м. Тома де Томон погиб в 1813-м, упав со

строительных лесов в Петербурге. В Одессе на стройке он не был; распространённая практика, несмотря на отсутствие мобильных телефонов с видеокамерой. Фельнер и Хельмер в Одессе тоже не были, а какой красавец театр получился!

Как сказали бы сейчас специалисты по менеджменту – они правильно делегировали полномочия (ответ, кстати сказать, тем, кто требует немедленного присутствия президента на месте любой техногенной либо природной катастрофы). Извините, снова отвлеклись.

В 1846–1848-м годах над галереями надстроили второй этаж, что повысило ёмкость помещений больницы без существенного изменения её архитектурного облика и без изменений первоначальной планировки Тома де Томона.

Здание больницы имеет центральный корпус, закруглённые крылья – галереи (от них и получил название циркульный корпус), два боковых павильона, выходящих на красную линию улицы. Павильон справа от входа служил церковью для панихид по умершим. В больнице в 1856–1858-м годах работал выдающийся учёный и хирург Николай Иванович Пирогов. Так что наш Медин не менее логично, чем Винницкий, носил имя Пирогова. В циркульном корпусе в 1859–1870-м годах работал Николай Васильевич Склифосовский, заведя хирургическим отделением. Преемники Склифосовского удалили Владимиру аппендикс. Прогресс медицины за 170 лет после открытия больницы позволил ему выжить и писать эти строки. Здание и спустя полтора века после окончания строительства впечатлило его высотой потолков, мощностью деревянных дверей и мраморных лестниц, а также красотой помещений, использовавшихся как аудитории Медина.

Добросовестно продолжая изучать всё связанное с Медином, проходим по Пастера ещё один квартал и переходим на чётную сторону, чтобы посмотреть на здание его кафедры иностранных языков. Симпатичный отдельно стоящий особнячок – не вполне типичное здание для Одессы, застроенной в основном многоквартирными доходными домами. Кстати, напротив – тоже симпатичный особнячок, к тому же прекрасно отремонтированный. Это – бактериологическая лаборатория инфекционной больницы.

Мы же стоим у здания, где в советское время, когда практически все ВУЗы готовили офицеров запаса, размещалась военная кафедра

Медина. А до революции здесь размещалась, выражаясь сухим энциклопедическим языком, «Первая в России и вторая в мире бактериологическая станция». Мы видим удивительно точную одесскую топонимику: адрес здания – Пастера, № 2, а находится оно недалеко от начала улицы Мечникова. Как мы знаем, именно эти два великих деятеля науки заложили основы современной бактериологии.

Рассказ о всех перипетиях, связанных с открытием станции, отнял бы у нас добрых три – четыре часа – много даже для самых терпеливых слушателей. Но нельзя не рассказать о следующем.

Одесса, как любой открытый миру портовый город, регулярно страдала от инфекционных эпидемий. Последние заболевания чумой в Одессе официально зарегистрированы в 1911-м году, а холерой – даже в 1970-м^[10]. Не удивительно, что именно городские власти Одессы уделили столько внимания внедрению самых передовых методов борьбы с инфекционными заболеваниями.

Прежде всего, в Париж к Пастёру по настоянию работавшего в Одессе Ильи Ильича Мечникова (будущего Нобелевского лауреата) был командирован молодой врач Николай Фёдорович Гамалея (будущий лауреат Сталинской^[11] премии). Работа Николая Фёдоровича у Пастёра проходила по классическому принципу, сформулированному Нильсом Хенриком Давидом Христиановичем Бором: **«если у Вас есть яблоко, и у меня есть яблоко, после обмена у нас останется по яблоку. Но если у Вас есть идея, и у меня есть идея, то после обмена у нас будет по две идеи»**.

Пока Гамалея не поделился своими идеями, Пастёр не спешил раскрывать свои. Он планировал быть монополистом и делать вакцинации исключительно в Париже. Но присутствие, как сказали бы сейчас, «ограниченного контингента» искусанных бешеными зверями российских граждан в Париже не радовало местных жителей. К тому же Пастёр понял: временной фактор – ключевое звено на пути к успеху. В итоге он передал необходимый материал для приготовления вакцин в Одессе.

Одновременно с командировкой Николая Фёдоровича в Париж Мечников с упоминавшимся совсем недавно Бардахом начали приём больных... в квартире Гамалеи на Канатной, № 14. Кстати, именно этим они на месяц опередили столицу, что и позволяет писать в энциклопедиях: «Вторая в мире бактериологическая станция открыта в

Одессе». Изящный ход не оценили соседи по дому, и станции пришлось переехать на улицу Гулеву (ныне Льва Толстого), № 4, где она занимала уже 13 комнат.

В октябре 1893-го года великий Городской голова Одессы Григорий Григорьевич Маразли предложил Городской управе, что он за свои деньги построит для станции специальное здание. Это предложение **«было с благодарностью принято»** и уже 4-го ноября выделен участок для строительства. Многократно упоминавшийся в нашей первой «одесской» книге архитектор Юрий Мелентьевич Дмитренко практически за год построил это изящное здание. Открытие состоялось 5-го января 1895-го года. К сожалению, сам Маразли по болезни отсутствовал, а вскоре и вовсе ушёл в отставку с должности Городского Головы.

Желающие более подробно изучить славную историю одесской бактериологической станции, могут заглянуть на сайт^[12].

Продолжаем движение. Честное слово – по пути у нас много интересного.

3. Императорское Русское техническое общество

Мы можем перефразировать строки песни «Кудой в Одессе ни пойдёшь, тудую выйдешь прямо к морю». Применительно к нашему маршруту «... Тудую выйдешь к факультету». Или к другому зданию, связанному с ВУЗом. Убедимся в этом немедленно.

Для этого пройдем ещё буквально пару шагов вдоль здания бактериологической станции и завернем за угол. Мы в начале Старопортофранковской улицы. Об эпохе порто-франко и о её роли в становлении Одессы мы рассказывали в нашей первой книге.

Поскольку улица была пограничной, на её чётной стороне (внешней по отношению к территории порто-франко) не было жилых домов, дабы затруднить контрабандистам строительство тоннелей. За прошедшие полтора века несколько жилых домов на этой стороне улицы появилось, но большую её часть по сей день составляют учреждения и скверы. Так, первое здание (имеющее формально адрес: улица Мечникова, № 2) – Стоматологическая клиника Медина, второе здание (с адресом: Мечникова, № 2/3) – библиотека Медина.

Далее начинаются здания на красной линии, И первые же из них – здания факультета! Старопортофранковская, № 2/4 – художественно-графический факультет Южноукраинского национального педагогического университета имени Константина Дмитриевича Ушинского, проще говоря – «худграф Педина». О ВУЗе мы подробнее поговорим, осматривая другие его корпуса на той же Старопортофранковской. Сейчас же интересно отметить: здания, где разместился «худграф», построены тем же Ю. М. Дмитренко. Он же построил и здание «Толстовской скорой помощи» – его мы осматривали в Валиховском переулке.

Это неудивительно: Юрий Мелентьевич построил в Одессе свыше 40 домов. Среди его творений – прекрасная гостиница «Лондонская» на Приморском бульваре, мощное здание Крестьянского банка на Маразлиевской. Рассматриваемые нами строения скромнее, но тоже очень симпатичные. Это был комплекс помещений Народного училища и Дневного детского приюта.

В здание худграфа упирается улица Княжеская. Прежде всего посмотрим на удивительные полукруглые балконы углового дома. Трамвай, сворачивающий прямо под окнами со Старопортофранковской на Княжескую, своим шумом, конечно, снижает ценность квартир с этими балконами, но всё равно порой завидуешь владельцам такого своеобразного жилья.

На нечётной стороне Княжеской стоят два особняка, облицованных кирпичом. В ближайшем из них – кафедра микробиологии, вирусологии и иммунологии всё того же Медина. Второе здание, медленно, но верно разрушающееся на углу Княжеской и Новосельского, обросло многочисленными легендами.

Несмотря на высокую степень разрушения, следы былой мощи и красоты ещё видны. Поскольку на фронте проступает чертежный угольник, а сам дом несколько мрачноват, большинство считает, что перед нами здание масонской ложи. На самом же деле здесь размещалось отделение Императорского Русского технического общества (ИРТО). Здание рухнуло 20 июня 2016 года.

Как и в случае «Бактериологической станции», даже краткий рассказ о заслугах одесского отделения Русского технического общества займет очень много времени. Поэтому отметим только такие факты:

- одесское отделение ИРТО создано уже в 1871-м году – через четыре года после принятия решения о создании таких отделений и четвёртым в Российской империи;

- здание для отделения строил архитектор Александр Иосифович (Осипович) Бернардацци – он построил также здания новой Биржи и гостиницы «Бристоль» (двух несомненных шедевров одесской архитектуры); внутренние интерьеры спроектировал Герман Карлович Шеврембрандт – его мы знаем как архитектора лютеранской церкви святого Павла (кирхи);

- 15-го сентября 1897-го года в рассматриваемом нами здании Александр Степанович Попов в рамках «IV совещательного съезда железнодорожных электротехников и представителей службы телеграфа русских железных дорог» произвёл опыты по, как тогда говорили, «беспроводной передаче депеши». Кроме делегатов, прибывших со всей Империи, на докладе присутствовали работники почтово-телеграфного ведомства Одессы, офицеры технических войск,

командиры и офицеры находившихся в Одесском порту и на рейде кораблей, преподаватели и студенты.

- Именно техническое общество выступило с инициативой организации в Одессе политехнического, экономического и хлебопромышленного института. Все эти институты не только созданы, но и работают до сих пор.

После революции в здании находился Институт редких металлов и опытное производство физико-химического института АН УССР. Деятельность института редких металлов была засекречена, что порождает не меньше легенд о хранящихся в здании сокровищах, чем угольник на фронтоне.

Плачевное состояние здания, с которым связано так много важных событий одесской истории, не может не огорчать. Парадокс заключается в том, что статус объекта, охраняемого государством, только мешает его спасению. Если, например, в Чехии замок, нуждающийся в реставрации, за одну крону продают тому, кто берётся его реставрировать, то у нас государство, грубо говоря, ведёт себя как «собака на сене». При этом табличка «Охраняется государством» у таких разрушающихся объектов выглядит просто дискредитирующей само государство. К сожалению, в Одессе это мы можем встретить неоднократно. Вот и здание ИРТО рухнуло 20-го июня 2016 года.

Скажем ещё пару слов о здании, занимаемом кафедрой микробиологии. Оно стилистически сходно со зданием ИРТО не случайно. В нём размещалась школа десятников строительного дела, существовавшая при одесском отделении инженерного общества. Причём здание построено в 1902-м году специально для этой школы. Школа была весьма серьёзным учебным заведением – сначала двухлетним, потом трёхлетним. Интересно отметить, что в нём преподавались не только технические дисциплины, но и общеобразовательные. Так, русскую словесность преподавал Пётр Васильевич Катаев – отец писателей Валентина и Евгения (второй писал под псевдонимом Евгений Петров).

Мы всё время натываемся на такие совпадения: в школе десятников преподавал отец Катаева и Петрова; Ляпунов слушал лекции Менделеева по химии, его оппонент по докторской диссертации – Николай Егорович Жуковский, а женился Ляпунов на

племяннице Ивана Михайловича Сеченова, улицу чьего имени мы как раз сейчас пересекаем, двигаясь по Княжеской от Старопортофранковской. Можно сказать: «Тесен мир», но точнее сформулировал наш знакомый – «прослойка узкая». Эта узость ощущается даже сейчас. И, безусловно, куда острее была в России конца XIX века, когда грамотные люди составляли по данным переписи 1897-го года 21 % населения, а выпускник университета был один примерно на 1000 человек.

4. «Горьковка» и окрестности

Мы пересекли переулок Сеченова и продолжаем двигаться по Княжеской. Красивый дом № 8 памятен нашей семье. В нём с 1966-го года жили наши дедушка и бабушка по материнской линии.

Они занимали прекрасную 30-метровую комнату с высоким потолком: зеркало голландской печи украшал барельеф рыцаря, паркет в комнате был дубовый. Но таких красивых комнат в квартире было семь, и в каждой жила семья. Из примет быта коммуны – в комнате располагался выключатель, обесточивающий электрические выключатели в ванной, туалете и на кухне, чтобы «соседи-враги» (меткое для коммун выражение Александра Сергеевича Пушкина) не пользовались вашей лампочкой, посещая туалет. Со смерти бабушки прошло 30 лет, но мы как сейчас помним туалет с семью голыми лампочками в патронах и семью унитазами кругами на гвоздиках.

Дедушка был человеком передовых убеждений. Так, ещё в начале 1950-х он работал в Москве и звал в столицу всю семью. Но к нему не прислушались, и завершал он свой век, как и большинство коренных одесситов, в коммуне, где ему даже не удалось убедить соседей объединить электросети мест общего пользования и убрать из коридоров могучие шкафы. Квартира очень большая, её не успели выкупить, как подоспели более привлекательные дома – новострой. Так что, судя по входной двери в квартиру, там всё без изменений.

Ещё одна забавная деталь: нам запрещалось выходить на балкон – он считался аварийным. В конце концов соседи пробили свою дверь на этот же балкон, потом поставили на нём перегородку, затем на своей части поставили оконные рамы, сделав её закрытой – лоджией. «Аварийный» балкон всё выдержал и стоит до сих пор.

В соседнем доме – ещё один объект, связанный с темой экскурсии: одесское областное базовое медицинское училище. В период нашей молодости в Одессе было три медучилища, теперь – после реорганизаций и слияний – осталось одно. Якоря у входа показывают: оно некогда было с военно-морским уклоном.

Несмотря на значительные заслуги одесского Медина, нельзя не отметить: в определённый период вероятность поступления в него

горожан, особенно «из служащих» (а уж «лиц еврейской национальности» и подавно), была строго равна нулю. Так что люди этих категорий, не мыслившие себя вне медицины, избирали долгий путь: медучилище – работа на скорой помощи – мединститут (как правило, не одесский). Так поступили и двое товарищей Владимира. Один теперь живёт в Чикаго, другой – в Сиднее. Несправедливый «запрет на профессию» вряд ли был единственной причиной их отъезда, но уж точно не противодействовал ему.

У Анатолия есть изящное объяснение причин господствовавшей практики. По его мнению, таким способом отсекали тех, кто благодаря хорошему воспитанию и образованию имел заведомое преимущество на экзаменах, дабы выявить тех, кто обладает лучшим потенциалом для дальнейшего обучения. Но тут мы сделаем беспрецедентное для соавторов заявление: так думает только Анатолий, а Владимир считает, что столь тонко рабоче-крестьянская власть не думала, а просто проявляла примитивное недоверие к передовой и образованной части своих граждан.

Мы завершили петлю походов и вновь вышли на Ольгиевскую улицу. Один квартал вниз до Пастера. Слева – дом по Ольгиевской, № 10. В нём жил Главный конструктор ракетно-космической техники, конструктор двигателей наших ракет Валентин Петрович Глушко. Чтобы заинтриговать экскурсантов личностью Глушко, достаточно сказать:

– Вы знаете Главного конструктора ракетно-космической техники Сергея Павловича Королёва? Глушко был его начальником...

Конечно, Валентин Петрович не был начальником СП (так называли Королёва «за глаза» его сотрудники) в то время, когда Королёв руководил подготовкой к запуску первого спутника, а потом и первого космонавта. В это время Глушко был «всего лишь» главным конструктором разгонных двигателей ракет (за тормозные и управляющие двигатели отвечали другие – на своих направлениях тоже главные – конструкторы). Поскольку сотрудничество двух главных конструкторов происходило в постоянной конкуренции^[13], Глушко говорил:

– Что такое ракета-носитель? Обыкновенная труба, к которой прикреплены мои двигатели.

Валентин Петрович родился в Одессе в 1908-м году, окончил фактически то же реальное училище, что и Лейба Давидович Бронштейн – впоследствии Лев Троцкий (при Троцком это было училище святого Павла, при Глушко уже IV Профтехшкола имени Троцкого). Затем закончил Ленинградский университет и работал в Газодинамической лаборатории (той, что размещалась, как ни странно, в Петропавловской крепости).

В 1936-м году началось сотрудничество Глушко и Королёва – первый разработал жидкостный ракетный двигатель для крылатой ракеты второго.

Начальником Королёва Глушко был в Казани, когда отбывал срок в должности главного конструктора КБ спецотдела НКВД^[14] при моторном заводе № 16. Собственно, именно Глушко «вытребовал» Королёва – тоже заключённого, работавшего в подчинённом НКВД авиационном конструкторском бюро на верхнем этаже главного корпуса Центрального аэрогидродинамического института – на это предприятие. Затем обоих направляют в Германию – собирать всё, что связано с немецкой ракетной программой, причём Глушко командирован в звании полковника, а Королёв – подполковника.

Но потом – в совете главных конструкторов – Королёв занимает лидирующее положение. Именно с ним прежде всего связаны непревзойдённые успехи советской космической программы: первый спутник, первый научный спутник, первый снимок невидимой стороны Луны и, наконец, первый человек в космосе.

Глушко занимает пост Королёва в мае 1974-го – через 8 лет после смерти СП и после снятия с этой должности соратника Королёва Василия Павловича Мишина. При этом путём слияния ОКБ, основанного Глушко, и КБ, руководимого ранее С. П. Королёвым, создаётся НПО «Энергия».

По инициативе Валентина Петровича свёрнуты работы по лунной ракете Н-1. Технически значимых причин для такого решения немало. Но многие специалисты, знающие характер Глушко, полагают: хватило бы и того, что на Н-1 стояли, да ещё в громадных количествах (30 на 1-й ступени, 8 на 2-й, 4 на 3-й, 1 на 4-й) двигатели КБ Николая Дмитриевича Кузнецова (до того занимавшегося только авиадвигателями; известнейший из них – турбовинтовой НК-12 – использован на грузоподъёмнейшем в своё время – до 80 тонн полезной нагрузки –

транспортном самолёте Ан-22, летающем по сей день стратегическом бомбардировщике Ту-95 и его пассажирском варианте Ту-114).

Вместо Н-1 по предложению и под руководством Глушко создана многоцветная космическая система «Энергия». Увы, неурядицы перестроечного и постсоветского времени позволили всего однажды – 15-го ноября 1988-го года – использовать её для вывода в космос полезной нагрузки – тоже многоцветного и тоже добравшегося до космоса лишь однажды, да ещё без экипажа, корабля «Буран». Глушко возглавлял работы по совершенствованию пилотируемых космических кораблей «Союз», грузового корабля «Прогресс», орбитальных станций «Салют», созданию орбитальной станции «Мир».

Как и положено человеку такого масштаба, Валентин Петрович был честолюбив. Рассказывают: он лично выбирал место для бюста, положенного ему как дважды Герою Социалистического труда, и остановился на Приморском бульваре Одессы около Воронцовского дворца. Почётнее не придумаешь. Бюст министру обороны СССР – тоже уроженцу Одессы – Родиону Яковлевичу Малиновскому установлен, пожалуй, в чуть менее престижной точке. Но Валентин Петрович немного перестарался – в связи с задачей сохранения исторического облика бульвара бюст перенесли в спальный район города и установили в начале улицы, носящей имя академика Глушко. Опять точная одесская топонимика – улица **перпендикулярна** улице академика Королёва.

Замечательный эпизод, характеризующий Глушко-человека, приводит в своих воспоминания академик Борис Евгеньевич Черток: **«Когда хоронили Королёва, мы вместе выходили из Дома союзов. Глушко совершенно серьёзно сказал: «Я готов через год умереть, если будут такие же похороны»»**.

Валентин Петрович умер не в 1967-м, а в 1989-м году, и похороны действительно были не такие, как у Королёва...

Для детального изучения ВУЗов Одессы с угла Ольгиевской и Пастера мы движемся по Пастера налево к дому № 16. В нём находится Центр подготовки и аттестации плавсостава – частное высшее учебное заведение. В своё время это был факультет последипломного образования Одесского Высшего инженерного морского училища. Следуя недобрым традициям времени, сначала приватизировали, точнее «прихватизировали» крупнейшую

судоходную компанию мира – Черноморское морское пароходство, затем приватизировали и факультет. Но сильные традиции подготовки моряков, к счастью, остались. В результате на сегодня Украина практически не имеет своего флота, но занимает третье – четвёртое место в мире как страна-поставщик рабочей силы на морском рынке труда. Поскольку на этом рынке очень жёсткие требования по регулярной переподготовке, а сам рынок даёт очень приличный заработок, в районе трёх кварталов от Центра невозможно припарковать автомобиль – поток учащихся Центра подготовки не иссякает.

Вернувшись к углу Пастера и переулка Ляпунова, мы видим здание, построенное в каком-то античном стиле. Это здание Одесской национальной научной библиотеки имени Максима Горького (Алексея Максимовича Пешкова). До революции библиотека была имени императора Николая II: **«Государь Император, по всеподданнейшему докладу Министра Внутренних Дел, в 6-й день ноября 1907 г. Высочайше соизволил наименование Одесской Городской Публичной Библиотеки именем «Императора Николая II»»**.

Занятно, что докладывал на эту тему министр внутренних дел. Также видно, почему у Остапа Бендера, держащего речь перед будущими членами секретного «Союза меча и орала», из дореволюционных оборотов речи в голове вертится **«Милостиво соизволил повелеть»**.

В череде наименований в честь Максима Горького, эпидемически охвативших СССР после долгожданного возвращения пролетарского писателя с острова Капри (то есть из фашистской Италии, кстати сказать), именем Горького названа и наша библиотека. Переименование справедливое: Горький говорил, что **«лучшим во мне я обязан книгам»**; последний русский император не мог бы подписаться под этими словами.

Кстати, эта волна переименований вдохновила уроженца австро-венгерской части Польши, неутомимого сочинителя антисоветских анекдотов (и героя множества несомненно сочинённых другими – но не менее антисоветских – анекдотов) – а по совместительству ещё и члена Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, члена Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), организатора

нескольких попыток коммунистических восстаний и государственных переворотов в разных странах (в том числе, по официальным данным, и в СССР – за что и осуждён в 1937-м на 10 лет лишения свободы, но через 2 года убит в тюрьме уголовниками, не выдержавшими остроты его языка) – Карла Бернгардовича Собельсона, более известного под псевдонимом Радек, на шутку: **«У нас теперь есть улица Максима Горького, есть самолёт Максима Горького, есть заводы Максима Горького, есть город Максима Горького – не назвать ли всю нашу советскую жизнь максимально горькой?»**

Те, кто хоть немного знаком с историей Одессы, не удивятся тому, что открытая по указу Николая I городская публичная библиотека была второй в России после Санкт-Петербургской. Её открыли 15-го (по григорианскому календарю – 27-го) апреля 1830-го года, причём с задержкой на несколько месяцев – из-за очередной эпидемии чумы.

Губернатор Новороссийского края и Бессарабии граф М. С. Воронцов, по чьему ходатайству и открыта библиотека, пожертвовал ей 600 томов французских классиков в роскошном издании Дидо. Этот благородный поступок подхватили и развили другие знаменитые одесситы. На протяжении XIX века фонды библиотеки непрерывно пополнялись, в том числе и пожертвованиями. Так, городской голова Г. Г. Маразли передал ей 10 000 томов, а граф М. М. Толстой – свыше 40 000 томов (!).

В результате библиотека уже просто не помещалась в здании на Николаевском (Приморском) бульваре. В 1883-м году для нее и музея общества истории и древностей на деньги Маразли выстроено отдельное здание. Сейчас это здание Археологического музея. Но и его оказалось недостаточно.

В 1901-м году Михаил Михайлович Толстой-младший – как попечитель библиотеки – пишет в Городскую управу записку с предложением выстроить для библиотеки отдельное здание. Получается совсем по Бисмарку – «русские долго запрягают, но быстро ездят». Только в марте 1904-го в городскую думу внесён вопрос о постройке нового здания библиотеки. Строительство здания отнесено к «насуущим нуждам» Одессы, для удовлетворения которых получен заём в 10 млн. рублей, из них 200 тысяч выделено специально для строительства нового здания.

Закладка состоялась 19-го апреля 1905-го года, а уже 19-го февраля 1907-го – завидная даже по нынешнему времени скорость – городская библиотека приняла посетителей в новом прекрасном здании, выстроенном архитектором Фёдором Павловичем Нестурхом. Новое девятиэтажное книгохранилище, расположенное вдоль переулочка Ляпунова, построено в 1968-м году. Если – из уважения к гостям города – нас пропустят внутрь библиотеки, мы сможем полюбоваться прекрасными интерьерами, старинными лампами под зелёными абажурами в главном читальном зале и насладиться его удивительно одухотворённой тишиной. Читальный зал «Горьковки» (так называют библиотеку в Одессе), несомненно, сходен по внешнему виду с читальным залом «Ленинки» (так называли в своё время главную библиотеку СССР). Это сходство, однако, вряд ли вызвано дружбой Горького и Ленина – тем более, что их отношения были достаточно сложны.

Михаил Михайлович Толстой продолжал оставаться попечителем библиотеки, выделяя ей ежегодно от 500 до 2000 рублей. При этом, как мы помним, он ещё и содержал станцию «Скорой помощи», помогал городскому театру, картинной галерее, различным лечебницам и приютам. В 1909-м году, **«целя огромные заслуги, благотворительную и гуманную деятельность»**, Городская Дума избрала Михаила Михайловича почётным гражданином Одессы.

Закончилось всё достаточно традиционно. В декабре 1919-го года граф написал письмо-распоряжение **«Желая пополнить некоторые отделы Одесской городской публичной библиотеки, я передаю ей в полную собственность всё собрание принадлежащих мне книг»**. В январе 1920-го граф М. М. Толстой эмигрирует, а в апреле 1927-го – в 64 года – умирает в Женеве.

Окончание жизни в Швейцарии с учётом явного отсутствия языкового барьера отнюдь не представлялось трагическим советским людям, мечтавшим хоть краем глаза посмотреть на заграницу. Собственно, удивительный парадокс траектории движения к коммунизму заложил первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущёв своим лозунгом **«Догоним и перегоним Америку»**^[15], после чего западный мир и вовсе представлялся неискущённому гражданину СССР раем на Земле. Открытие границ, увы, быстро доказало: всё это далеко не так, как полагали мы с подачи Хрущёва. Но граф Толстой

скорее всего думал на чужбине вовсе не о материальной стороне жизни. Преданность родному городу, желание быть полезным и нужным Одессе, одухотворявшие всю его жизнь, делали пребывание даже в уютной Швейцарии грустным и нерадостным.

Наследие Толстого и ещё множества замечательных людей не пропало (и по мере нынешних скромных возможностей приумножается по сей день). Нынешний фонд областной государственной научной библиотеки соответствует требованиям всей обширной одесской системы науки и образования. Авторы не раз убеждались в этом, обнаруживая там всё нужное для их собственных многообразных занятий и увлечений.

В частности, Анатолий обнаружил: в тематическом каталоге половину стандартного картотечного ящика занимают карточки книг о Дворце советов СССР (то есть в библиотеке примерно 300–400 книг на эту тему) – и прочёл их все. Вообще он впервые попал в Горьковку сразу после перехода на третий курс (как только позволили правила научной библиотеки) и в последующие лет пятнадцать проводил там в среднем по 4–5 часов в сутки. Одно время имел даже читательский билет № 1 – то есть к концу срока действия предыдущего билета оказался первым, кто пришёл в библиотеку в новом году.

Нынче трудно представить себе сбор сведений по какой-то теме без доступа к Интернету, без систем поиска по ключевым словам и фразам (а слово «выгуглить» стало едва ли не популярнейшим синонимом слова «найти»). По обширному опыту смеем заверить: читать книги по сей день удобнее на бумаге, а не на экране, да и тематические каталоги не уступают поисковым машинам хотя бы потому, что выдают меньше случайных совпадений.

Правда, для использования тематического каталога желательно иметь хотя бы самое общее представление и о самом изучаемом предмете, и об его связях с другими областями знаний и деятельности. В идеале такие представления образуют целостную картину мира – понимание основных закономерностей, чьё взаимодействие формирует всё многообразие наблюдаемых в нём явлений и процессов. В те времена, когда мы учились, формирование такой картины было если не явно заявленной, то по меньшей мере понятной каждому задачей средней и высшей школы. К сожалению, реформы образования в последние десятилетия нацелены на разрушение целостности

восприятия – прежде всего путём упомянутого выше отката к фактоцентризму. Человек, в полной мере соответствующий целям американской очень средней школы и европейского колонизированного ВУЗа, должен не просто не знать общих закономерностей, а не иметь даже возможности подумать об их существовании. По счастью, сформировать – хотя бы в самых общих чертах – целостную картину мира можно сравнительно быстро. По нашим наблюдениям, для этого достаточно прочесть в нижеуказанном порядке и хорошенько обдумать всего 4 книги: Фридрих Фридрихович Энгельс – «Анти-Дюринг»; Станислав Самуилович Лем – «Сумма технологии» (с нею авторы впервые познакомились как раз в Горьковке); Ричард Клинтон Клинтон-Джонович Докинз – «Слепой часовщик»; Дэвид Элиэзер Оскарович Дойч – «Структура реальности». Конечно, это даст лишь общие контуры целостной картины. Зато в дальнейшем все вновь узнаваемые факты и закономерности будут ложиться в неё (а значит, легче запомнятся и станут понятнее), дополнять её, уточнять и указывать на её места, нуждающиеся в доработке или даже пересмотре.

От библиотеки идем по нечётной, «то есть левой стороне улицы в сторону возрастания номеров (то есть от моря). Квартал небольшой, но запоминающийся: рядом с библиотекой расположен театр кукол (он ранее располагался в другом здании – на Пастера, № 62, недалеко от института, где мы учились – и переведен на новое место – Пастера, № 15 – в 1988-м, поскольку старое здание вернули общине евангельской пресвитерианской церкви), а на углу с Конной – здание Украинского театра. С учётом музыкального характера украинцев театр даже официально называется «музыкально-драматический». Здание строилось примерно в те же годы, что и библиотека – с 1900-го по 1903-й.

Вообще практически всё, что мы видим сейчас в центре Одессы, построено в исторически кратчайший для городов период – примерно за 40 лет: с 1875-го и до начала первой мировой войны. Можно только догадываться, какое великолепие архитектуры предстало бы перед нами, если бы расцвет Одессы не прервала Первая мировая война.

Театр, ныне ставший украинским, строил известный певец и театральный деятель Александр Иллиодорович Сибиряков на свои средства (он происходил из киевской семьи сахарозаводчиков) – как

театр русской драмы. Театр открылся 16-го октября 1903-го года спектаклем по пьесе Льва Николаевича Толстого «Плоды просвещения». Номер здания был 13. Примета оправдалась: театр начали преследовать пожары – в 1906-м году, затем – в 1912-м и наконец, сокрушительный в 1914-м. Несмотря на начавшуюся войну и катастрофический характер повреждений, театр восстановили (с существенным, правда, изменением внешнего вида). Так сильна тяга одесситов к искусству.

Напротив театра доходный дом, неуловимо напоминающий, выражаясь словами Ильфа и Петрова, «ассирийско-вавилонский»^[16] стиль филармонии. Не удивительно: архитектор дома (известного, как и все значительные здания в Одессе, по имени владельца – дом Doppельмайера) – тот же Александр Осипович Бернардацци, что строил и биржу.

5. Сеченов, Мечников и (не)примкнувший к ним Крейн

По диагонали от здания театра дом с двором, открытым на улицу. Как мы уже упоминали, прогуливаясь по переулку Ляпунова – несколько необычное зрелище для Одессы. В результате интересующая нас мемориальная табличка расположена не на фасаде здания, а на дворовом флигеле, да ещё на уровне второго этажа. Но мы не пропускаем её, поскольку надпись гласит:

«В этом доме жил и работал Илья Ильич Мечников».

Надпись повторяется на украинском языке (для желающих изучать украинский в ходе прогулок по Одессе) **«В щм будинку мешкав і працював Ілля ІллІ ч Мечшков»**. Для русскоязычного экскурсанта таинственным является слово «мешкав» (дословно – обитал) с учетом существования оборота «не мешкая». Для украиноязычного не менее удивительно слово «ЩІ м», какое-то китайское оно, право. Нормальный перевод должен быть, конечно «В цьому будинку жив і працював...»

Замечательны ещё две вещи.

Во-первых, не указано, кто такой Илья Ильич Мечников. В каком-то смысле это приятно. Так скульптор Вениамин Борисович Пинчук и архитектор Сергей Борисович Сперанский отказались от надписи, устанавливая памятник Ленину в Кремле. **«Почему нет надписи?»** – спросила конкурсная комиссия. **«Потому что это Ленин»** – лаконично ответили авторы. Аргумент был принят. Будем надеяться, что лаконизм нашей мемориальной доски продиктован подобными соображениями.

Второй факт удивительнее. В фундаментальной монографии^[17] Миньоны Исламовны Яновской «Сеченов» написано «В конце августа (1871-м года – А. В., В. В.) Сеченов со своим ассистентом Спиро выехал в Одессу. Мечникова не было, когда Иван Михайлович приехал туда. Но, как и было договорено, Сеченов снял квартиру по соседству с квартирой Ильи Ильича на Херсонской улице, у домовладелицы Соколовской». Далее подробно описывается вынужденно-холостяцкий быт живущих как соседи учёных. Так что мы исходим из того, что

стоим перед домом, где жили и Сеченов, и Мечников, а мемориальной доски Сеченову нет просто по рассеянности.

Мечникова мы упоминали в связи с организацией бактериологической станции, а Сеченова – только как родственника Ляпунова. Поэтому скажем о нём ещё несколько слов.

Если заглянуть в Интернет-энциклопедию, то можно решить, что мы смотрим статью об Онотоле на сайте «Упячка», а не о Иване Михайловиче Сеченове на сайте «Википедия»:

«Иван Михайлович Сеченов (1 (13) августа 1829 – 2 (15) ноября 1905) – русский физиолог и просветитель, публицист, мыслитель-рационалист, создатель физиологической школы, учёный-энциклопедист, биолог-эволюционист, психолог, антрополог, анатом, гистолог, патолог, психофизиолог, физико-химик, эндокринолог, офтальмолог, гематолог, нарколог, гигиенист, культуролог, приборостроитель, военный инженер. М. Е. Салтыков-Щедрин полагал, что русским, подобно тому, как французы считают Бюффона одним из основоположников своего литературного языка, следует также почитать и И. М. Сеченова как одного из основателей современного русского литературного языка».

Далее – «Создатель объективной теории поведения, основоположник современных молекулярной физиологии, клинической патофизиологии, клинической лабораторной диагностики, психофизиологии, наркологии, гематологии, нейроэндокринологии, нейроиммунологии, молекулярной медицины и биологии, протеомики, биоэлементологии, медицинской биофизики, медицинской кибернетики, авиационно-космической медицины, физиологии труда, возрастной, сравнительной и эволюционной и биохимии».

И «на закуску» – «Труды Сеченова и его пример оказали влияние и до сих пор продолжают оказывать влияние на развитие психологии, медицины, биологии, естествознания, нефтегазодобычи, газотранспортной отрасли, теории познания, правозащитного, женского, рабочего и профсоюзного движения».

Впечатление, что статья описывает деятельность не сына скромного помещика и его бывшей крепостной, а результаты работы какого-нибудь отделения Академии наук в составе нескольких НИИ. Нельзя не добавить: Сеченов – редактор первого русского перевода

труда Дарвина «Происхождение человека»; его театральные познания были настолько глубоки, что драматург Островский написал статью «Актёры по Сеченову»; сам Сеченов написал – хотя и не издал – учебник по высшей математике. Зато его классический труд «Рефлексы головного мозга» написан для некрасовского «Современника» в 1866-м году. Последний факт – просто иллюстрация слов нобелевского лауреата Ричарда Фейнмана «Если вы учёный, квантовый физик, и не можете в двух словах объяснить пятилетнему ребёнку, чем вы занимаетесь, – вы шарлатан».

Многие считали, что его роман и брак описал Николай Гаврилович Чернышевский в романе «Что делать» (Кирсанов = Сеченов, Вера Павловна = Мария Александровна Обручева – по первому мужу Бокова). Странно, что жизнь Сеченова не описал Валентин Саввич Пикуль в каком-нибудь своём историко-авантюристическом романе. Возможно, даже ему было бы не под силу охватить весь диапазон талантов этого человека и описать хотя бы часть яркой и разнообразнейшей жизни Сеченова. Нам – одесситам – наиболее интересно то, что этот необычайный человек в 1871–1876-м годах заведовал кафедрой физиологии Новороссийского университета в Одессе.

Дискутируя с физиком Робертом Джоновичем Хуком^[18] по поводу корпускулярной либо волновой природы света, Исаак Исаакович Ньютон сказал: «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов». Хук был небольшого роста, так что эта популярная ещё в античности фраза обрела и ехидный оттенок. Кстати, в этой дискуссии правы оказались оба – свет, как мы теперь знаем, имеет свойства и волны, и частицы.

Но как быть, если два гиганта стоят рядом? Впечатление от их деятельности можно недооценить: ведь сравнивая сделанное только ими самими, мы как бы смещаем масштаб.

Подобное наблюдается в архитектуре. Например, первое впечатление от собора Святого Петра в Риме: он не так велик, как мы ожидали. Дело в том, что все детали фасада хотя и громадны, но столь пропорциональны, что глазу вначале не за что зацепиться, и здание кажется меньше, чем оно есть на самом деле. Только сравнивая стоящих у фасада людей с размером базилики, можно постепенно осознать: перед нами самый большой собор в мире. Кстати,

аналогичный архитектурный приём в оформлении физического и химического факультетов МГУ: вроде бы обычные «сталинские» пятиэтажные здания, все архитектурные элементы фасада пропорционально укрупнены – издалека сразу и не оценишь. Только подойдя к зданию вплотную (а ещё лучше – войдя внутрь: один из авторов не раз выступал там с публичными беседами), понимаешь: каждый этаж по высоте вдвое больше привычных по жилым зданиям.

Поэтому, переходя к перечню научных достижений второго российского лауреата Нобелевской премии И. И. Мечникова (первым был в 1904-м году Иван Петрович Павлов), мы, если хотим правильно оценить масштаб этой личности, не должны сравнивать его работу и деятельность И. М. Сеченова, жившего с ним в том скромном доме, перед которым мы сейчас стоим.

Итак, Илья Ильич Мечников. Мы уже упоминали его, рассказывая о первой российской бактериологической станции. Справка из Википедии: «Илья Ильич Мечников (3 [15] мая 1845, Ивановка Харьковской губернии – 2 [15] июля 1916, Париж) – русский и французский биолог (микробиолог, цитолог, эмбриолог, иммунолог, физиолог и патолог).

Лауреат Нобелевской премии в области физиологии и медицины (1908)». Как говорится, «скромненько, но со вкусом».

Кстати, об открытии фагоцитоза – захвата и переваривания твёрдых частиц специально предназначенными для этого клетками крови и тканей организма (фагоцитами) – Мечников **ВПЕРВЫЕ** доложил в Одессе в 1883-м году на седьмом съезде русских естествоиспытателей и врачей. Но мы уже не удивляемся эпитету «**ВПЕРВЫЕ**», когда речь идёт об Одессе.

В книге прекрасного современного английского писателя Джулиана Барнса «Попугай Флобера» одна глава разбита на две части. В первой части жизнь Флобера описывается в двадцати параграфах как жизнь самого счастливого и успешного французского писателя. В следующих двадцати параграфах та же жизнь описывается как жизнь самого трагического французского литератора. Конечно, это своего рода игра, но в такую игру можно поиграть с биографией любого крупного исторического деятеля, за исключением, пожалуй, Иоханна Вольфганга Иоханн-Каспаровича фон Гёте.

Например, Илья Ильич Мечников. Признанный учёный мирового уровня, профессор нашего университета; директор лаборатории, заместитель директора, наконец – директор института Пастёра в Париже, почётный член многих академий наук, научных обществ и институтов, нобелевский лауреат. Его имя носят только в Одессе улица, сквер, Национальный университет и Украинский научно-исследовательский противочумный институт. Да и в других городах СССР^[19] в его честь названо много улиц, учебных и научно-исследовательских институтов. Наконец – и это самое главное для научного работника – до сих пор развиваются идеи Мечникова, в том числе и наиболее популярная: о роли кисломолочной диеты для борьбы со старением.

И другая сторона жизни Ильи Ильича. Будучи галахическим евреем (то есть сыном еврейки), он забаллотирован при выборах на должность профессора Военно-медицинской академии (Сеченов, рекомендовавший его на эту должность, в знак протеста ушёл в отставку; так оба оказались в Одессе). Преследуемый реакционным руководством Новороссийского^[20] университета, вышел в отставку, а в 1887-м году – при известном своим антисемитизмом Александре III – и вовсе вынужден покинуть Россию. Автор книги «Этюды оптимизма» сам дважды покушался на самоубийство, в 28 лет лишился любимой жены. Неутомимый исследователь причин старости и борец с нею сам умер в 71 год после нескольких инфарктов.

Такова, увы, естественная диалектика жизни. Главное же – дела человека и память о нём. Желательно – объективная память, определяемая его делами.

Возвращаемся к Украинскому театру и поворачиваем налево на улицу Конную. Дом № 14 – пятиэтажный, серый, строгий, имперский; таких немало в Санкт-Петербурге на Каменоостровском проспекте. На фасаде скромная табличка: **«В цьому будинку з 1928 р. по 1989 р. жив і працював видатний математик Марко Григорович Крейн»**. Перевод текста, думаем, не нужен.

Марк Григорьевич Крейн – один из самых крупных математиков XX века. Уровень переднего края математики к этому времени настолько отделился от, так сказать, бытовых знаний, что математики сейчас, пожалуй, самые малоизвестные учёные.

Сходу все смогут назвать только Григория Яковлевича Перельмана с его экстравагантной внешностью и не менее экстравагантным поведением. По сей день обсуждают его отказ от премии в миллион долларов. Сам он объяснил, что премию следовало бы разделить между многими исследователями, на чьи труды он опирался в собственных подходах к гипотезе Жюля Анри Леоновича Пуанкаре. Но исследователи ищут и другие причины. Например, один из авторов этой книги полагает: всё дело в обычном среди математиков мнении, что фундаментальные идеи приходят в голову только до 40 (если очень повезёт – 45) лет, а потом остаётся лишь прорабатывать придуманное ранее. Если Перельман по ходу работы над доказательством гипотезы Пуанкаре наткнулся на новое направление исследований, то мог бояться, что изменение образа жизни, неизбежное при неожиданном получении крупной суммы, отвлечёт его от работы как раз в критические годы (он родился 13-го июня 1966-го, доказал гипотезу Пуанкаре в 2002-м, а премии ему присудили в 2006-м и 2010-м). Теперь же он уехал на преподавательскую работу в Швецию, возможно, потому, что накопил достаточно свежих идей и хочет прорабатывать их в спокойной обстановке, не отвлекаясь на контакты с журналистами.

Увы, авторы слишком далеки от математики, чтобы оценить по достоинству труды хоть Перельмана, хоть Крейна (да и работы Пуанкаре мы можем понять разве что в самых популярных переложениях). Поэтому нам только остаётся поверить американским математикам П. Лаксу и Р. Филлипсу: они назвали Крейна «одним из математических гигантов XX века» и посвятили ему свою книгу «как дань необычайно широкому и глубокому вкладу в математику».

Биография Крейна типична для математика – вундеркинда и «лица еврейской национальности»: доцент – в 22 года, профессор и заведующий кафедрой – в 26, член-корреспондент Академии наук Украины в 32 года; изгнан из Одесского университета в 41 год (в 1948-м году, когда в первый – и, увы, далеко не в последний – раз резко испортились наши взаимоотношения с Израилем), уволен из института математики АН УССР в 44 года (в 1951-м).

Преданный родному городу Марк Григорьевич не откликнулся на предложения из Москвы и Ленинграда, а продолжал работать в Одессе, создав одну из крупнейших математических школ.

«Невыездной» математик избран иностранным членом Национальной Академии наук США и Американской Академии искусств и наук, членом Американского математического общества, почётным членом Московского, Ленинградского, Киевского, Харьковского математических обществ, удостоен международной премии Вольфа, Государственной премии Украины, премии имени академика Алексея Николаевича Крылова. Один только перечень введенных и исследованных Крейном новых понятий занимает почти половину страницы в третьем номере журнала «Успехи математических наук» за 1978-й год. Не удивительно, что Марк Григорьевич входит в число десяти самых цитируемых математиков мира. И хотя, повторимся, известность Крейна не имеет ничего общего с нынешней популярностью Перельмана, в годы нашей молодости – когда Марк Григорьевич ещё был жив – ходили слухи, что в одном популярном американском путеводителе про Одессу написано: «Знаменита своим Оперным театром, Потёмкинской лестницей и тем, что в Одессе живёт математик Крейн».

Если не помешает кодовый замок на воротах, заглянем во двор дома, где жил Марк Григорьевич. Нас встречает очень ухоженная по одесским понятиям территория – двор замощен современной плиткой, все фасады в хорошем состоянии; внутренние балконы идут уступом, чтобы площадь их была максимальна. Пройдя двор до конца, мы увидим ещё один подъезд, а за ним – маленький второй дворик: из него просматривается наша научная библиотека. Известно, что часть библиотеки М. Г. Крейна передана библиотеке имени Горького. Так в Одессе всё переплетено.

6. Ришельевский лицей и прочее, и прочее, и прочее

Напротив дома Крейна – на углу Конной и Елисаветинской улиц – общежитие № 1 Одесского университета. Строго говоря, сейчас это «Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова». Молодёжь, привыкшая к существованию в городе нескольких университетов, знает, что в названии нужно обязательно указывать «университет Мечникова»; наше же поколение говорит просто «университет», когда речь идёт об этом старейшем ВУЗе Одессы. К главному его корпусу мы и движемся по Елисаветинской улице, но «противолодочным зигзагом»^[21].

Зигзаг первый: громадный дом, Елисаветинская, № 4, он же – Пастера, № 19. «Он же – Гоша, он же – Гога», – как называли героя Алексея Баталова в оscarоносном фильме «Москва слезам не верит». Строго говоря, дом мог иметь номер и по Торговой улице, так как его фасады выходят на все три улицы. Но – по причудливой нумерации – дома, стоящие на чётной стороне Торговой, на двух кварталах подряд имеют адреса только по перпендикулярным улицам. В результате на Торговой есть дом № 10, а затем сразу – дом № 20 (на одной парадной «трёхдворового» дома написано краской «14», что можно трактовать как «Торговая улица, дом № 14», но официальных табличек с нумерацией нет). Наш дом проходной – нечастое дело для Одессы с её классическими замкнутыми домами и дворами-колодцами (аналогично Петербургу Достоевского). В рассматриваемом доме целых три двора-колодца, а число окон по трём фасадам составляет 74, что соизмеримо со 160 окнами таинственного дома Ганувера у мыса Гардена (см. «Золотую цепь» Александра Степановича Гриневского – Грина). Фасад здания недавно отремонтирован, что приятно.

Под статью размеру дома количество знаменитых людей, в нём проживавших. Их столь много, что необходима некая, пусть и условная, группировка.

Группа первая – врачи. Дмитрий Ильич Ульянов – брат Владимира Ульянова (Н. Ленина – так Владимир Ильич первоначально

«обкатывал» свой очередной, впоследствии самый знаменитый, псевдоним) и организатор здравоохранения в Украине В. Елин.

Группа вторая – физики. Академики АН СССР Леонид Исаакович Мандельштам и Игорь Евгеньевич Тамм. О них мы подробнее расскажем у здания на Преображенской, № 8, где помещался Одесский политехнический институт. Тут только заметим: Мандельштам пригласил в Одессу Тамма так же, как Сеченов Мечникова. Подобно Сеченову и Мечникову, учитель Мандельштам и ученик Тамм жили в одном доме, и оба вовремя приглашённых в Одессу ученика стали лауреатами Нобелевской премии.

Группа третья – естественные науки: микробиолог и патолог, академик АН УССР Лев Александрович Тарасевич; ботаник и физиолог растений, профессор Фёдор Михайлович Порождко; химик и фармаколог, профессор Абрам Семёнович Комаровский.

Группа четвёртая – филологи: доктор Российской словесности, ректор Новороссийского университета И. С. Нифанов (увы, даже на сайте университета нет пока сведений о нём); эллинист, академик Российской АН Александр Васильевич Никитский (1859–1921).

А также – в завершение темы «учитель и ученик» – математик, основоположник и руководитель Одесской математической школы, профессор Самуил Осипович Шатуновский. Говоря точнее, М. Г. Крейн был аспирантом профессора Николая Григорьевича Чеботарёва (как гласит одна из легенд, на которые так богат наш город, встреча произошла на пляже, где семнадцатилетний Крейн привлёк внимание профессора тем, что зашёл в воду на руках; он готовил себя к карьере циркового акробата). Однако именно профессор Шатуновский содействовал зачислению в аспирантуру к Чеботарёву талантливого юноши, не имеющего ещё высшего образования. Вот такой плотный одесский пазл.

На другом углу Елисаветинской и Торговой – здание Ришельевского лицея. Увидев табличку «Ришельевский лицей» на здании, находящемся по адресу «Елисаветинская, № 5», знатоки истории Одессы в целом и Ришельевского лицея в частности должны поступить по совету Козьмы Пруtkова: «Если на клетке слона прочтёшь надпись: буйвол, – не верь глазам своим» (афоризм № 106). Дело в том, что Ришельевский лицей существовал в Одессе с 1818-го по 1865-й год, когда был преобразован в Новороссийский университет.

Он никогда не размещался там, где мы сейчас стоим. Зато в этом здании размещалось коммерческое училище Генриха Файга. Пожалуй, стоит коротко рассказать об обоих учебных заведениях.

Ришельевский лицей по известности, конечно, уступает Царскосельскому, но и его роль в «выращивании достойного человека» невозможно переоценить. Вообще Одесса почти с момента своего основания соревновалась из российских городов только с Санкт-Петербургом. Естественно, что после основания Царскосельского лицея вторым в России стал одесский Ришельевский. Строго говоря, первый лицей на территории Российской империи – основанный в Риге шведским королём Карлом XI в 1675-м году «Карлов лицей», но он достался России как трофей, а в 1804-м и вовсе реорганизован в губернскую школу.

Наш лицей всего на несколько лет моложе Царскосельского – он торжественно открыт в январе 1818-го года (а устав утверждён ещё в 1817-м). Традиционным для Одессы стал и источник финансирования: хотя в закрытом лицее учились дети дворян, но деньги на его содержание брали в виде отчислений от экспортируемого через Одессу зерна – 2.5 копейки с каждой четверти^[22] пшеницы. Например, в 1846-м году экспортировано 2 миллиона этих самых четвертей. Из этого видно: лицей имел хороший – и, главное, очень стабильный – источник дохода. Ведь Одесский порт был главным экспортным портом Российской империи до самого её краха.

Вначале – как и положено в учебном заведении, именуемом лицеем – все учащиеся изучали одни и те же дисциплины. Но в начале 1840-х годов были открыты юридическое и камеральное отделения. Набор дисциплин на юридическом отделении достаточно стандартен: философия, русская и римская словесность, история, русское законодательство, практическое судопроизводство. Выделялась из тривиального набора разве что статистика. Любопытнее перечень предметов камерального отделения, где готовили государственных служащих, а также юристов в области государственного и частного права. Среди предметов – химия (а среди преподавателей – молодой Дмитрий Иванович Менделеев), физика, торговля, коммерция, политическая экономия, сельское хозяйство, архитектура. Большинство из этих дисциплин не изучалось в то время ни в одном

университете России. Можно применить уже стандартный оборот «Впервые в России в Одессе...»

Кстати, как раз Менделеев, а не Мечников, о котором мы рассказали чуть ранее, должен был стать вторым после Павлова российским Нобелевским лауреатом. Выдвигали его трижды: в 1905-м, 1906-м и 1907-м годах. В 1905-м году его обошёл химик-органик Иоханн Фридрих Вильхельм Адольф Иоханн-Якобович фон Байер^[23]; в 1906-м Шведская королевская академия наук не утвердила решение Нобелевского комитета^[24]; а в феврале 1907-го – вскоре после выдвижения его кандидатуры – Дмитрий Иванович умер. Может, это и не так драматично: периодический закон и периодическая таблица Менделеева и безо всяких премий известны во всём мире, а получение премии, основанной человеком, с которым Дмитрий Иванович просто-таки сражался за демонополизацию нефтедобычи, было бы некорректно.

Драматичнее другое. Величайшего учёного и государственного деятеля не выдвигали на премию его российские коллеги. Эта «традиция» продолжалась долгие годы, в результате чего учёные из США получали премию в 16 раз чаще, чем граждане СССР и России, британские учёные – в 5.5 раз, немцы – в 4.9 раза, французы – в 2.7 раза.

Возвращаемся к нашему рассказу. Ришельевский лицей стал настолько популярным учебным заведением, что сюда на обучение посылали своих детей не только дворяне Новороссии, но и семьи аристократов из Петербурга, Москвы и других городов. В лицее учились сыновья героев Отечественной войны 1812-го года князей Волконского и Четвертинского, графа Сен-При, дети других выдающихся деятелей России.

Медленно, но верно Ришельевский лицей перерастал в новый статус:

- камеральное и юридическое отделения получили статус «университетских факультетов» (а слушатели – звание университетских студентов);

- студенты Ришельевского лицея с 25-го октября 1838-го года носят не только форменную одежду, но и шпаги и треугольные шляпы:

«Государь Император высочайше повелеть желает: разрешить студентам Ришельевского лицея носить при мундирах и мундирных сюртуках шпаги и треугольные шляпы по форме, созданной для университетских студентов»;

- будучи попечителем Одесского учебного округа, Николай Иванович Пирогов неумолимо хлопочет о реорганизации Ришельевского лицея в университет.

Наконец, лицей преобразован в Новороссийский университет. Как говорится, «продолжение следует», но уже – так логичнее – у главного корпуса университета.

А здание, перед которым мы сейчас стоим, занимало знаменитое училище Генриха Фёдоровича Файга. Чтобы слово «знаменитое» вам не казалось преувеличением, достаточно назвать только одного учащегося – Лейзера Иосифовича Вайсбейна. Более того, он – единственный за все годы существования этого либерального учебного заведения, кто был из училища выгнан. За подробностями советуем обратиться к книге «Спасибо, сердце», подписанной уже его псевдонимом «Леонид Утёсов» – великий одессит был очень артистичен не только на сцене и в кино, но и в мемуарах.

Укажем несколько интересных фактов об училище и о его владельце. Во-первых, пристрастный портрет Файга из книги Валентина Петровича Катаева «Хуторок в степи»:

«Господин Файг был одним из самых известных граждан города. Он был так же популярен, как градоначальник Толмачёв, как сумасшедший Марьяшес, как городской голова Пеликан, прославившийся тем, что украл из городского театра люстру, как редактор-издатель Ратур-Рутер, которого часто били в общественных местах за клевету в печати, как Кочубей – владелец крупнейшего в городе мороженого заведения, где каждый год летом происходили массовые отравления, наконец, как бравый старик генерал Радецкий, герой Плевны.

Файг был выкrest, богач, владелец и директор коммерческого училища – частного учебного заведения с правами. Училище Файга было надёжным пристанищем состоятельных молодых людей, изгнанных за неспособность и дурное поведение из остальных учебных заведений не только Одессы, но и всей Российской империи.

За большие деньги в училище Файга всегда можно было получить аттестат зрелости».

С учётом того, что отец Катаева преподавал не только в школе строительных десятников (что мы уже упоминали), но и у Файга, какое-то сходство с оригиналом в этом описании есть. Но, конечно, нельзя указывать Файга в одном ряду с городским сумасшедшим или с замешанным во множестве политических и денежных скандалов (хотя кража театральной люстры скорее всего легендарна: куда её девать-то?) городским головой Борисом Александровичем Пеликаном. Да, годовая плата за обучение составляла не 50 рублей как в гимназии, а 250, но и училище было неординарным.

В училище преподавали рисование будущие академики живописи Геннадий Александрович Ладыженский и Кириак Константинович Костанди, в нём существовали драматический кружок, хор, состоявший из шестидесяти мальчиков, симфонический оркестр и оркестр щипковых инструментов. Сам Утёсов пел в училищном хоре, играл в оркестре на скрипке и участвовал в любительских спектаклях. Директор училища действительный статский советник (штатский генерал!) Александр Фёдорович Фёдоров был не только специалистом по гражданскому, торговому и морскому праву (в Новороссийском университете он преподавал в 1887–1900-м годах и поднялся за это время от приват-доцента до профессора), но ещё и композитором, и отличным пианистом. Его опера «Бахчисарайский фонтан» шла в одном из провинциальных театров, создал он также драму-оперу «Иван III и София Палеолог» и много произведений меньшего размера, в том числе и для домашнего музицирования. Кроме того, в 1896–1902-м годах профессор Фёдоров был одним из редакторов ежедневной газеты «Театр», а в 1902–5-м даже её издателем – вы себе представляете в нынешней Одессе (да даже и в Москве) ЕЖЕДНЕВНУЮ газету «Театр»?

«Одесский листок» писал: «Училище это предоставляет окончившим его... все те же права, какие предоставляет правительственное реальное училище, в т. ч. и право поступления во все высшие специальные учебные заведения. Кроме того, оно предоставляет и такие права, каких не даёт реальное училище, а именно: личное почётное гражданство, звание кандидата коммерции и золотую или серебряную медаль».

В 1894-м году – через 10 лет после открытия училища в Одессе – Генрих Фёдорович добился перевода училища из министерства народного просвещения в министерство финансов. Само училище переехало в здание, купленное Файгом на углу Елисаветинской и Торговой. В 1898-м году министерство финансов разрешило принимать в училище до 50 % детей иудейского вероисповедования.

Тут не удержаться от цитаты из Утёсова: «Признаться, русские семьи избегали этого учебного заведения. Они стремились устроить своих детей в классические гимназии. В училище Файга еврейских ребят принимали пятьдесят процентов от общего числа учащихся. Система была несложная, но выгодная: каждый еврей подыскивал для своего сына «пару», то есть русского парнишку, и платил за двоих».

И напоследок: весной 1900-го года на проходившей в Париже Всемирной художественно-промышленной и земледельческой выставке среди 80 тысяч экспонентов из пятидесяти государств было и одесское коммерческое училище Г. Ф. Файга. За представленные в разделе «Воспитание и образование» материалы, характеризующие постановку учебно-воспитательного дела в училище, ему присуждена бронзовая медаль.

Теперь несколько слов о нынешнем Ришельевском лицее. Он создан на базе средней школы в 1989-м году как учебное заведение при Одесском национальном университете имени Мечникова для работы с одарёнными учащимися, интересующимися точными науками. Поэтому в учебных планах лицея – обучение при непосредственном участии профессорско-преподавательского состава Одесского университета. Учащиеся лицея свободно пользуются фондами научной библиотеки университета, проходят практикум в лабораториях физического и химического факультетов, выполняют научные работы в исследовательских лабораториях вместе со студентами и научными сотрудниками. Такие спецкурсы, как методы решения экспериментальных задач, элементам теории вероятности и комбинаторики, спецкурсы по аналитической и физической химии, ведут преподаватели ОНУ имени И. И. Мечникова.

Идея специализированных школ, куда отбирают самых одарённых и увлечённых, возникла давно. Балетные и художественные училища существуют с незапамятных времён. А вот отбор для обучения точным наукам возник в советскую эпоху. В 1960-е годы в крупнейших городах

страны возникли специализированные физико-математические школы (в Одессе – № 116). Для юных физиков и математиков из малых населённых пунктов, где не хватало учащихся для создания собственной школы соответствующего профиля, создали интернаты при нескольких ведущих университетах. Причём во всех этих школах и интернатах непрофильные предметы – вроде литературы и пения – тоже преподавали первоклассные учителя и с неизменным успехом: одарённые люди чаще всего проявляют разносторонние способности. Работала и заочная школа, где задания учеников проверяли студенты профильных факультетов МГУ.

К сожалению, в позднесоветские годы возобладала идея уравниловки. Многие школы – в том числе и 116-ю в Одессе – перепрофилировали в обычные. В других уменьшилась строгость отбора, дабы вместить тех, кто считал спецшколу возможностью получить не знания, а престиж (и в угоду таким ученикам постепенно снизился уровень самого образования). В постсоветское время образование и вовсе провозгласили не производством важнейшего из средств производства – человека, а частью сферы услуг, где каждый может получить только то, за что готов заплатить сразу (а то, что умный и хорошо образованный человек способен сделать несравненно больше, нежели потрачено на его образование, понятно только способным взглянуть на весь мир как единое целое). Поэтому, например, в Москве то и дело предлагают объединить специализированные школы с обычными: незачем, мол, тратить особые силы на поиск и воспитание особых способностей.

По счастью, в последние годы мы понемногу снова учимся воспринимать мир как единое взаимосвязанное целое, понимать ценность долгосрочных планов и длинных цепочек сотрудничества. Возрождается и система раннего отбора тех, кто уже проявил заинтересованность в конкретных видах деятельности и способность к ним. Конечно, физиком и математиком можно стать и в зрелом возрасте – но тогда освоение накопленных знаний и методов оставит слишком мало времени на самостоятельное творчество. Поэтому во многих регионах и под руководством многих научных структур возрождается система специализированных школ. В частности, одному из авторов довелось осенью 2011-го участвовать в запуске системы «Школа нобелевского резерва», разработанной под руководством

легендарного когда-то участника телеклуба «Что? Где? Когда?» первого – в 1984-м! – лауреата «Хрустальной совы» Нурали Нурисламовича Латыпова. От ранее существовавших спецшкол (в том числе интерната при Новосибирском университете, где учился сам Нурали), новая школа отличается доступностью всех своих учебных материалов через Интернет и возможностью также через Интернет направлять туда свои варианты решений для заочного обучения. К сожалению, уже через несколько месяцев сменился глава Свердловской области, где открылась пилотная школа, и развитие комплекса резко замедлилось. Надеемся, рано или поздно дело будет доведено до видимого невооружённым глазом успешного результата.

Для полноты картины делаем ещё один «противолодочный зигзаг» – назад по Торговой до Пастера. На углу – по диагонали от дома с тремя дворами – здание физического факультета университета им. И. И. Мечникова. Давайте дальше говорить просто – университет. На стене две таблички – физику Виктору Алексеевичу Преснову и, как ни странно, драматургу Фридриху Максовичу Вольфу. Сейчас это имя позабыто, хотя до войны и во времена Германской Демократической Республики было очень значимо. По самой знаменитой антифашистской пьесе Вольфа «Профессор Мамлок» в 1938-м году поставлен фильм в СССР. Сам Фридрих Вольф многогранен: врач, писатель, драматург, разведчик, дипломат. Свои способности он передал двум сыновьям: Конрад Фридрихович был крупным кинорежиссёром, а Маркус Фридрихович в течение 28 лет возглавлял разведку ГДР и сделал её – по признанию как друзей, так и врагов – одной из эффективнейших среди аналогичных служб всего мира.

Вернёмся к физику «с мемориальной доски». В. А. Преснов был «всего лишь» доктором технических наук, профессором и Заслуженным деятелем науки и техники УССР. Правда, вдобавок был он научным руководителем более чем 30 кандидатов наук, а также директором и научным руководителем НИИ полупроводниковых приборов Министерства электронной промышленности СССР.

В смежном с физфаком здании по Торговой – Одесское театральное-художественное училище. По недавней классификации – это высшее учебное заведение I-го уровня аккредитации. Готовит оно гримёров-художников, модельеров-художников театра и кино, художников-постановщиков, художников – мастеров театральной и

кинокуклы, художников по свету, а также звукорежиссёров и режиссёров народных театров (вспомните режиссёра народного театра в фильме «Берегись автомобиля» в блестящем исполнении Евгения Александровича Евстигнеева). С учётом состояния кино и театра на постсоветском пространстве не думаем, что судьба выпускников училища очень завидна. Но слияние этого училища и одесского художественно-графического училища имени Грекова было недолгим – теперь они вновь самостоятельны и отдельны. «Независимость – вот основная забота» – как писал Наум Моисеевич Мандель – Наум Коржавин – в стихотворении «Братское кладбище в Риге».

Возвращаемся на улицу Елисаветинскую мимо красивого – так называемого «сталинского» – дома, занимающего ещё один угол Торговой и Пастера. Таких домов в Одессе немного, перед нами – один из красивейших. Поворачиваем направо по Елисаветинской и уже беспрепятственно идём по, фактически, университетскому кварталу.

До череды возврата исторических названий Елисаветинская называлась улицей Щепкина. Не только гости города, но и большинство одесситов было уверено, что названа она в честь знаменитого русского актёра Михаила Семёновича Щепкина. На самом деле улица называлась в честь его внука – профессора Новороссийского университета Евгения Николаевича Щепкина. Снова прибегнем к цитате из «Двенадцати стульев»:

– ... Я не спрашиваю вас, зачем вы приехали из Парижа. Видите, я не любопытна.

– Но я вовсе не приехал из Парижа, – растерянно сказал Воробьянинов.

– Мы с коллегой прибыли из Берлина, – поправил Остап, нажимая на локоть Ипполита Матвеевича, – но об этом не рекомендуется говорить вслух.

Действительно, почему-то факт наименования улицы в честь профессора Щепкина, а не его деда, был, что называется, «не в ходу». Кстати, не очень известно и то, что нынешнее название – Елисаветинская – связано не с дочерью Петра Первого императрицей Елизаветой Петровной, а с тем, что на улице жили выходцы из города Елисаветград (нынешний Кировоград). Заметим здесь же, что и одна из крупнейших синагог Одессы на Пушкинской угол Жуковского (ныне – Областной архив) правильно называлась «Бродская синагога»,

т. к. построена в основном на средства выходцев из местечка Броды. Но большинство называло её «синагога Бродского», имея в виду крупнейшего сахарозаводчика и потомственного почётного гражданина Одессы Абрама Марковича Бродского.

Евгений Николаевич Щепкин прошёл путь, обратный классическому пути эволюции идеологических убеждений.

Он начинал как конституционный демократ (кадет) и даже был членом фракции кадетов в Первой государственной думе (делегат от Одессы). После того, как Николай II распустил эту думу, профессор Щепкин – среди многих её депутатов – подписал так называемое «Выборгское воззвание», призывавшее к мирному гражданскому неповиновению. Кроме политических, возможно, были и мотивы личного или «кастового» характера: в основе воззвания текст Петра Николаевича Милюкова, а ещё в 1880-м году Щепкина – студента Московского университета – арестовали за участие в сходке, собранной студентом Милюковым. Снова видим, как «узкая прослойка».

Воззвание содержало классический набор ненасильственного сопротивления: не платить налоги, не идти на государственную службу и т. п. Но Россия 1906-го года – не Индия 1940-х годов: ненасильственное сопротивление не состоялось, а 167 из 180 «подписантов» были преданы суду. Отбыв несколько месяцев в одесской тюрьме, Щепкин уже, естественно, не мог работать в государственном университете. Он преподавал в частных учебных заведениях города, а в университет вернулся только после Февральской революции.

Начинается бурный финальный период его биографии со стремительной эволюцией взглядов. В 1917-м году он – левый эсэр, в 1919-м – уже большевик. В апреле – августе 1919-го (очередной период пребывания большевистской власти в Одессе) – профессор Щепкин – губернский комиссар народного просвещения. Умирает Евгений Николаевич 12-го ноября 1920-го года, и похороны его в окончательно советской Одессе 13-го ноября собрали, как говорится «полгорода». Все работы в учреждениях и организациях были прекращены в 12 часов дня, похоронная процессия проследовала от 1-го Дома Союзов (Воронцовского дворца) через весь город на Первое христианское кладбище. Возглавляли траурную процессию

представители Губпарткома, Губревкома, Губпрофсоюза и Губувуза, затем шли районные партийные организации, студенчество и профессура, сотрудники Наробраза и профсоюзов предприятий^[25].

Похороны стали «финалом – апофеозом» жизни Е. Н. Щепкина. Сначала разрушена его могила (кстати, так же, как могилы брата Пушкина – Льва, «героя Шипки» генерала Радецкого, других выдающихся деятелей), когда кладбище превратили в парк, затем и улице вернули историческое название. Поистине, *sic transit gloria mundi*.

Второй – и фактически последний – квартал улицы состоит из прекрасных в архитектурном отношении зданий. Они – как характерно для Одессы – замечательно смотрелись бы и на улицах любой европейской столицы. Там, конечно, состояние фасадов было бы лучше. Но мы эти здания любим и такими, какие они есть, и в другие города не отпустим.

Поскольку Елисаветинская – тихая и аристократичная улица в центре старой Одессы, практически в каждом из домов жил заметный деятель науки и искусства. Перечисление превратило бы наш рассказ в подобие телефонного справочника. Но не можем удержаться и, строго в рамках темы «впервые в России в Одессе» указать на дом № 7 – в 1859–1916-м годах здесь проживал организатор первой в Одессе и в России специализированной урологической клиники профессор Теофил Игнатьевич Вдовиковский, а в 1869–1877-м годах основоположник отечественной судебной медицины и криминалистики, профессор Н. С. Бокарице (увы, ныне даже всеведущий Интернет не содержит почти никаких сведений о нём).

На улице проживали также, как минимум, три ректора Новороссийского университета, знаменитый советский архитектор Борис Михайлович Иофан (вспомним хотя бы «Дом на Набережной»), одесская профессура, а также скромный преподаватель словесности Ришельевского лицея – и по совместительству классик польской поэзии – Адам Бернад Миколаевич Мицкевич. Если разместить мемориальные таблички в память всех видных жильцов Елисаветинской улицы, вопрос оштукатуривания фасадов просто не возникал бы.

Заглянем на минутку в первый двор университета (Елисаветинская, № 12). Судя по могучим пням деревьев, когда-то

двор был очень зелёным. Увы, символ Одессы – белая акация – дерево, растущее очень быстро и устойчивое к сухому климату, но долго не живёт. Хорошо, если его вовремя срезают, как здесь. Иначе при сильном ветре старое дерево рушится – и удачно, когда просто на дорогу, а не на провода, автомобили и людей. Поэтому сейчас акацию сажают в городе редко и знаменитый запах её цветов услышишь не часто.

Отдельно стоящий во дворе трёхэтажный дом – жилой. Судя по мемориальной табличке у входа во двор, он построен для преподавателей Ришельевского лицея в 1850–1851-м годах, но до сих пор служит местожительством для тех, кто связан (или был связан) с университетом. Процесс «размывания» таких связей описан, если помните Ильфом и Петровым в «Двенадцати стульях» – см. главу XVI «Общежитие имени монаха Бертольда Шварца». Кирпичная дымовая труба, доминирующая над тыльной частью химического корпуса, больше подошла бы какому-то шотландскому замку, чем зданию нашего химфака.

Затем мы заходим во второй двор. Строго по центру двора (как и положено памятнику математику) установлен бюст Александра Михайловича Ляпунова – с рассказа о нём мы начали нашу прогулку. Сам двор образован П-образным корпусом химического факультета и тыльной стороной Главного корпуса. Здание химфака торжественное, но и немножко легкомысленное – над высокими «дворцовыми» окнами идет полукруглый кокошник белого цвета (само здание – зелёное, что нетипично для Одессы).

Для церквей есть понятие «намоленное место»: если вы войдете в идеально восстановленный собор, например, Одесский Преображенский или Храм Христа Спасителя, а потом посетите какую-то подлинную, пусть и не такую богатую церковь, вы, что называется, «почувствуете разницу». Чувство, аналогичное посещению «намоленного места», охватывает всякий раз, когда открываешь широченную деревянную дверь и заходишь в вестибюль химического факультета. То ли старинные сводчатые потолки влияют на посетителя, то ли ввевшийся в стены за десятилетия причудливый химический запах, то ли осознание того, какие крупные учёные здесь работали – но непонятное волнение присутствует всякий раз. Идёшь к

сотрудникам факультета по рабочим или дружеским делам и думаешь: «а почему я лекцию пропускаю».

С противоположной стороны двора мы выходим на параллельную улицу. Это, кстати, улица Пастера. Как мы помним, сетки улиц в центре Одессы аккуратно параллельно-перпендикулярные, но две сетки сопрягаются под углом в 45 градусов. К такому сопряжению мы скоро подойдем.

Напротив выхода из двора на противоположной стороне Пастера – на доме № 46 – нас ждёт мемориальная доска в честь академика живописи Кириака Константиновича Костанди, того самого, кто преподавал в училище Файга. Костанди – один из основателей (а в 1902–1920-м годах и председатель) Общества художников Южной России. Если ворота дома не будут закрыты на традиционный уже кодовый замок, можно даже посмотреть на недавно поставленный памятник художнику. Опять «победа этики над эстетикой»: неэстетично ставить памятник во дворе, закрытом на кодовый замок, но и неэтично беспокоить жильцов, желающих видеть поменьше посторонних в своём доме.

Конечно, с развитием удобств и информационных технологий жизнь и на юге всё больше сосредотачивается в квартирах, а не во дворах. Даже летом – благодаря кондиционерам – она не проходит «нараспашку», как бывало. При этом желание оградить себя от посторонних остаётся – и с развитием надёжных кодовых замков успешно реализуется. Решив эту задачу, граждане успешно раскрывают все детали своей жизни в социальных сетях. «Виртуально» не считается, наверное.

Проходим по Пастера в сторону увеличения номеров и поворачиваем налево на Дворянскую. Первый её квартал закрыт для автомобилей, и мы можем спокойно осмотреть главный корпус университета, мемориальные доски в честь видных его учёных, рассказать об этом первом одесском высшем учебном заведении.

7. Новороссийский университет

Про университет можно рассказывать очень долго – как-никак один из старейших и крупнейших ВУЗов Украины. Можно, конечно, и коротко. Вспоминается легендарная история про доклад авиаконструктора Сталину о новом самолёте.

– Как докладывать – подробно или кратко? – спросил, якобы, волнующийся авиаконструктор.

– Можэтэ докладывать кратко, можэтэ подробно, но Ви должны уложиться в пят минут, – ответил Сталин.

Итак, что самое главное? На официальном сайте^[26] университета читаем: «ОНУ – всемирно известный университет с высоким международным авторитетом, в мировом рейтинге занимает почётное 48-е место среди 75 лучших университетов мира». К сожалению, не указано, какой именно рейтинг даёт нашему родному «универу» это замечательное место.

Вообще, система рейтингов зачастую даёт результаты, мягко говоря, сомнительные. Не будем говорить о прямых ошибках – например, рейтинг остроты восприятия проблемы коррупции экспертами и журналистами чаще всего называют просто рейтингом коррупции, создавая тем самым впечатление, что в РФ её больше, чем в Нигерии^[27]. Но куда важнее выбор оценочных критериев.

Так, британские и американские ВУЗы в значительной мере опираются на пожертвования своих выпускников, так что в составляемых тамошними специалистами рейтингах значительный вес имеет величина эндаумента – фонда, составленного из этих пожертвований и позволяющего руководству ВУЗа почти свободно финансировать те направления деятельности, что представляются важными в данный момент. Это в какой-то мере логично: чем лучше обучен студент, тем легче ему сделать карьеру и проще выделить часть своих доходов для поддержки тех, кто его учил. Но ВУЗы из других стран, где такие пожертвования вовсе не приняты, а образование финансируется иными способами, заведомо не имеют шансов занять в таких рейтингах заметные места.

Наш отец много лет занимается системой рейтингов одесских ВУЗов. По ней в гуманитарной группе ВУЗов Университет имени И. И. Мечникова занимал чаще всего четвёртое место по основным удельным показателям. При разработке системы было очевидно: необходимо сравнивать именно удельные показатели – в расчёте на одного студента (площади, количество компьютеров и т. д.) либо на одного сотрудника (количество печатных работ и др.). При другом подходе более крупные ВУЗы заведомо в выигрышных условиях. По удельным показателям первое место занимал, как правило, Одесский региональный институт государственного управления (что характерно – бывшая Партшкола): при небольшом числе студентов и преподавателей он имел наилучшие удельные характеристики. Впрочем, от соревновательного подхода впоследствии отказались, перейдя к индивидуальной оценке каждого учебного заведения за прошедшие пять лет. Как говорится: не важно, где ты находишься – важнее, куда ты идёшь.

Как мы понимаем, в любой рейтинговой системе всё зависит от показателей, включённых в систему, и правил начисления баллов по этим показателям. Дайте больше баллов за спортивные мероприятия, и у вас будет «спортивно-ориентированный рейтинг»; рассчитайте среднюю зарплату выпускников последних пяти лет – получите «производственно-ориентированный» рейтинг; возьмите за основу плату за обучение «по контракту» – получите «расходно-ориентированный рейтинг» (по этому показателю, очевидно, все наши ВУЗы далеко отстают от западных).

Как бы то ни было, у нашего университета выдающиеся заслуги и выдающаяся история. Трое из шести президентов Академии наук Украины работали в нашем университете: кроме упоминавшихся в связи с Медином Заболотного и Богомольца, это ещё и академик Владимир Ипполитович Липский (он возглавлял АН УССР в 1922–8-м годах, а в 1928–33-м был директором ботанического сада Одесского университета: в то идиллическое время во главе академии мог стоять ботаник – причём, судя по дошедшим до нас фотографиям, «ботаник» ещё и в нынешнем издевательском смысле слова; кстати, раз уж мы упомянули руководителей Академии Наук Украины, отметим два установленных в ней рекорда, связанных, правда, не с одесситом, а с киевлянином – недавно её президентом вновь – на 97-м году жизни! –

переизбран выдающийся специалист по электросварке и электрометаллургии Борис Евгеньевич Патон, возглавляющий её уже 53 года). Университет окончил и защитил в нём магистерскую и докторскую диссертации изобретатель противогАЗа академик Николай Дмитриевич Зелинский. Мемориальная доска, ему посвящённая, висит на кафедре органической химии, расположенной на Преображенской. Туда мы тоже подойдём. А сейчас расскажем о выпускниках и работниках университета по уже отработанному принципу «впервые в России/мире».

Первую отечественную вакцину от сибирской язвы создал профессор Новороссийского университета Лев Семёнович Ценковский в 1883-м году (он, правда, тогда работал уже в Харьковском университете). Первая в мире, конечно, создана Луи Пастёром (мы не случайно подошли к университету со стороны улицы Пастера). Но расчётливый француз не отдал рецепт, а после вакцинации парижской вакциной в России погибало до 80 % скота. Пришлось Льву Семёновичу создавать вакцину самостоятельно, причём учёному удалось устранить самое грозное препятствие в практическом применении вакцины – непостоянство её свойств.

Спустя девять лет – в 1892-м году – выпускник Новороссийского университета и ученик Мечникова Владимир (Маркус-Вольф) Ааронович Хавкин создал в Париже первую противохолерную вакцину. С её помощью он смог остановить эпидемию холеры в Индии и не допустить распространения болезни в Европе. Пятью годами позже, в 1897-м, учёный сделал первые в мире прививки против чумы и организовал в Бомбее противочумную лабораторию. Один человек создал вакцины против двух самых страшных инфекционных заболеваний!

«Биография этого еврея, столь ненавистного индусам, которые его чуть не убили, в самом деле замечательна. В России это самый неизвестный человек, в Англии же его давно прозвали великим филантропом». (А. П. Чехов). Чтобы не сбиваться на поспешный пересказ уникальной жизни Маркуса-Вольфа (он родился в Одессе в 1860-м году и умер в Лозанне в 1930-м), советуем «погуглить» этого человека. Кстати, заметим: высшее достижение технологии, когда понятия становятся глаголами – «отксерить», «факсануть», «погуглить».

Студент Одесского университета и сотрудник одесской астрономической обсерватории Георгий Антонович Гамов прославился на весь мир в 1946-м году в США как создатель гипотезы «горячей вселенной» (уточнение теории «большого взрыва»). Также Георгий Гамов первым выдвинул гипотезу генетического кода и создал квантовую теорию альфа- и бета-распада радиоактивных ядер. Его биография так же насыщена и удивительна, как и биография Владимира Хавкина. И вообще он – «бедолага, по недоразумению не получивший Нобелевской премии», или, с учётом его вклада в мировую науку, «трижды нелауреат Нобелевской премии». Впрочем, George Gamov (так он именовался в США, где работал после невозвращения в СССР) прожил всего 64 года. А Нобелевский комитет – в противовес тому, что задумал сам Нобель – вручает премии в основном не молодым учёным для продолжения ими перспективных исследований, а «мэтрам» науки, чей вклад в неё уже очевиден.

Первый русский гигиенический журнал с привычным сейчас названием «Гигиена и санитария» основан уже упоминавшимся Николаем Фёдоровичем Гамалеем. Правда, сделал он это в Санкт-Петербурге, но ведь родился и закончил Новороссийский университет в Одессе...

Всемирно известную методику изучения годовых колец деревьев создал профессор Императорского Новороссийского Университета Фёдор Никифорович Шведов в 1880-х годах. Он обнаружил и описал соотношение между толщиной годовых колец деревьев и чередованием засушливых и дождливых лет. Сейчас на основании его открытия датированы, например, все археологические находки в Великом Новгороде, где более тысячелетия подряд каждые 20–25 лет клали новые деревянные мостовые, и кольца на досках указали год каждой укладки. Интересно, что по специальности он физик – и, соответственно, автор работ по молекулярной физике, астрофизике и электричеству. А ещё профессор Шведов был ректором университета с 1896-го по 1903-й год и в этом качестве председателем строительной комиссии по возведению зданий медицинского факультета. Так что в прекрасном здании Медина есть и его вклад.

«У природы нет плохой погоды», – приятно петь в уютном, закрытом от непогоды месте. А если запланировано крупное

мероприятие (вроде открытия Олимпиады), а по прогнозу – дождь? Решение – естественно, первым в мире – нашёл профессор физики Одесского университета Валериан Александрович Федосеев. Он провёл серию опытов по осаждению облаков, предложил и применил метод, основанный на использовании гигроскопических веществ. В 1936-м году газета «Правда» сообщила: над Красной площадью в Москве во время военного парада впервые в мире рассеян туман с использованием хлористого кальция по методу Валериана Федосеева. Кто помнит Московскую олимпиаду 1980-го, подтвердит: всё время погода в Москве была прекрасной. И это вполне рукотворное дело, основанное на работах далёких 1930-х годов.

Мы уже упоминали Институт редких металлов – он размещался в здании одесского отделения Русского инженерного общества. А создан этот институт путём нескольких преобразований Одесской радиологической лаборатории – естественно, первой в Российской империи. Основатель лаборатории и, соответственно, будущий директор института – выпускник Новороссийского университета Евгений Самуилович Бурксер.

Будущий президент Академии наук СССР Александр Александрович Богомолец начал исследовать влияние цитотоксических сывороток на организм на должности приват-доцента в Одессе. В 1929-м году выдающийся патофизиолог изобрёл сыворотку, чьё научное название – антиретиккулярная цитотоксическая сыворотка – совершенно непроизносимо. Поэтому в практику она вошла под лаконичным названием – Сыворотка Богомольца. Её начали активно применять во время Великой Отечественной войны для ускорения процессов срастания переломов и заживления повреждённых мягких тканей. Препараты профессора Богомольца спасли тысячи человеческих жизней.

Кстати, Богомолец – ещё и один из основателей геронтологии – науки о старении (а заодно – о методах противодействия многим его проявлениям). В созданных им – как водится, первых в стране – медицинских НИИ этому направлению исследований уделялось огромное внимание. Государство щедро их финансировало – по расхожей легенде, потому, что сами тогдашние вожди надеялись на омоложение по методам Богомольца. Умер он сравнительно молодым – на 66-м году жизни, 19-го июля 1946-го. По той же легенде, Сталин,

узнав об его смерти, сказал: «Вот хитрец! Всех обманул!» Правда, Сталин немногим старше Богомольца – родился 18-го декабря 1878-го^[28], а Александр Александрович – 24-го мая 1881-го.

Ещё ранее Богомольца выпускник Университета Михаил Вениаминович Вайнберг первым в мире предложил сыворотку против газовой гангрены и тем спас жизни тысяч людей уже во время Первой мировой войны. Его монография «Анаэробные микробы», написанная в далёком 1937-м году, до сих пор – настольная книга микробиологов всего мира.

Топливные элементы, обещающие революцию в транспорте, развиваются на основе пионерских работ профессора Одесского университета Оганеса Карапетовича Давтяна. Автор первой в мире монографии по топливным элементам в год её выхода – в 1947-м – представил проект нового устройства топливного элемента. В 1959-м году в США построен трактор, работающий на «батарею топливных элементов Давтяна» вместо двигателя внутреннего сгорания, а начиная с 1964-го года «элементы Давтяна» использовались во всех космических кораблях США, начиная с Gemini. Американцы признают: без разработок профессора Давтяна нога человека ещё бы не скоро ступила на поверхность Луны.

В 1974-м году группе учёных под руководством профессора Университета имени И. И. Мечникова Алексея Всеволодовича Богатского удалось создать первый отечественный транквилизатор – феназепам. Препарат эффективен при фобии, ипохондрических синдромах, показан также при психогенных психозах, панических реакциях, так как снимает состояние тревоги и страха. Сам Алексей Всеволодович был крупнейшей фигурой научного сообщества Одессы. В 41 год – в 1970-м – он становится ректором университета, с 1975-го – председателем Южного научного центра Академии наук СССР, в 1977-м году лет основывает физико-химический институт. Ушёл академик из жизни до обидного рано – в 54 года. Физико-химический институт Национальной Академии наук Украины носит его имя.

Президент Всеукраинской академии наук Даниил Кириллович Заболотный – выпускник и профессор Новороссийского университета – стал одним из основателей эпидемиологии – науки, изучающей закономерности возникновения и распространения заболеваний. Именно он в 1911-м году доказал: чуму переносят дикие

грызуны – сурки, суслики, песчанки. Это позволило разработать новые противоэпидемические меры. В 1920-м году профессор Заболотный открыл в университете первую в мире кафедру эпидемиологии, а в 1927 году вышел его учебник «Основы эпидемиологии» – естественно, первый в мире.

Самая известная физическая формула $E = mc^2$ выведена и обоснована более чем за 30 лет до Эйнштейна – Николаем Алексеевичем Умовым, профессором Новороссийского университета.

Он указал на соотношение массы и энергии ещё в 1873-м году, в работе «Теория простых сред и её приложение к выводу основных законов электростатических и электродинамических взаимодействий». Впрочем, объективности ради отметим: во всеведущем Интернете есть указание, что самый первый автор формулы – гениальный, но малоизвестный австрийский физик Генрих Шрамм, а Умов только обсуждал формулу (в то время ещё с коэффициентом после знака равенства) в упомянутой работе.

Зато среди студентов Умова – уже в Московском университете – был Борис Николаевич Бугаев (впоследствии крупнейший литератор «Серебряного века» Андрей Белый). Поэтому сохранился поэтический портрет нашего выдающегося физика:

*И было: много, много дум;
И метафизики, и шумов...
И строгой физикой мой ум
Переполнял профессор Умов.
Над мглой космической он пел,
Развив власы и выгнув выю,
Что парадоксами Максвелл
Уничтожает энтропию,
Что взрывы, полные игры,
Таят томсоновские вихри,
И что огромные миры
В атомных силах не утикли...*

От атомных сил к прозе жизни. Выпускник и профессор Императорского Новороссийского Университета Лев Платонович

Симиренко в конце XIX века вывел знаменитый сорт яблок и назвал его в честь отца. Сегодня это ведущий промышленный сорт яблок во многих странах мира. Известен он, однако, не полным именем – «ранет Платона Симиренко», а просто как «семеринка».

Если будет возможность, нужно побывать в палеонтологическом музее, расположенном в правом крыле главного корпуса. Музей по составу ископаемых материалов не имеет аналогов на Украине, а значительное количество экспонатов уникально. Как выразительно сказано на сайте университета, «Музей относится к 10 лучшим музеям мира». Тут, как и в случае с 48-м местом в рейтинге лучших университетов, есть элемент субъективности, но на нас в молодости визит в этот музей производил серьёзное впечатление. Так сказать, подготовка к просмотру фильма Спилберга «Парк Юрского периода».

Главный корпус лично нам памятен ещё по двум обстоятельствам.

Во-первых, каждый из нас ходил в Юношескую математическую школу: когда в ней занимался старший брат, она работала по средам с 18:00 до 21:00, а младший учился в ней уже по воскресеньям. В школе совершенно бесплатно преподавали студенты старших курсов мехмата, а диплом школы учитывался как дополнительный «плюс» при поступлении в технический ВУЗ. Как говорил поэт-трибун – «Были времена, прошли былинные...»

Во-вторых, для университета первое апреля – не просто день юмора, но ещё и день механико-математического факультета. Мы учились напротив главного корпуса университета – в Одесском технологическом институте холодильной промышленности. Когда там учился старший из нас, вход на этот праздник был свободным, и он прогуливал – единственный раз в году – все занятия, чтобы окунуться в атмосферу творческого веселья. В конце концов подобных сторонних зрителей накопилось столько, что в главном корпусе буквально невозможно было протолкаться сквозь толпу. Стали впускать только по студенческим билетам и удостоверениям сотрудников университета. Владимиру уже не удалось в полной мере познакомиться с университетским весельем – разве что юмористическую стенгазету «За наукові факти» (её название пародировало университетскую газету «За наукові кадри») можно было прочесть ещё несколько дней после праздника. А вот Анатолий стал заблаговременно – за 2–3 недели до праздника – приходить по вечерам на мехмат, чтобы писать для

команды студентов шуточные тексты на известные мелодии (эти подтекстовки – одна из традиционных основ КВН) и таким образом обеспечивать своё присутствие за кулисами сцены актового зала на первоапрельском соревновании студентов с преподавателями по правилам Клуба весёлых и находчивых (а заодно – раз уж ночь с 31-го марта на 1-е апреля проводил в главном корпусе – посещать ещё несколько праздничных развлечений).

Вообще даже в те годы, когда КВН не было на всесоюзном телеэкране, традиция сохранялась в ВУЗах всей страны. А когда телеКВН возобновился, первыми победителями стали КВНщики Одесского университета, где эта традиция выжила в особо увлекательных условиях: не так просто шутить над теми, кто уже через пару месяцев будет принимать у тебя зачёты и экзамены. И одесскую Юморину создавали в основном университетские КВНщики. Но это – тема отдельного и очень обширного рассказа, выходящего далеко за рамки книги, посвящённой серьёзным учебным и научным делам.

Дотошным экскурсантам можем сообщить: кроме осмотренных корпусов у университета есть, выражаясь языком риэлтеров, много недвижимости. Корпуса четырёх факультетов – геолого-географического, биологического, филологического и романо-германской филологии – в лучшем районе Одессы – на Французском бульваре, восемь общежитий по всему городу, оздоровительный лагерь «Черноморка», старейший одесский стадион в Шампанском переулке.

Стадион дорог всем одесским любителям футбола – именно на нём в 1913-м году сборная Одессы стала чемпионом Российской империи по футболу. Высший по экономике (и последний мирный) год Российской империи причудливо совпал с высшим достижением одесского футбола. Впрочем, о совпадении говорить не приходится – вложите в футбольную команду столько денег, сколько позволяет Ваша экономика, и Вы получите адекватный результат.

На площади между главным корпусом университета и главным корпусом родного для нас холодильного института стоит памятник студентам, преподавателям и сотрудникам Университета, павшим в Великую Отечественную войну.

Такие памятники стоят перед большинством одесских ВУЗов. К сожалению, в стране, где существуют минимум две истории, давно пришлось принимать закон об уголовной ответственности за

разрушение памятников, построенных в память тех, кто боролся против нацизма в годы Второй мировой войны, и закон об ответственности за пропаганду нацизма и фашизма.

8. К Чёрному морю

Прежде чем рассказать о нашей alma mater – холодильном институте, пройдем дальше и познакомим ещё с несколькими учебными заведениями неисчерпаемой научно-студенческой Одессы. Для этого вновь вернёмся на Елисаветинскую и повернём налево на Преображенскую.

Мы видим: Преображенская служит границей двух прямоугольных сеток улиц. В результате дом по чётной стороне Елисаветинской имеет по фасаду угол 135 градусов, а дом по её нечётной стороне – угол в 45 градусов. Оба дома красивы и монументальны, как и положено домам на углах в центре Одессы. Четырёхэтажный дом по нечётной стороне – № 23 по Елисаветинской и № 11 по Преображенской – сейчас ремонтируют, восстанавливая по старинным открыткам не только небольшую башенку на углу, но и всю могучую надстройку крыши, утраченную за прошедшие десятилетия. Интересно, что второй этаж здания намного меньше, чем остальные этажи. «Аналогичный случай» был при строительстве громадного дома Папудовой в районе Соборной площади, когда каждый последующий этаж возводился с перерывом в несколько лет и дом менял назначение от складов и магазинов в жилой.

В здании размещался одесский филиал всероссийского страхового общества «Жизнь». Кстати в Одессе – где, как и в Греции, «всё есть» – был и филиал страхового общества «Россия» – рядом с Оперным театром, на углу, воспетом в песне «Как на Дерибасовской угол Ришельевской». Напомним, что московское отделение «России» занимало «то самое» здание на Лубянской площади, что после смены «жильцов» породило анекдот:

– Где здесь «Госстрах»?

– Ну, не знаю, где «Госстрах», а «Госужас» здесь. Здание страхового общества сейчас жилое, но – как принято в центре – с множеством административных помещений. Есть здесь и нотариус, и турфирма, и филиал страховой компании. Интересно, что остались два ветерана советских времён: строительная фирма – наследница ремонтно-строительного управления «Одессаглавнаба» (и

сохранившая под руководством нашего знакомого название «Одессаглавснаб», правда – ОАО), и бар «Толстяк» – наследник советской пивной «Интеграл» или «Деканат».

Конечно, эта пивная в советское время официального названия не имела. Как говорится, «рыночная экономика начинается с прилагательных» – в эпоху тотального дефицита они не нужны:

– Что дают?

– «Колбасу» (или «сыр», или «пиво»). Прилагательные приходят потом. То есть была себе пивная и пивная, но у студентов название всё же имелось. Причём определялось название тем, где студент учился. Если нарисовать кривую от главного входа университета до входа в бар «Толстяк», получится знак интеграла; отсюда название, бывшее в ходу у мехматовцев. Холодильщики были неприятельнее:

– Где он?

– В деканате. Коротко и ясно.

В том же доме со стороны Преображенской (точный адрес для знатоков – Преображенская, № 11, кв. № 17) до 1922-го года жил выдающийся электрохимик, основатель электрохимической кинетики, академик АН СССР (и, кстати, иностранный член ещё десятка академий), Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и трёх Сталинских премий Александр Наумович Фрумкин. В Москве он основал кафедру электрохимии МГУ и заведовал ею 43 года. Также в Москве он был директором института физической химии, носящего теперь его имя. Как видим, не только для деятелей искусства правильно выражение: «Нужно родиться в Одессе – и вовремя из неё уехать». Кстати, родился Александр Наумович в Кишинёве, а в Одессе окончил гимназию, университет, стал профессором Института народного образования (преемник университета в 1920–1933-м годах; об этом чуть дальше), женился на поэтессе Вере Михайловне Инбер (в девичестве – Вера Моисеевна Шпенцер; двоюродным братом её отца был уже упомянутый Лейба Давидович Бронштейн – Лев революции Троцкий). Учёный 54 года прожил и работал в столице СССР, но именно в Одессе будущий академик не только стал интересоваться электрохимией, но и провёл исследования, выдвинувшие его в первые ряды русских электрохимиков. Причём эти работы он выполнял в невероятно трудный период – в 1917–1919-м годах: мы знаем эти годы как период бесконечной смены власти в Одессе и тотальной разрухи.

Вот прекрасная иллюстрация тезиса профессора Преображенского из «Собачьего сердца»: «Разруха – в головах».

Очень обидно, что память о таком выдающемся учёном ещё не увековечена в мемориальных досках ни на доме, где он жил (и жил не случайно: его отец Нохем Хаимович – Наум Ефимович – Фрумкин был главным представителем страхового общества «Жизнь» по Одесскому округу), ни на здании университета, который он закончил и в котором работал.

Знакомство с домом страхового общества «Жизнь» позволяет упомянуть ещё одного интереснейшего человека – Леонида Григорьевича Авербуха, поскольку в этом доме он жил в детстве и юности. Леонид Григорьевич – одессит в седьмом поколении, Заслуженный врач Украины, более 50 лет отдавший борьбе с туберкулёзом (мы уже упоминали: Одесса была серьёзным медицинским центром борьбы с этой болезнью), создатель одесского музея истории борьбы с туберкулёзом. При этом он – продолжая традиции многих и многих врачей, ставших литераторами, – автор нескольких книг, создатель жанра «стихофоризмов и мемуатюр»; некоторые из них включены в сборник «Антологии Сатиры и Юмора России XX века».

Не можем не удержаться, чтобы не привести хотя бы одно стихотворение:

*Судьба по темечку вдруг – хрясь!
И больше не светлеют дали.
Жизнь, может, и не удалась,
А всё ж попытку засчитали...*

Для нас – его знакомых – самое главное – личное общение. В свои 86 лет Леонид Григорьевич активен, бодр, собран (в нём чувствуется подполковник медицинской службы), продолжает активно работать и живо интересоваться окружающим миром. Глядя на него, веришь: и ты ещё немало успеешь сделать в этой жизни.

Напротив детально изученного здания был ещё один прекрасный в архитектурном отношении дом. Собственно, дом ещё стоит, но фасады его находятся в ужасном состоянии, а могучие балконы –

просто в полуразрушенном. Конечно, производительность труда в строительстве намного выше, чем в ремонте, и в Одессе появилось много довольно красивых новых домов, воспроизводящих самые различные стили. Но обидно, что в этом процессе «ассоциации – диссоциации» диссоциация – то есть распад – преобладает.

Мы не случайно употребили химические термины, грустно разглядывая следы былой красоты фасада: во дворе дома № 18 (левая сторона Преображенской – чётная; это исключение из правил есть только на трёх одесских улицах) помещалась кафедра университета с таинственным названием «Кафедра химических методов защиты окружающей среды». Большинство считает, что химическими методами можно только навредить окружающей среде, но сотрудники кафедры своей работой доказывали: это не так. Их дело не пропало даром: сейчас на Преображенской, № 3 расположен «Физико-химический институт защиты окружающей среды и человека». Название созвучно «Всесоюзному НИИ защиты животных от окружающей среды» в фильме «Гараж».

Поскольку центр города, как мы уже убедились, насыщен ВУЗами, нам не удаётся запланировать «прямоточный» маршрут, а придётся идти и возвращаться. Поэтому сначала идём налево, потом вернёмся.

Первая остановка – Преображенская, № 16 и Преображенская, № 14: Одесское художественное училище имени Митрофана Борисовича Грекова – крупного художника-баталиста^[29]. Интересно, что фамилия Митрофана Борисовича – Мартыщенко. Но в Одессе его учителями были упоминавшийся уже дважды Кириак Костанди и его коллега Александр Николаевич Стилиануди. В память о своих учителях художник и выбрал псевдоним.

Двухэтажное здание построено в 1883–1885-м годах, два трёхэтажных – в 1909–1910-м. Как было принято в то время – строили на деньги покровителей и меценатов.

Училище – старейшее художественное заведение Украины. Основано как Одесская художественная школа рисования на три месяца раньше, чем Новороссийский университет – 30-го мая 1865-го года. В собственное здание школа перешла только через 20 лет – в мае 1885-го. В 1899-м школа преобразована в училище. С 1909-го по 1917-й год училище носило имя своего покровителя и главного спонсора Великого князя Владимира Александровича, с 1930-го по 1934-й год

именовалось художественным институтом, с 1965-го носит имя Грекова.

На самом деле важно не наименование учебного заведения, а как, чему и кого оно учит. В постсоветские годы многие институты ради поднятия статуса переименовались в академии – и тем самым изрядно подорвали собственный престиж, ибо за рубежом именуемые так учебные заведения примерно соответствуют нашим техникумам советских времён: вспомним хотя бы многосерийную комедию «Полицейская академия», где учебная программа, в основном списанная с натуры, позволяет готовить всего лишь уличных патрульных. Также мало помогает и переименование в университет: это заведение должно содержать множество учебных направлений по разным независимым отраслям человеческой деятельности, по этому разве что политехнические институты по праву стали техническими университетами, а вот Одесский институт инженеров морского флота – при всём нашем уважении к месту, где учился и вот уже 60 лет работает наш отец – не дотягивает до нынешнего титула морского университета просто потому, что морские специальности, преподаваемые там, слишком тесно связаны между собою.

Наш друг – известный американский художник Илья Зомб^[30] – и его приятели в годы обучения в училище называли его коротко «грековка» или иронично – «бурса».

Итак, пусть скромное название «училище» не отвлекает от главного: среди учащихся мы можем назвать – по принципу «что ни фамилия, то имя» – Натана Исаевича Альтмана, Давида Давидовича Бурлюка, Василия Васильевича Кандинского, Аврума Ицхок-Лейба Иосифовича Постернака^[31], уже упомянутых Бориса Михайловича Иофана и Кириака Константиновича Костанди.

К сожалению, несмотря на столь заслуженное прошлое, училище не может найти средств на восстановление второго из зданий, построенных к 1910-му году. Это здание существенно пострадало от пожара и вот уже не одно десятилетие стоит, сопротивляясь стихиям и служа, как говорится, немым укором. Не нашлось денег ни в эпоху планового хозяйства СССР, ни в эпоху рыночного хозяйства современной Украины. «Невидимая рука» рынка не видит таких мелочей. Типичная картина для весьма бедной европейской страны, где непостижимым образом живут самые богатые люди Европы.

Невидимая рука рынка давно доказала: она умеет разве что шарить по карманам тех, кто в неё верует. Достаточно напомнить: по законам того самого рынка ключевые отрасли рано или поздно монополизировались, и монополист обретает возможность действовать по собственному усмотрению, перекашивая весь рынок в свою пользу, а бороться с этим перекосом могут только совершенно нерыночные антимонопольные законы. Приватизация государственного имущества тоже чаще всего нерыночна, ибо крупные предприятия могут купить лишь немногие достаточно богатые коммерческие структуры, и им куда проще договориться между собою (как случилось в РФ в 1995-м, в ходе залоговых аукционов), чем конкурировать рыночным образом. Наконец, многочисленные трюки рекламистов и маркетологов относятся скорее к области психологической хирургии, чем к классически свободному рынку. Ждать от невидимой руки рынка чего-то полезного можно было пару веков назад, когда её впервые упомянул Адам Адамович Смит. Но нынче рынком управляют руки вполне видимые – и, как правило, весьма загребущие. Трудно надеяться, что они окажутся столь же щедры и дальновидны, каковы были русские промышленники и купцы век назад, когда рынок ещё не вполне поддавался ручному управлению.

В годы нашей молодости в двухэтажной части училища размещалась Одесская художественная школа имени Костанди. Как тяжело было детям в СССР: после занятий в средней школе большинство из них должно было ещё 3–4 раза в неделю идти заниматься в художественную, спортивную или музыкальную школу, либо на станцию Юных техников, либо в один из сорока или пятидесяти кружков Городского дома пионеров (а ведь дома пионеров были ещё и в каждом районе города). Как писала небезызвестная Агния Львовна Барто:

*Драмкружок, кружок по фото,
Хоркружок – мне петь охота,
За кружок по рисованью
Тоже все голосовали.*

Современные перемены несколько ослабили эту проблему.

Движемся дальше. Преображенская, № 8 – Одесский национальный экономический университет. История этого здания позволяет рассказать о трёх учебных заведениях Одессы – аналогично тому, как о других трёх мы рассказывали у здания нынешнего Ришельевского лицея.

Есть забавная легенда: по ошибке строителей, строивших Невский проспект с двух сторон, он не вышел прямым, как был задуман Петром Великим, а получил излом в точке, где строители встретились. Поэтому часть до нынешнего Московского вокзала именовали Невским проспектом, а часть от вокзала до Александроневской лавры – Староневским проспектом. И различные таинственные и драматические события, происходившие на Невском проспекте (самоубийства, исчезновения и т. п.), зеркально отражались в событиях на Староневском.

Примерно то же мы можем сочинить, рассказывая о зданиях на Елисаветинской, № 5 и на Преображенской, № 8. Как мы помним, на Елисаветинской, № 5 размещалось коммерческое училище Файга, причём дом для училища куплен спустя 10 лет после начала работы училища. Аналогично, на Преображенской, № 8 размещалось коммерческое имени Николая I училище, и дом для училища специально выстроен известным одесским архитектором Феликсом Викентьевичем Гонсиоровским спустя 15 лет после начала работы учебного заведения. Далее происходит удвоение: самый знаменитый ученик училища Файга – певец Леонид Утёсов (Лейзер Иосифович Вайсбейн), два выдающихся ученика училища имени Николая I – писатели Лев Никулин (Лев Вениаминович Олькеницкий) и Исаак Бабель (Ицхак Эммануилович Бобель).

Бабель писал в автобиографии:

«Дома с утра до ночи заставляли заниматься множеством наук. Отдыхал я в школе. Школа называлась Одесское коммерческое училище имени императора Николая I. Это было весёлое, распущенное, шумливое, разноязыкое училище. Там обучались сыновья иностранных купцов, дети еврейских маклеров, поляки благородного происхождения, старообрядцы и много великовозрастных биллиардистов. На переменах мы уходили в порт, на эстакаду или в греческие кофейни играть на биллиарде, или на Молдаванку пить в погребах дешёвое бессарабское вино.

Лучше других предметов преподавали французский язык. Учитель был бретонец и обладал литературным дарованием, как все французы. Я затвердил с ним классиков, сошёлся близко с французской колонией в Одессе и с пятнадцати лет начал писать рассказы на французском языке».

Так сказать, вопрос знатокам:

– Что общего между Пушкиным и Бабелем?

– Первые литературные опыты оба осуществляли на французском языке.

Директор училища Файга – действительный статский советник Фёдоров, директора училища Николая I – действительные статские советники Роберт Васильевич Орбинский и Иван Сергеевич Боровский. Они, правда, не увлекались театром, а целиком посвящали себя родному училищу, росту его репутации, или, как сейчас сказали бы, рейтингу. В результате учащиеся охотно принимались на работу в торговые дома, а также успешно поступали в высшие учебные заведения.

Форму училища Файга живописно описал Утёсов:

«Все гимназисты имели парадную форму, но форма нашего училища вызывала зависть даже у гвардейских офицеров. Судите сами: длинный, до колен, однобортный сюртук чёрного цвета с красной выпушкой и шитым золотым воротником, золотые обшлага и такие же пуговицы. Сюртук был подбит белой шелковой подкладкой, и мы для шика, сунув руку в карман, постоянно держали одну полу отвёрнутой. Когда в Одессу приезжал царь, нас, фэйгистов, ставили в первый ряд».

Однако форма училища Николая I тоже интересная: на мундире коричневые пуговицы с жезлом Меркурия, перевитым змеями, и крылатой шапочкой. Кстати, античные мотивы видны и на фасаде здания: в нишах над главным входом – справа и слева от трёх больших венецианских окон – стоят скульптуры Афины и Изобилия (эта тема привлекает скульпторов с незапамятных времён и всегда выражается в виде женщины с множеством овощей, фруктов и прочих плодов сельского хозяйства).

Вообще, возвращаясь к форме и к тому факту, что директора обоих училища имели звание действительных статских советников (то есть штатских генералов), нельзя не процитировать поистине

бессмертный очерк «Иван Вадимович – человек на уровне» Михаила Кольцова (Моше Ефимовича Фридлянда):

«Ну, кто у вас по математике – какой-нибудь шкраб в задрипанной толстовке, сто рублей в месяц получает, полдня в очередях стоит... А ты представь себе у нас: Николай Аристархович Шмигельский – статский советник, синий мундир, золотые очки, от бороды одеколоном пахнет! Ведь он, негодяй, по праздникам со шпагой ходил, – мы, мальчишки, прямо восторгались. У такого выйдешь к доске бином Ньютона объяснять – чувствуешь, что состоишь на государственной службе!»

Выпускником училища имени Николая I, отнюдь не считавшим, что объясняя бином Ньютона, находишься на государственной службе, был видный революционер-меньшевик Борис Осипович Богданов. Сын купца первой гильдии окончил престижное училище в 1904-м году, но сразу вступил на путь профессионального революционера: в год окончания училища арестован впервые, хотя всего на полтора месяца. Далее избирается членом городского комитета РСДРП, проникает на мятежный броненосец «Потёмкин» и агитирует матросов примкнуть к общегородской стачке – агитирует, судя по результатам, недостаточно убедительно. Затем идёт череда арестов, ссылок, конфликтов с большевиками, ссылок и арестов уже при большевиках. Подробно с его биографией^[32] можно познакомиться на сайте Спасо-Преображенского Соловецкого мужского монастыря.

Мы – как любители темы «В Одессе – первой...», укажем: именно Борис Богданов разработал основные принципы построения Советов рабочих и солдатских депутатов от местных органов до объединяющего их верховного органа – Всероссийского съезда Советов – и именно Богданов, впитав с детства дух свободолюбивого города, сформулировал: «Все российские граждане без различия пола и возраста имеют право устраивать собрания в закрытых помещениях и под открытым небом, а равно устраивать всякого рода шествия, манифестации, демонстрации и тому подобное без предварительного заявления власти». Хотя Временное правительство России ещё в 1917-м году придало этой резолюции силу закона, и спустя почти сто лет это положение не выполняется повсеместно.

8. Политех или о пользе гражданской войны

Второе учебное заведение, располагавшееся по адресу Преображенская, № 8, – наш Политех. Его нынешнее название – Одесский Национальный политехнический университет. Политехнический университет – конечно, немного «масло масляное», но куда деться от нынешнего правила называть университетами практически все ВУЗы.

Рассказ о Политехническом институте может продолжаться несколько суток, ведь это второй по дате образования ВУЗ Одессы, крупнейших политехнический институт Юга Украины. Из него «вышли» и строительный институт, и институт инженеров морского флота, и институт связи, и даже, как ни странно, сельскохозяйственный институт (правда, сельскохозяйственный факультет был в составе Политеха только с марта 1920-го по март 1921-го года). Детальная история и, так сказать, «тактико-технические данные» ВУЗа представлены в книге «История Одесского политехнического 1918–2003 в очерках» /Под ред. В. П. Малахова, Одесса: ОНПУ; «Астропринт», 2003. – 656 стр. Мы же здесь расскажем то, что любопытно вспомнить в ходе прогулки по Одессе.

История создания Политеха – замечательная иллюстрация поговорки «Не было бы счастье, да несчастье помогло». Дело в том, что разговоры об организации в Одессе Политехнического института велись непрерывно, начиная, как минимум, с последней четверти XIX века. В 1874-м году артиллерист полковник П. Залесский опубликовал в газете «Одесский вестник» статью «Об устройстве в Одессе высшего политехнического училища». С тех пор обсуждение этого вопроса регулярно проходило и в Одесской городской думе, и на собраниях Одесского отделения Императорского Русского технического общества (ИРТО). Одесские «ходоки» многократно выезжали в Санкт-Петербург для решения этого вопроса, но всё никак не складывалось.

Вопрос положительно решился, как ни странно, в 1918-м году. Дело в том, что к тому времени в Одессе скопилась, так сказать «критическая масса» студентов-техников, вынужденно покинувших столичные ВУЗы. К тому времени в Одессе собрались и яркие учёные:

среди них уже упоминавшийся Леонид Исаакович Мандельштам^[33], его коллега Николай Дмитриевич Папалекси^[34], профессор Чарльз Джонович Кларк (из шотландцев по отцу и остзейских – прибалтийских, к тому времени вполне обрусевших – немцев по матери) и другие. Они совместно с профессорами Новороссийского университета стали основоположниками второго одесского ВУЗа.

События развивались с почти революционной скоростью: 6-го апреля «союз иногородних студентов-техников» обращается в Одесское отделение технического общества по вопросу организации политехнического института. Уже 9-го апреля в известном нам здании технического общества проходит первое совещание по этому вопросу, затем в течение апреля и мая 1918-го года проходит ещё несколько заседаний, где разрабатывается устав, решаются вопросы отвода земли, формируется профессорско-преподавательский состав. Наконец, 22-го мая ректором избирается профессор Михайловской артиллерийской академии, первый начальник Одесского артиллерийского училища генерал-лейтенант Андрей Александрович Нилус.

С учётом того, что коммерческими училищами руководили действительные статские советники, то есть штатские генерал-майоры, генерал-лейтенант на должности ректора – не слишком удивительно. Интереснее то, что во дворе артиллерийского училища (ныне здание отдано Одесскому педагогическому университету) в ознаменование заслуг перед ним стоит памятник генералу Нилусу. Это единственный памятник ректору ВУЗа в Одессе. Думаем, что и на всё, как принято говорить «постсоветское пространство» таких памятников наберётся немного.

23-го августа в зале всё того же технического общества состоялось публичное зачисление студентов на механическое, инженерно-строительное и экономическое отделения: на первый курс 293, 159 и 300, а на второй курс 179, 111 и 58 человек. Всего зачислено 1100 человек; весьма немалое число.

18-го сентября 1918-го года состоялось официальное открытие Одесского политехнического института. Одесские газеты сообщали, что в 12 часов этого дня в зале Технического общества «скромно и бесшумно, но сердечно и тепло Одесса отпраздновала открытие

долгожданного и так необходимого для промышленности юга Одесского политехнического института».

Эпитет «скромно» заставляет вспомнить замечание Черчилля. Когда в 1951-м году он сменил Клементу Ричарда Эттли на посту премьер-министра, корреспонденты сказали:

– О Вашем предшественнике говорили, что он скромен.

Черчилль ответил:

– Ну, для скромности у него были все основания.

У Одесского политехнического нет оснований быть скромным. За годы своего существования он подготовил свыше 90 000 инженеров для народного хозяйства СССР и около 4000 специалистов для 102 стран. Среди его преподавателей и выпускников, кроме упомянутых выше Манделштама и Папалекси, такие светила науки и техники, как лауреат Нобелевской премии академик Игорь Евгеньевич Тамм, дважды Герой Социалистического Труда конструктор авиапушек и противотанковых ракет Александр Эммануилович Нудельман^[35], 13 лауреатов Государственной премии и т. д., и т. п. Сейчас специалистов, бакалавров и магистров готовят по 54 специальностям в 11 институтах. В подготовке участвуют 32 академика и члена-корреспондента международных, республиканских, отраслевых академий, 100 докторов и 450 кандидатов наук.

Пользуясь принципом «своя рука – владыка», мы хотим здесь рассказать об одном из сотрудников Политеха, крупном теплотехнике профессоре Давиде Израилевиче Рабиновиче, поскольку нам посчастливилось быть лично с ним знакомыми. Давид Израилевич – яркий представитель элиты в том смысле слова, какой был принят в Советском Союзе в 1930–1960-е годы. Всю свою долгую творческую жизнь он отдал родному Политехническому институту, заведовал в нём кафедрой котельных установок, решал не только чисто научные, но и практические задачи, связанные, в частности, с устранением дефицита топлива на предприятиях Одессы путём использованием низкосортных и бурых углей. В последние годы жизни он активно работал над вопросом утилизации мусора сжиганием, для чего разработал чисто радиационный котел-утилизатор, которому – традиционно – дал название по первым буквам своих (нелёгких для жизни в СССР) имени, отчества и фамилии – «ДИР» с очередным порядковым

номером. К сожалению, эту работу профессор не завершил. Кстати, мусоросжигающего завода в Одессе нет до сих пор.

Давид Рабинович начал получать высшее образование во Франции ещё до Первой мировой войны – столетие с её начала мы недавно отметили. Вот как далеко простирается наша связь времён. Из-за войны вернулся в Россию, Октябрьский переворот^[36] встретил в Москве. Мы общались с профессором в 1970-е годы, и были тогда просто изумлены тем альтернативным взглядом на историю, которым он с нами делился – до Перестройки было ещё десять лет.

Долгая жизнь профессора вместила всё, чем была богата жизнь Страны Советов. Были в ней и арест (к счастью, краткий), и преследования по национальному признаку, и яркие научные достижения, и плановая поддержка от государства. Научной элиты было сравнительно немного, профессор Рабинович мог одновременно заведовать кафедрами как в родном Политехническом, так и в «Водном» институте. Роскошный чёрный автомобиль ЗиМ^[37] он мог купить ровно за четыре месячные зарплаты. Сам Давид Израилевич с нескрываемой гордостью рассказывал, как ЗиМ стоял в автомагазине, и служащим пришлось вынуть витрину, чтобы вручить машину профессору – покупателю. Потом на смену ЗИМу пришла салатовая «Волга» ГАЗ-21 в экспортном исполнении с массой хромированных деталей и красивым оленем на капоте. На этой «Волге» нас катал, что было просто сказочным наслаждением в начале 1960-х годов, племянник профессора и соавтор нашего отца по многим большим исследованиям Виктор Абрамович Рабинович.

Была у профессора и настоящая профессорская квартира. Во-первых, в замечательном районе Одессы – на проспекте Гагарина, в районе киностудии и «Трассы здоровья». Ежедневно Давид Израилевич совершал пешие прогулки по ней до Аркадии. Как он сам говорил нам: «увы, теперь мой мотор может вести меня только вниз, а вверх – из Аркадии – меня везет электромотор». Во-вторых, отдельная, что до начала строительства одесских Черёмушек было почти неслыханной роскошью. Да и по классу она отличалась от «хрущёвок». В ней было всего две комнаты, но по интерьеру она очень походила на квартиру профессора Преображенского из знаменитой экранизации «Собачьего сердца»: солидная мебель, скатерть на столе,

масса книг в строгих библиотечных шкафах. Даже запах был какой-то солидный и несоветский.

Интересно, что первоначально в доме должны были жить художники: могучая профессорская квартира^[38] была половинкой квартиры-мастерской, задуманной для художников. Так что семья профессора Рабиновича имела общий тамбур с легендой Одесского Русского драматического театра артистом Николаем Волковым (Николаем Николаевичем Агуровым – псевдоним он взял потому, что его брат Евгений тоже был актёром того же театра). Кто видел фильм «Старик Хоттабыч», поставленный в 1956-м году Геннадием Сергеевичем Казанским по одноимённой повести Лазаря Иосифовича Гинзбурга (по первым слогам имени и фамилии он завёл себе псевдоним Лагин) – вспомнит этого актёра прекрасной аристократической внешности в заглавной роли. Николай Волков старший, как и упоминавшийся ранее математик Крейн, до конца жизни был предан Одессе. Он не соглашался на многочисленные предложения ведущих столичных театров, да и в кино снимался меньше, чем мог бы. Одной из последних его ролей была роль Владимира Александровича Владимирова – отца разведчика Всеволода (по оперативному псевдониму – Максима Максимовича Исаева) – в фильме «Пароль не нужен». Его сын – тоже Николай Николаевич – не только любимый актёр Анатолия Васильевича (Натана Исаевича) Эфроса, но и исполнитель роли радиста Эрвина в фильме «Семнадцать мгновений весны». Вот такой «одесский след штирлициады»: отец играет отца Штирлица, сын – его радиста.

У Давида Израилевича своих детей не было, и все нерастраченные отцовские силы и чувства он потратил на племянника. Усилия вознаградились сторицей. Виктор Абрамович Рабинович стал крупным учёным-теплофизиком. Владелец не самой простой для СССР фамилии и отчества, к тому же не член КПСС, руководил большим отделом в подмосковном полузакрытом физическом институте, стоял у истоков советской Государственной службы стандартных справочных данных, а профессорское звание получил не – как большинство профессоров – за преподавание, а за заслуги в подготовке многочисленных аспирантов.

Приезжая в командировку или в отпуск в Одессу, он – для нас просто дядя Витя – привозил нам какие-то невообразимые подарки,

катал на машине и просто превращал жизнь в праздник. В Москве квартира Виктора Абрамовича и его жены Лидии Яковлевны стала буквально вторым домом для громадного числа одесситов и других «гостей столицы»: в те годы было банально очень трудно устроиться в гостинице. Радужие и щедрость Рабиновичей-москвичей – настоящих представителей ОдеКолона, то есть одесской колонии в Москве – просто не передать.

Анатолий успел поработать в Москве в редактируемом Виктором Абрамовичем журнале «Наука и промышленность России». К сожалению, после безвременной кончины дяди Вити журнал, как и многие другие научно-технические издания, тихо заглох. Правда, пару лет он ещё существовал как чисто справочный, без аналитических материалов, но эту роль постепенно взял на себя Интернет. Похоже, и общедоступная аналитика перекочёвывает туда же. Пока не берёмся судить, хорошо ли это.

Возвращаясь к Политехническому институту, можем припомнить анекдот советских времён о заполнении анкеты:

- Уклонялись ли от линии партии?
- Уклонялся вместе с линией партии.

Действительно, институт переживал различные реорганизации, разделения, перемещения, отражая бурную жизнь как Одессы, так и СССР в целом. Активный рост Политеха на протяжении двадцатых годов и задачи массовой подготовки инженеров в годы Первой пятилетки привели к тому, что в 1930-м году он, выражаясь языком триллеров, расчленён. В соответствии с постановлением Ноябрьского пленума ЦК (тогда не нужно было указывать – какой партии) в Одессе, как и в других университетских городах, вводилось монотехническое образование. Факультеты политехнического института не только преобразовывались в отдельные ВУЗы, но и выходили из ведения народного комиссариата просвещения и прикреплялись к соответствующим промышленным объединениям^[39]. В результате появились институты инженеров водного транспорта, инженеров гражданского и коммунального строительства, связи, энергетический. Остатки расформированного ОПИ переведены в Одесский вечерний рабочий индустриальный институт (ОВРИИ). Срок обучения – в связи с крайней нуждой в инженерах – составлял 3.5 года, в основу учебного процесса легли семинарские и лабораторные занятия.

В 1933-м году ОВРИИ переходит в ведение знаменитого Наркомата тяжёлой промышленности СССР и переименовывается в Одесский индустриальный институт (ОИИ). Профиль индустриального института определяли три факультета: механический, энергетический и химико-технологический. Под этим именем институт эвакуируется в Пензу и возвращается в Одессу. Показательно, что Одессу освобождают 10-го апреля 1944-го года, а уже 24-го апреля первые 78 студентов приступили к занятиям. Поскольку здание Политеха на улице Гоголя было разрушено, занятия начались по уже хорошо знакомому нам адресу – Преображенская (тогда – Красной армии), № 8.

30-го апреля 1945-го года институту возвращено «законное» название – Одесский политехнический, а в 1957-м году принимается историческое решение по обмену зданиями политехнического и кредитно-экономического институтов. Это была, что называется «игра с ненулевой суммой». Кредитно-экономический сразу получил больше учебных площадей, а Политех переместился на площадку с громадными возможностями нового строительства.

В результате сейчас у Одесского Национального Политехнического университета могучий комплекс из 22 учебных корпусов, замечательного дворца культуры и научно-технической библиотеки. А Одесский Национальный Экономический университет располагается в здании по Преображенской, № 8, что позволяет нам плавно перейти к рассказу об этом Одесском ВУЗе.

9. Родной НарХоз

Из посвящения вы знаете: это учебное заведение закончила наша мама. А попала она туда потому, что в 1932-м году его закончил её отец Илья Владимирович Баум. Когда в 1948-м мама захотела поступать на исторический факультет университета, отец мягко сказал ей:

– Историю пишут люди, люди бывают разные, становись лучше – как я – экономистом.

Наши дедушки и бабушки многое понимали, но жизнь научила их не открывать всё даже самым близким.

Дедушка окончил институт в 1932-м. В этом году в СССР завершилась кредитная реформа. В ходе неё коммерческий кредит заменился банковским и создан единый Госбанк СССР (как ни странно, только спустя 15 лет после социалистической революции). Кадров для работы во вновь сформированной системе госбанка не хватало, поэтому в 1931-м году – спустя 10 лет после образования – Одесский институт народного хозяйства реорганизован в кредитно-экономический институт. Как было принято в то время, институт подчинили соответственно – Правлению Госбанка СССР.

Карьера дедушки после окончания института может быть описана старым анекдотом:

– Кто такой Карл Маркс?

– Экономист.

– Как наш дядя Исаак?

– Ну что ты! Наш дядя Исаак – старший экономист.

До войны дедушка возглавлял небольшой плановый отдел инструментального завода при машиностроительном техникуме, после войны около восьми лет работал в Москве. Вернувшись в Одессу, работал, как значилось в трудовой книжке, «мастером трудовых мастерских психиатрической больницы», а фактически обеспечивал эти мастерские заказами.

Формально можно сказать: большая карьера не сложилась. Но не потому, что институт давал плохое образование. Напротив, Одесский кредитно-экономический (с 1966-го года – снова институт народного хозяйства) давал очень качественное образование. Недаром со дня

образования – 16-го мая 1921-го года – он размещался в здании Коммерческого училища. Институт закончили руководитель Украинской Республиканской конторы Госбанка СССР, два министра финансов Украины, министр экономики, другие высшие руководители экономического блока правительства.

Просто дедушка был очень талантливым и своеобразным человеком, не вписывающимся в строгое советское время с жестко закреплённым регламентом всех аспектов жизни. Во многих вопросах он быстрее других членов семьи улавливал тенденции времени и оставался в меньшинстве при попытке им (тенденциям) следовать. Мы уже упоминали: план отъезда семьи в Москву не был поддержан в пятидесятых годах и реализован только Анатолием самостоятельно спустя 40 лет.

Вообще старший из нас заимствовал от деда много талантов, за исключением музыкального слуха. Илья Владимирович, к сожалению, никогда не учился музыке, но подбирал на пианино любую мелодию, причём не выстукивал её одним пальцем, а исполнял свободно и широко. Когда 8-го мая 1981-го Анатолий в моментальной лотерее «Спринт» выиграл автомобиль «Москвич», мы не только радовались, но и очень жалели, что дедушки нет с нами уже больше года – он увлекался всякими лотереями, «Спортлото» и т. п.

Наверное, родился он в семье побогаче, где больше внимания могли бы уделить развитию его талантов, либо родился он чуть раньше или чуть позже, когда смог бы реализовать свою «предпринимательскую жилку», его жизнь прошла бы в большем согласии с самим собой. А так была отдушина в виде коллекционирования старинных настенных часов, устраивающих невероятный перезвон в упоминавшейся 30-метровой комнате коммуны на Баранова, № 8, в собирании прекрасной библиотеки, в привычке покупать и тут же дарить всякие необычные мелочи (в последнем Анатолий удивительно напоминает дедушку – В. В.).

Наша мама послушалась совета отца, поступила на кредитно-экономический факультет (в кредитно-экономическом институте был к этому времени и учётно-экономический факультет – отсюда такая тавтология) и окончила институт летом 1952-го года. В институте много лет срок обучения составлял четыре года, когда в других ВУЗах стандартно пять лет. Но по назначению в Республиканскую контору

Нацбанка в Таллин не поехала – в декабре родился Анатолий. А то были бы мы сейчас НеГрами (то есть «не гражданами») в Эстонии.

Уезжавшим по назначению выдавали подъемные. На эти деньги (довольно авантюрно) приобретён могучий пятнадцатитомный Энциклопедический справочник «Машиностроение» – выдающееся достижение советской инженерной мысли и полиграфического искусства конца 1940-х – начала 1950-х годов. Как вы знаете из многочисленных интервью, Анатолий читал этот справочник в детстве. Да и Владимир реально работал со справочником: некоторыми разделами – особенно учебными – и сейчас удобнее пользоваться, чем современными изданиями и Интернетом.

Времена были строгие. Маму, не явившуюся к месту распределения, вызвали в прокуратуру. Причина неотъезда была «налицо», точнее говоря, на талии, так что всё закончилось относительно мирно, хотя деньги за справочник пришлось, конечно, вернуть.

А вот отец был направлен в Ригу без всяких вариантов: наличие полугодовалого сына не было уважительной причиной. При этом мама в Риге устроиться не могла – формально отказывали из-за незнания латышского языка. Вообще нельзя не удивиться тому, что не было ни компьютеров, ни могучих бухгалтерских программ, а устроиться не то что экономистом, а рядовым бухгалтером было очень сложно. Мама всё же стала работать именно бухгалтером в Одессе – сперва в обычной аптеке в промышленном районе Пересыпь, затем в магазине «Оптика» на Тираспольской площади (в двух кварталах от дома), наконец, в магазине вновь созданной сети «Медтехника» на Комсомольском бульваре. Только спустя 21 год после окончания ВУЗа мама заслуженно стала главным бухгалтером в областном (поначалу даже межобластном, то есть обслуживающим не только Одесскую, но и Николаевскую и Херсонскую области) управлении «Медтехники», причём была единственной беспартийной и единственной еврейкой среди главных бухгалтеров всех областных управлений Украины. Так что она была действительно очень хороший специалист.

Место было, как сейчас бы сказали, «крутое». Через «Медтехнику», кроме медоборудования, шли дефицитные оправы к очкам и супердефицитные аппараты для измерения давления. Выросшим в условиях, когда дефицитом являются деньги и время^[40],

сложно представить, что такое – возможность «достать» симпатичную оправу или ртутный тонометр. Мама помогала с этим множеству знакомых и родственников, да и мы оба имели возможность носить очки в оправках, которые нам нравились и были к лицу. При этом наша мама была честным до щепетильности человеком, что на её должности было так же редко, как беспартийность.

Настоящий же расцвет специалистов, окончивших Нархоз, начался с перестройкой, когда как грибы после дождя выросли кооперативы. Мама вела бухгалтерскую работу в пяти – шести из них, причём предложений было больше, просто чисто физически она не справлялась с бóльшим числом. При этом поражала сотрудников профессиональной памятью: знала показатели работы каждого кооператива лучше, чем председатели этих кооперативов, имевшие дело только с одним «массивом» данных. Тогда же мама начала осваивать компьютер, на котором Анатолий писал ей первые бухгалтерские программы.

Вернёмся к самому ВУЗу. Так же, как и Политех, он эвакуирован во время Великой Отечественной войны, и так же стремительно «разворачивался» в освобождённой от фашистов Одессе. Город освобождён 10-го апреля, 25-го апреля Госбанк издаёт приказ, и институт возобновляет работу 31-го июля 1944-го года. Как мы уже говорили, здание на Преображенской занимает Политех, а Кредитно-экономический начинает работать буквально в квартирах в районе перекрёстка Комсомольской улицы и улицы Дзержинского.

В начале пятидесятых строится здание института на проспекте Шевченко. Тогда это была окраина города – за зданием начиналась степь до самого пляжного парка Аркадия. Потом произошёл уже упомянутый обмен с Политехом: институт возвращается в центр города и с тех пор прирастает факультетами, зданиями, общежитиями.

Резкий рост популярности института приходится на 1972-й год, когда команда КВН Нархоза стала чемпионом СССР. Хотя на неё работали и ведущие авторы прежней одесской команды КВН, факт, что именно студенты Нархоза – чемпионы, на несколько лет резко увеличил конкурс в институт. Причём увеличилось и число парней, желающих поступить в институт, несмотря на отсутствие военной кафедры, что означало в то время неизбежную полутрехлетнюю

службу в армии: возможная популярность пересиливала этот серьёзный недостаток ВУЗа для «сильной» половины человечества.

В 1993-м году институт реорганизован в экономический университет, а в 2011-м ему присвоен статус «национальный» – высший статус для ВУЗов Украины. Сейчас у университета семь корпусов (особо нужно отметить корпус № 6 на Пушкинской, № 26 – здание построено заново, но не отличимо по облику от соседних домов), девять факультетов, но в здании на Преображенской, № 8 до сих пор находится кредитно-экономический факультет, который закончила наша мама в далёком 1952-м году. Для нас это незабываемо.

На минутку остановимся у мемориальной таблички на левом крыле здания института. Тем, кто знаком с обороной Одессы в 1941-м году, кажется: в тексте допущена опечатка. Ведь легендарный полковник Осипов был командиром 1-го полка морской пехоты, а в тексте таблички сказано, что в «здании находился штаб 2-го полка морской пехоты под командованием полковника Осипова». Но всё точно. 8-го августа Яков Ильич Осипов возглавил формирование 2-го полка морской пехоты, но уже 15-го сменил командира 1-го полка, не справлявшегося со своими обязанностями. Под командованием Осипова полк героически сражался в дни обороны Одессы и последним покидал город, когда пришёл приказ об эвакуации. 2-го ноября 1941-го года полковник Осипов погиб в Крыму. И ещё одна деталь из одесской мозаики: в Одессу будущий герой обороны перевёлся в 1939-м году, т. к. его жена страдала болезнью глаз и семья надеялась на помощь знаменитого офтальмолога Филатова, о котором мы уже рассказывали. В итоге в городе есть и улица академика Филатова, и улица Осипова.

10. Преображения Преображенской

Не откажем себе в удовольствии пройтись по первому кварталу Преображенской. Он достаточно живописен – в отличие от последнего квартала у «Привоза». Или, если точно взвешивать слова, этот квартал красив, а живописен как раз квартал у знаменитого одесского рынка.

Мысль о «Привозе» заставляет вспомнить об ещё одном одесском ВУЗе – сельскохозяйственном институте. Строго говоря, возможность рассказа о нём появлялась и чуть раньше: как мы уже говорили, с марта 1920-го по март 1921-го года в составе Политехнического института был сельскохозяйственный факультет. Впрочем, на официальном сайте^[41] Одесского государственного сельскохозяйственного университета создание заведения относят к самому началу 1918-го года и приводят соответствующую цитату из газеты «Одесский листок» за 30-е января 1918-го года: «Одесса обогатилась ещё одной крупной ценностью – высшим сельскохозяйственным институтом, открытым местным Обществом сельского хозяйства юга России». Кстати, как мы уже писали, вице-президентом, а потом и президентом именно этого общества был первый из одесских графов Толстых – Михаил Дмитриевич Толстой.

Авторам – людям, далёким от сельского хозяйства – сложно оценить все заслуги старейшего сельскохозяйственного ВУЗа юга Украины. Поэтому расскажем только о самых запомнившихся моментах.

Прекрасна дата официального открытия института – 23-е февраля 1918-го года. Самый мирный институт основан день в день с Красной Армией, которая «всех сильнее от тайги до Британских морей».

Сначала институт состоит из агрономического и зоотехнического факультетов, в 1929-м году к ним прибавляется факультет плодовоовощеводства и виноградарства, после войны появляется ветеринарный факультет. В 1930-е годы в институт вливают несколько родственных заведений, включая экзотический на наш слух Новополтавский еврейский сельскохозяйственный институт. С 1986-го года в институте существует факультет механизации.

Если с механизацией работ, связанных с зерновыми культурами, всё более-менее разработано, то механизация в плодоовощеводстве и виноградарстве очень сложна. Недаром в СССР так были развиты выезды на село студентов и инженеров, а порой и школьников.

Авторов эти выезды очень раздражали. Но после распада СССР мы обратили внимание и на другие способы организации сезонных работ, ранее воспринимаемые нами как советская пропаганда. Например, в сельском хозяйстве Соединённых Государств Америки постоянно занята всего 1/25 населения страны – но в сезон рядом с каждым из них работают 5–6 гастарбайтеров из Мексики, в остальное время голодающих у себя на родине. Постепенно стало ясно то, о чём мы в советское время не задумывались: для сезонных работ в любом случае нужно много народу, и вопрос лишь в том, могут ли эти люди в межсезонье заниматься другими полезными делами или вынуждены голодать в ожидании заработка. СССР не располагал возможностью привлекать значительное число рабочих рук из-за рубежа или опираться на собственных безработных (их, по сути, не было). Если же рассматривать весь мир как единую производственную систему, станет совершенно очевидно: куда выгоднее на несколько недель в году снимать часть людей с постоянных рабочих мест, чем содержать (пусть даже впроголодь) значительное число безработных в ожидании краткого сезона.

Поэтому одно из достижений факультета – создание запатентованного в США, Франции и Германии комплекса полуавтоматов для подрезания винограда – нельзя не упомянуть даже в самом коротком рассказе о сельхозе.

А ещё нужно отметить: преподаватели института не ограничиваются только учебным процессом. Среди достижений ВУЗа – выведение и внедрение в практику новых сортов пшеницы, технических культур и винограда, борьба с засухой в южных степных районах Украины, научные исследования по агротехнике выращивания риса в Дунайских плавнях. В агрономическом университете: разрабатываются и совершенствуются интенсивные технологии выращивания сельскохозяйственных культур; решаются проблемы землеустройства; улучшаются племенные качества крупного рогатого скота, свиней и овец; исследуются важнейшие проблемы ветеринарии и экономики сельского хозяйства.

Немного статистики. На 10 специальностях университета обучаются около 4000 студентов. Всего ВУЗ подготовил свыше 35 000 специалистов сельского хозяйства, включая представителей всех стран социалистического лагеря. Сейчас в университете ежегодно занимаются в среднем 50 иностранных студентов, он выполняет от 15 до 22 международных программ и проектов.

Поскольку мы проводим экскурсию, а не пишем справочник, обязательно нужно упомянуть о двух зданиях из занимаемых аграрным университетом, весьма примечательных с архитектурной точки зрения.

В первое время Сельхоз вовсе не имел здания и занятия проводились в помещениях Новороссийского (Одесского) университета; приходилось заниматься только во вторую смену. Но с окончательным приходом советской власти в Одессу духовную семинарию, занимавшую с 1903-го года прекрасное здание в стиле «а la Russe» на Канатной, № 99, закрывают распоряжением № 53 Губернского отдела народного образования. «Свято место пусто не бывает» – очень уместная поговорка в данном случае: в здании с 1923-го года размещён сельскохозяйственный институт. Несколько патриархальный вид здания оказался весьма уместным именно для этого ВУЗа.

Семинарию открыли вновь в 1945-м году. Сейчас она расположена рядом со Свято-Успенским Одесским Патриаршим монастырём в ближнем пригороде, над морскими пляжами. Так что по принципу «В Одессе, как и в Греции, всё есть» у нас даже при советской власти были и действующий монастырь, и духовная семинария.

Кстати, семинаристы получали стипендию в 90 рублей – не только вдвое больше обычной советской стипендии в годы нашей учёбы, но даже больше самой высокой в городе стипендии в 55 рублей: её получали на факультете атомных электростанций Политеха и на нашем теплофизическом (обе специальности родились в 1963-м году в технологическом институте имени Михаила Васильевича Ломоносова). Что-то мы отвлеклись. Но приятно вспомнить, как на последнем курсе, где стипендия была ещё больше, к тому же получая повышенную стипендию за отличную учёбу, мы имели почти столько же денег, сколько на первой инженерной должности.

Другое красивое здание – нынешний второй корпус аграрного университета. Он находится в районе железнодорожного вокзала и занимает здание знаменитой Пятой гимназии. Знаменита она не только прекрасным строением с роскошным актовым залом – его не стыдно занимать Главному корпусу ВУЗа. Литературная Одесса гордится тем, что в Пятой гимназии одновременно занимались трое знаменитых впоследствии писателей – Корней Чуковский^[42], Борис Степанович Житков^[43] и Владимир Жаботинский^[44]. По мнению некоторых краеведов, все трое учились даже в одном классе. И ещё в гимназии учились Валентин Петрович Катаев и его брат – впоследствии тоже писатель под псевдонимом Евгений Петров. Вот такая концентрация талантов на одесской земле!

Кстати, фасадом здание выходит на Гимназическую улицу: она в 1899-м году названа так по ходатайству домовладельцев именно в честь Пятой гимназии. Интересно, что в связи с размещением в здании сельхозинститута улицу логично переименовали в Институтскую. Но в 1969-м году ей дали сложно выговариваемое название «улица Иностранной Коллегии». Иностранная коллегия при подпольном губернском комитете РКП(б) успешно агитировала англо-французских солдат, оккупировавших Одессу в Гражданскую войну, и в конце концов довела их до готовности к мятежу в защиту советской власти, так что командованию пришлось срочно возвращать войска на родину (увы, большинство членов коллегии к этому моменту уже были арестованы военными контрразведками и казнены). Но в середине 1990-х годов по нашему городу прокатилась волна возврата к старым названиям. Так улица Иностранной коллегии вновь стала Гимназической, а улица Советской Армии – Преображенской.

Вот мы и «вырулили» благополучно на Преображенскую улицу.

Первый квартал её – небольшой бульвар. Состояние не очень ухоженное, но идея симпатичная. По чётной стороне, кроме здания института, в архитектурном отношении интересен дом № 4. Крупные архитектурные детали, почти петербургский стиль выдают работу чешского архитектора Прохаски. Почти все дома, построенные им в Одессе, выполнены в, так сказать, имперском стиле.

Дом интересен ещё двумя обстоятельствами.

Во-первых, его дореволюционная владелица – Екатерина Соломос. В городе жило много греков, но скорее всего она

родственница Дионисоса Соломоса. Этот поэт не просто входил в знаменитую конспиративную организацию «Фелике Этерия» – общество друзей (её создали в Одессе греческие эмигранты для налаживания подпольной работы на родине с целью освобождения Греции из-под османского ига). Он написал стихотворение «Гимн свободе», чьи первые строфы стали национальным гимном Греции. Так что, продолжая игру «Впервые в мире, в Одессе...», можем сказать «Впервые в мире в Одессе прозвучал национальный гимн Греции». Как говорится, парадоксально, но факт: чего не случится в таком удивительном городе, как Южная Пальмира.

Кстати, из той же серии «парадоксально, но факт» – Южная Пальмира севернее Пальмиры настоящей: та была, как известно, позднеантичным городом в одном из оазисов Сирийской пустыни. Просто Одессу называли Южной Пальмирой в противовес Северной Пальмире – Петербургу. Мы уже говорили: наш город сравнивал себя только со столицей империи.

Но мы не забыли (мы никак не могли забыть!) второе обстоятельство, по которому нам интересен – точнее, важен – дом госпожи Соломос. До революции в доме жили всего три семьи – профессоров медицины; семья Тригера жила на первом этаже, Зильберберга – на втором, Баранника – на третьем этаже. После революции профессору Зильбербергу – почти как литературному профессору Преображенскому – оставили восьмикомнатную квартиру за выдающиеся заслуги в научной и общественной деятельности. Традиционно скажем «Впервые на Украине в Одессе профессором Яковом Владимировичем Зильбербергом основан онкологический диспансер».

А в трёхэтажном дворовом флигеле для этих профессоров была построена частная клиника. Именно в ней бабушка родила нашего отца Александра Анатольевича Вассермана 1-го октября 1931-го года. Как вы понимаете, без этого факта её биографии не было бы никаких фактов биографии отца, и мы бы вам чисто физически ничего не могли бы рассказать о нашем любимом городе.

Вообще внимательное рассмотрение любого события выявляет множество редких и маловероятных обстоятельств, причём без любого из них это событие не состоялось бы. Многие на этом основании рассуждают о целенаправленном управлении всем миром: мол, без

сознательно замысленного плана и без тщательного устранения всех отклонений от него все эти события не могли бы случиться. Более того, даже фундаментальные физические постоянные, определяющие весь облик нашего мира, так удивительно точно согласуются между собою, что изменение любой из них более чем на $1/20$ сделало бы невозможным существование разумной жизни или даже возникновение звёзд и планет. Как тут не восхититься стройностью замысла творца!

Увы, внимательное рассмотрение показывает: не состоялось бы это событие – случилось бы другое, столь же маловероятное. Практически невозможно попасть камешком, брошенным в пруд, в заданный квадратный сантиметр этого пруда – но в какой-нибудь квадратный сантиметр этот камешек угодит неизбежно. Каждое событие рано или поздно порождает цепочку следствий – но другое породило бы свои следствия, ничуть не худшие.

Кстати, по теории кипящего вакуума^[45] из квантовых колебаний этого самого вакуума непрерывно рождаются всё новые вселенные, с разнообразнейшими сочетаниями случайных значений фундаментальных постоянных. В каких-то из них сочетания оказываются достаточно удачны, чтобы рано или поздно сформировался разум, способный постичь и свою вселенную, и всё многообразие возникших и возможных вселенных. Но бесчисленное множество не столь удачливых вселенных остаётся без собственных исследователей.

Возвращаясь к судьбам людей, отметим: никто не в силах сказать, мог ли при другом стечении обстоятельств вместо нашего отца родиться учёный большего таланта и воспитаться человек большей душевной силы и щедрости. Но для нас – его детей – лучшего и не надо. Так что признаем, что в этом доме всё случилось наилучшим для нас образом, и можем идти дальше.

В доме № 2 жил «Герой Шипки» Фёдор Фёдорович Радецкий. Представитель раскинувшегося по многим странам Европы рода, давшего миру немало полководцев, знаменитый генерал, участник более чем 100 сражений, кавалер высших наград Российской империи, закончил свой путь в Одессе в этом доме в 1890-м году. Похоронили его на Первом христианском кладбище – к центральному входу на него и ведёт Преображенская улица.

Как мы уже упоминали, сейчас кладбища нет; оно планомерно уничтожалось с 1929-го по 1934-й год. В 1937-м году на его территории открыт «Парк культуры и отдыха имени Ильича», причём все аллеи и аттракционы проложены прямо над могилами, никуда не перенесёнными. Сейчас начаты работы по воссозданию некоторых разрушенных сооружений и памятников. Так, в 2011-м году на месте фамильного склепа Радецких сооружён памятный знак.

Дом № 2 – в числе тех немногочисленных одесских домов, откуда открывался вид на море до начала сравнительно недавнего строительства многоэтажек на склонах. Мы рассказывали об этом в самом-самом начале нашей экскурсии. Любителям уютных одесских двориков советуем пройти во двор дома № 2. Здесь мы встречаем удивительную смесь отремонтированного под офис особняка, узеньких проходов к таинственным «чёрным ходам» квартир, причудливых надстроек и балконов. Короче говоря, всё очень живописно и очень «по-одесски». Осенью можно даже полакомиться виноградом, если позволят жители дома. Из типичных примет одесского двора ещё минимум две: эмалированные таблички на стене и колодец.

У Владимира во время первой работы накопилась – и, увы, осталась там после его перехода на новое место – прекрасная коллекция таких табличек. Бриллиант коллекции – табличка «Дворник – ударник коммунистического труда». Собиралась коллекция явочным снятием табличек со стен дворов и подъездов. Причём, когда товарищ Владимира снимал табличку про дворника, кто-то из жильцов выразил недовольство. Семён серьёзно ответил:

– Разве Вы не знаете? На собрании ЖЭКа дворник лишён этого звания.

Семён был (увы, был) настоящий одессит.

То, что мы называем колодцем – типичное для Одессы мраморное обрамление люка резервуара воды. Такие резервуары были под многими одесскими дворами. Настоящие колодцы были в немногих местах Одессы – в Колодезном переулке (говорящее название), в Дюковском саду и на Фонтане (что на языке французов, начинавших строить Одессу, означает просто «источник»). Отсюда одесское выражение «не Фонтан» в смысле «нечто ненадлежащего качества». Сначала так говорили про воду, которую обманным путём пытались

выдавать за воду из района Фонтана, потом смысл выражения расширился. А резервуары пополняли дождевой водой с крыш – поэтому крыши имели наклон преимущественно внутрь двора – и использовали для хозяйственных нужд. Так Одесса справлялась с хроническим недостатком воды.

Прежде чем вернуться к основному маршруту, пройдем ещё пару шагов к морю. Мы – на бульваре Жванецкого. Сегодня в одесской топонимике два объекта, названные в честь героев при их жизни – улица Терешковой (что забавно – перпендикулярная улице Космонавтов) и бульвар Жванецкого. Первоначально бульвар был Комсомольский (при наличии Комсомольской улицы; аналогично был и бульвар Дзержинского при наличии улицы Дзержинского). Потом бульвар переименовали в бульвар Искусств – на нём до сих пор стоит дом художников: выставочный зал на первом этаже, квартиры – на втором – четвёртом, мастерские – на пятом. Бульвар удобно переименовывать – все дома имеют адреса по соседним улицам, что минимизирует расходы на переименование.

На бульваре два памятника. Про один мы уже говорили – бюст дважды Героя Социалистического труда, выпускника Политеха, конструктора авиационного вооружения Александра Эммануиловича Нудельмана. Второй – памятник апельсину, или памятник взятке. Расхожая легенда гласит: Павел I, категорически не воспринимая ничего, что делала его мать – императрица Екатерина II, прекратил финансирование строительства Одесского порта. Тогда купцы отправили в Петербург обоз с тремя тысячами только что привезенных из Италии апельсинов. Продукт экзотический и Павлом любимый. Эмоциональный и переменчивый император сменил гнев на милость, распорядился отдать на продолжение строительства гавани все материалы, уже оплаченные казной, сохранить городу на 14 лет льготы, дарованные матерью, да ещё на те же 14 лет выдать заём в громадном на то время размере – 250 000 рублей. Так апельсины – точнее, сообразительные одесситы – в первый раз спасли свой город. Третий памятник на этом небольшом участке нашего маршрута установлен в конце первого квартала Преображенской. Это бюст маршала Родиона Яковлевича Малиновского – министра обороны СССР с 1957-го по 1967-й год. Как и Нудельману, памятник ему установлен в соответствии с положением о государственных наградах:

дважды Героям Советского Союза и дважды Героям Социалистического Труда (а после того, как Герой Социалистического Труда Леонид Ильич Брежнев удостоился ещё и звания Героя Советского Союза – обладателям обоих этих званий сразу) устанавливались памятники на их родине.

Возвращаемся по Преображенской к ВУЗовским объектам. На секунду остановимся у здания Экономического университета, чтобы попытаться разглядеть напротив – на крыше дома № 5 – башенку с фонарём. Строго говоря – это «маяк одесский створный задний», а в роли переднего выступает «сам» Воронцовский маяк. Судно идёт по разрешённому фарватеру, когда зрительно сливаются огни маяка и этого створного знака. Если фарватер извилистый, его обозначают несколькими парами створных знаков, а в лоции пишут, по каким приметам переключаться с одной пары на другую. В частности, для Воронцовского маяка ещё одним задним створным знаком служит обелиск на могиле Неизвестного матроса, а ночью – прожектор у основания обелиска.

Мы же с вами тоже идём точно по фарватеру и первый причал – дом № 22 по Преображенской. На мемориальной табличке почти исчерпывающая информация. Она, правда, на украинском, пара слов требуют перевода со словарём. В переводе получается:

Тут жил и работал с 1896 по 1924 год Иосиф Андреевич Тимченко (1854–1924), изобретатель первого в мире киноаппарата для съёмки и демонстрации фильмов, на котором снял картины «Метатель копья» и «Скачущие кавалеристы» (1893 г).

Дом, перед которым мы стоим, – не только жилой дом изобретателя киноаппарата, но и мастерские Новороссийского университета. Причём построены они на ссуду в 15 000 рублей, выданную Иосифу Андреевичу с его обязательством пожизненной работы на Новороссийский университет. Об этом выдающемся механике и изобретателе уже написано довольно много. Но приятно отметить: первую его художественную биографию – «Стук выходящего» – выпустил тесть Владимира сценарист и писатель Юрий Иосифович Чернявский.

Две интересных подробности. Ключевую деталь киноаппарата – скачковый механизм или улитку – Тимченко изобрёл совместно с Михаилом Филипповичем Фрейденбергом. Михаил Филиппович был

женат на Анне Иосифовне Пастернак. Её брат преподавал в художественном училище, а его сын стал всемирно известным поэтом. Подробностей вторая – первые в истории фильмы сняты на Одесском ипподроме в 1893-м году. На том же ипподроме летчик Михаил Никифорович Ефимов 31-го марта 1910-го года совершил первый в России полёт на самолете.

Интересно, что этот полёт наблюдала сотня тысяч человек. А вот первые в истории кинокартины в январе 1894-го года наблюдали только делегаты девятого съезда русских естествоиспытателей и врачей. Похоже, изобретение их не впечатлило. Ничего удивительного. Когда спустя почти два года – 25-го декабря 1895-го года – в индийском салоне «Гран-кафе» на бульваре Капуцинок в Париже братья Люмьер показали свои первые картины «Выход рабочих с фабрики братьев Люмьер» и «Вольтижировка» (их тоже привлекали всадники), то никто не знал, какое эпохальное событие произошло. Когда вскоре Жорж Мельес – фактический основоположник режиссёрского кино – захотел купить у Люмьер их камеру-проектор, братья отказали. Они считали, что через полгода интерес к их изобретению пройдёт, и хотели оставаться монополистами в течение этого непродолжительного периода жизни кино (тут в электронной почте либо в SMS-переписке принято ставить смайлик).

Во дворе дома нас ждёт ещё один объект экскурсии – кафедра органической химии Одесского Национального университета. Дело в том, что на этой кафедре работал человек, чьё мировоззрение диаметрально противоположно мировоззрению братьев Люмьер. Они хотели сохранить монополию на кино, он даже не стал патентовать своё изобретение, спасшее жизнь сотням тысяч людей. Изобретение это – угольный противогаз^[46], год изобретения – 1915-й, а создатель – Николай Дмитриевич Зелинский. Право на производство нового защитного средства Россия тут же передала союзникам.

Заметим: знаменитую русскую щедрость зачастую считают безрассудной и даже разорительной.

Между тем она родилась в суровых условиях формирования русской цивилизации. Плотность населения России на всём протяжении нашей истории в несколько раз меньше, чем у сопредельных держав. Соответственно и ценность каждого человека, и

ценность тесных дружелюбных отношений для нас несравненно выше, чем, например, для немцев или китайцев. Нет возможности ни отказать другому в том, что ему жизненно необходимо, ни дождаться от него ответного благодеяния – куда проще помогать бескорыстно и надеяться на аналогичную помощь от других, когда она понадобится. Но эта щедрость оказалась выгодна не только отдельным людям, но и всей стране. Многие земли и народы вошли в состав России добровольно из вполне корыстных соображений: налоги оказывались ниже, чем в составе прежних государств. Чем больше страна, тем меньшая доля её доходов тратится на оборону, управление и другие общегосударственные нужды. Вдобавок российская власть сознательно предоставляла новым своим подданным льготы по сравнению с уже имеющимися: это в любом случае выходило куда дешевле, чем готовность к обороне от них. Выходит, щедрость – вполне рациональный расчёт, просто очень долгосрочный и стратегический.

Старший из авторов ещё в начале 2014-го опубликовал статью «Наша сила – в том, что нас мало», где показал: все отличия русской цивилизации от европейской порождены сравнительно малой плотностью нашего населения – и как раз эти отличия привели к тому, что по критериям успеха сформулированным в рамках европейской цивилизации, русская цивилизация очевидно и существенно превзошла европейскую. Применительно же к русской щедрости следует вспомнить одного из ярчайших европейских философов, оставшегося малоизвестным как раз потому, что он слишком далеко отошёл от уже сложившихся европейских цивилизационных шаблонов. Джон Стьюарт Джэймсович Милл ещё в середине XIX века пришёл к выводу: человек, способный предвидеть сколь угодно отдалённые последствия своих действий, ради собственных долгосрочных интересов будет действовать вполне альтруистично, и только наша недалёковидность толкает нас на эгоистичные действия (у нас эту теорию разумного эгоизма проповедовал Николай Гаврилович Чернышевский). Пример России, веками прираставшей, помимо прочего, благодаря щедрости (и не раз временно распадавшейся, когда в центральной её части распространялась идея «ни к чему кормить окраины»), доказывает: даже не предвидя последствий, всё равно выгоднее поступать без оглядки на свою жадность.

Вернёмся к академику Зелинскому. В Одессе он окончил Новороссийский университет, защитил в 28 лет магистерскую, а в 30 – уже докторскую диссертацию, и написал около 40 научных работ. Но подлинный расцвет его деятельности пришёлся на Москву. Николай Дмитриевич прожил большую творческую жизнь: только профессором МГУ он был 60 лет, основал институт органической химии АН СССР, удостоен звания Героя Социалистического труда, получил три Сталинские и одну Ленинскую премии, четыре ордена Ленина. Область научных интересов академика Зелинского чрезвычайно широка (что характерно для научных работников, сформировавшихся ещё в XIX веке). Но основная его научная деятельность связана с нефтехимией. Фактически он и был одним из основателей нефтехимии и органического катализа. Его работы имели громадное прикладное значение. В частности, на них основана технология каталитического риформинга – преобразования молекул углеводородов, входящих в состав нефти, в более ценные углеводороды. Среди его учеников – шесть академиков и семь членов-корреспондентов Академии наук СССР. Вот какой крупный деятель науки и техники трудился в этом уютном одесском дворике.

11. Старая-старая Библиотека

И ещё один объект Одессы ВУЗовской тут же: здание библиотеки университета. Мы уже рассказывали о научной библиотеке имени Горького, но библиотека университета не менее значима. Во-первых, она ещё старше, поскольку ведёт свою родословную от библиотеки Ришельевского лицея. Начало библиотеке положил, что логично, генерал-губернатор Новороссийского края герцог Ришельё. На его 15 000 франков закуплены первые книги для библиотеки. Во-вторых, именные коллекции, переданные в библиотеку университета, не менее значимы, чем книги, переданные в публичную библиотеку – будущую Горьковку. Первая по времени – коллекция известного слависта профессора Виктора Ивановича Григоровича: 889 томов, включая второе издание «Лексикона» Павла (в монашестве – Памво) Берынды (1653), книги Петровской эпохи, редкие словари и грамматики. Последняя (пока) – фонд ректора ОНУ в 1995–2010-м годах Валентина Андреевича Смынтыны.

Наиболее значительная именная коллекция – книги рода Воронцовых, переданные библиотеке в конце XIX века согласно воле сына великого Михаила Семёновича Воронцова – Семёна Михайловича (он, кстати, был городским головой Одессы в 1863–1867-м годах). Книжное собрание Воронцовых включает около 14 000 названий книг и периодических изданий в 52 800 томах, напечатанных более чем на 20 языках. Представители рода Воронцовых успешно служили на дипломатическом поприще и во время пребывания за границей приобретали как раритетные издания, так и книги, только что появившиеся на европейском книжном рынке. В результате такой неустанной деятельности на протяжении около 100 лет собрана библиотека с большим количеством редких и ценных изданий. Среди книг именного фонда Воронцовых опубликованный в Бресте в 1563-м году перевод Библии на польский язык, энциклопедии, словари, мемуары, описания путешествий и экспедиций, изданные в XVII–XIX веках. Нельзя не упомянуть книги, брошюры, газеты и журналы эпохи Французской революции, в том числе контрреволюционные и эмигрантские издания. Чрезвычайно богатая коллекция европейской

периодики XVII–XIX веков (свыше 500 названий) содержит уникальные издания.

За своё почти 200-летнее существование библиотека университета пережила множество реорганизаций. Особенно – в бурное послереволюционное время. Дело в том, что в сентябре 1920-го года под руководством упомянутого уже Евгения Николаевича Щепкина началась реформа высшего образования в Одессе. В частности, университет разделён на физико-математический институт, выше описанную медицинскую академию, а также гуманитарно-общественный институт и институт народного образования. В связи с фактическим расформированием университета библиотека подверглась реорганизации. В 1920-м году это «Главная библиотека высшей школы», с 1923-го по 1930-й год – «Центральная научная библиотека г. Одессы». В 1930-м её административно сливают с Одесской публичной библиотекой. Симбиоз называют «Одесская государственная научная библиотека». Наконец, в 1933-м году университет возобновляет работу и библиотека входит в его структуру. С 1976-го года библиотека университета – городской методический центр ВУЗовских библиотек, с 1987-го находится в статусе Зональной научной библиотеки – осуществляет методическое руководство 37 библиотеками ВУЗов юга Украины.

Чуть-чуть статистики: в библиотеке 4 миллиона единиц хранения, включая 17 именных коллекций, 12 специализированных залов, чьими услугами пользуются ежегодно 55 тысяч читателей. И немного о сокровищах: библиотека обладает экземплярами книг, изданными буквально на заре книгопечатанья в Нюрнберге, Падуе и Венеции. Старейшая в библиотеке книга – инкунабула^[47] по геральдике Иоанна Андреа «Трактат о корнях», изданная в Нюрнберге в 1476-м году. Замечательна также «Всемирная хроника» Гартмана Шеделя, изданная в том же Нюрнберге в 1493-м – за три века до основания Одессы – и украшенная 2000 гравюр. Среди шедевров отечественного книгопечатания – «Острожская Библия» Ивана Фёдорова, изданная в 1581-м году. Это – первое завершённое издание книг Старого и Нового Завета на церковнославянском языке. Напомним: на «Острожской Библии» клянётся Президент Украины во время инаугурации.

И собственно о здании. Вначале оно было двухэтажным и принадлежало купцу Вагнеру. В нём была гостиница «Европейская».

Потом Вагнер обменял это здание на здание Ришельевского лицея на Дерибасовской (как видите, ректоры Политеха и Нархоза не были пионерами в вопросе обмена зданиями). Поэтому «трёхдворовое» здание, выходящее на Дерибасовскую, Екатерининскую и Ланжероновскую, называется до сих пор «домом Вагнера». «Гостиничная» структура здания помогла новообразовавшемуся Новороссийскому университету предоставить в нём квартиры профессуре. В 1902-м году специально для университетского музея архитектор Бернардацци (мы уже его упоминали у здания Русского технического общества) достроил третий этаж. Потом в здании разместился исторический факультет, теперь находится библиотека. Строительство третьего этажа, как и наличие миллионов книг, журналов и газет, не прошло бесследно: несколько лет назад здание начало разрушаться. По счастью, дом по Преображенской, 24 взяли в металлические оковы, и здание продолжает радовать нас своей монументальной красотой, гармонирующей с его историей и назначением.

Как мы уже упоминали, Преображенская – граница двух прямоугольных сеток улиц, сопряжённых под углом в 45 градусов. В результате квартал напротив дома Тимченко и здания библиотеки в плане трапециевидный. Причём три стороны трапеции занимают здания родного для нас Холодильного института. Поэтому мы возвращаемся на угол Елисаветинской и Преображенской и начинаем рассказ об этом ВУЗе.

12. Неугомонный Холодильный

Прежде всего остановимся у здания, построенного – вновь заимствуем шутку у Ильфа и Петрова – в «ассирийско-вавилонском стиле».

Перед нами же здание «ванно-душевого» или – строго «курортологически» – гидропатического заведения Льва Моисеевича Шорштейна. Построено в 1876-м году по проекту архитектора Василия Фёдоровича Мааса. В 1894-м году перестраивается для водолечебницы Инбера архитектором Бернардацци. Водолечебница предназначалась для реабилитации больных с болезнями внутренних органов и нервных больных. В 1918-м году в подвале здания размещалось арт-кафе «ХЛАМ» («художники, литераторы, артисты, музыканты»), где программы для театра революционной сатиры «Теревсат» создавали Илья Ильф, Эдуард Багрицкий (Давид Годелевич Дзюбан), Юрий Карлович Олеша, Владимир Николаевич Сосюра, Осип Бенъяминович Шор.

Последнее имя, увы, нуждается в комментариях. Если очень коротко: Осип Шор – прототип Остапа Бендера. Учился в гимназии Илиади (Бендер вспоминает выученные им в этой гимназии неправильные латинские глаголы), именовался там Остапом, мечтал уехать в Аргентину, носил светлую одежду, шарф и капитанскую фуражку – довольно необычно даже для Одессы начала XX века. В голодные годы в Одессе Шор выдавал себя за художника, гроссмейстера, женился на толстушке и перезимовал у неё. Сам был красавец ростом 1 м 90 см (в те времена – на голову выше большинства), прекрасно играл в футбол – знаменитый Уточкин предсказывал ему большое спортивное будущее. Работал в Одесском уголовном розыске, потом уехал в Москву. Его похождения были известны Валентину Катаеву – автору идеи «Двенадцати стульев». Так родился Остап Бендер. Сам Шор после бурной юности работал снабженцем на Челябинском тракторном заводе, в 1937-м году подрался с сотрудниками НКВД, пришедшими арестовать директора – поступок, возможно, не глупый, так как получил он «всего» 5 лет, а при его характере было множество способов огрести куда больше

неприятностей (и не только в печально памятные 17 месяцев Большого Террора). После войны Шор был проводником на железной дороге. Умер в почтенные 79 лет. А его литературный двойник – молодой и красивый – продолжает жить в тысячах переизданий и экранизаций.

В годы нашей учёбы в Холодильном никто не вспоминал «ХЛАМ». В здании были кафедры материаловедения и теплообмена, причём на стенах учебных лабораторий оставалась плитка с «гидропатических» времён. Интересно и то, что верхняя полукруглая часть красивых окон бельэтажа освещает низ второго этажа. Не очень удобно, зато здание снаружи смотрится изысканно, хотя и утратило мавританские башенки на крыше.

Вспоминая о нашей учёбе, мы забежали в 1970-е годы. А начался наш Холодильный в 1922-м году со скромного высшего техникума общей и прикладной химии. Строго говоря, сам этот техникум образовался слиянием части Института прикладной химии, созданного профессором Евгением Самойловичем Бурксером на базе созданной им же в Одессе ПЕРВОЙ в России Радиологической лаборатории (1910-й год), о чём мы уже упоминали, и химического факультета Политехнического института. Это как с народами, населявшими Древнюю Грецию: только назовёшь кого-то представителем коренного народа и древним греком, как выясняется, что есть грек ещё кореннее и древнее (не зря историки говорят: коренным населением называются предпоследние завоеватели).

Чтобы не тянуть эту нить Ариадны до бесконечности, постановили: техникум общей и прикладной химии и есть то учебное заведение, с которого отсчитывают историю нашего Холодильного – тем более, что в 1922-м году техникумы относили к высшим учебным заведениям. В 1929-м году техникум реорганизован в Одесский химический институт. Это первая из 10 (!) реорганизаций ВУЗа за 83 года. Вероятно, беспокойная натура Бендера-Шора повлияла на судьбу института: он переехал из здания Технического общества (Новосельского, № 4) на Дворянскую, № 1/3, где и была частная гимназия Илиади – в ней, напомним, учился и реальный, и литературный Великий Комбинатор. А в пушкинские времена на этом месте находился особняк сербского купца Ивана Ризнича, в чью жену Александр наш Сергеевич был влюблён. Так что «живость характера»,

выражаясь языком Ильфа и Петрова, была присуща минимум двум известным персонажам, посещавшим это место с разрывом в 100 лет.

В январе 1930-го года происходит достаточно логичное объединение химического института и Одесского химико-фармацевтического института. Но – «Время, вперёд!», как писал Валентин Катаев. Уже 20-го марта того же года одесские «Вечерние Известия» анонсируют: «Химический институт превращается в пищевой и передаётся в ведение наркомторга. Факультет основной химии объединяется с рубежанским химическим институтом (Донбасс). Кожевенный факультет переводится в Киев». Так, достаточно необычно, из недр химического института Одесса добыла столь нужный ей институт пищевой промышленности. Правда, пришлось присоединять пищевой факультет Каменец-Подольского химического института. Официальная дата рождения пищевого института – 12-е июня 1930-го года.

«Но это ещё не всё», – как говорил Мюнхгаузен в знаменитом фильме. Уже на следующий год институт реорганизуется во Всесоюзный механико-технологический институт консервной промышленности с факультетами: химическим, технологическим, механическим и инженерно-экономическим. Для этого – с переселением студентов и преподавателей (!) – в институт передают технологические и консервные факультеты Краснодарского пищевого, Херсонского рыбного, Мичуринского сельскохозяйственного, Московского Плехановского и других институтов. Как видно, наш родной институт был пионером в организации подготовки узкоспециализированных экономистов; теперь аналогичная подготовка проходит практически в каждом ВУЗе.

Именно для этого Всесоюзного института на месте здания Благородного собрания (оно же здание гимназии Илиади) и напротив главного корпуса Университета в 1935–1938-м годах архитекторы Адольф Борисович Минкус и Л. М. Маркевич (увы, полное имя и фамилию этой дамы не нашёл даже всеведущий Гугл) возводят монументальное инженерно-лабораторное здание. Самое большое по кубатуре здание, построенное в довоенной Одессе, и сейчас впечатляет объёмом, строгостью форм и классическими советскими скульптурами – механика с молотком, рыбака с сетью, полевода со снопом и овощевода со свеклой – на уровне последнего этажа. Как

тонко заметил профессор нашего института и прекрасный писатель Александр Викторович Дорошенко: «Фасады обоих зданий «пригнаны» друг к другу, университетское имеет выступ, а наш институт соответствующую выемку, так что если они станут дрейфовать друг к другу, то линии их совпадут, как берега Атлантического океана». Нам было, кстати, вполне комфортно учиться в этом могучем здании – широкие коридоры и лестницы, высокие и светлые аудитории, представительный актовый зал, занимающий два этажа, и кафе рядом с ним.

В 1939-м году институт переименован в Одесский технологический институт консервной промышленности, с этим именем он эвакуируется и возвращается в родную Одессу в 1944-м. В 1949-м году очередное переименование, связанное с организацией холодильного факультета: Одесский технологический институт пищевой и холодильной промышленности.

В 1969-м году новая реорганизация: механический и технологический факультеты института переведены в Одесский технологический институт им. Михаила Васильевича Ломоносова, а наш беспокойный ВУЗ переименован в Одесский технологический институт холодильной промышленности или ОТИХП. Соответственно, мы его расшифровывали как Общество Тунеядцев, Ищущих где Хорошо Покушать. Распределения инженеров на различные предприятия пищевой и мясо-молочной промышленности обосновывали эту аббревиатуру.

Наш родной теплофизический факультет родился, кстати сказать, в институте имени Ломоносова, но в 1969-м, в рамках той же реорганизации, разделён: атомщики пошли в Политех, а «чистые» теплофизики – в Холодильный институт. Анатолий поступал в ВУЗ как раз в 1969-м: не добрав полбалла на экзаменах на мехмат МГУ, по предложению отца решил изучить теплофизику (и по сей день не жалеет об этом, хотя после института теплофизикой не занимался: разностороннее и хорошо систематизированное образование позволило потом легко осваивать новые специальности). Но сдавать экзамены надо было ещё по старому месту расположения теплофизического факультета – в Ломоносовском, только что получившем название Одесский технологический институт пищевой промышленности, в нескольких километрах от дома. Учебная

программа первого курса большинства технических специальностей в те годы почти не отличалась. Чтобы не рисковать опозданиями на экзамены, Анатолий поступил на факультет холодильных машин и после первого курса перевёлся на теплофизический.

В итоге в 1970-е годы институт имел логичную структуру: факультеты холодильных машин, холодильной техники, глубокого холода и криогенной техники, теплофизический и (с 1975-го) – кондиционирования воздуха. Казалось, что знаменитая игра по побуквенной переделке слов (наиболее известный и, кстати, «пищевой» пример – положить рака в суп: «рак – рад – сад – суд – суп») пришла к своему логическому финалу: из химического техникума за шесть итераций получили институт холодильной промышленности.

Но последовал ещё более бурный период реконструкций и преобразований. В 1985-м году факультет холодильных машин становится факультетом автоматизации и робототехники в холодильном машиностроении. Избыток теплофизиков в СССР вынуждает в 1988-м году начать на нашем факультете подготовку специалистов по специальностям: «Энергетика теплотехнологии» и «Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов». Далее в 1989-м очередное переименование – теперь это Одесский институт низкотемпературной техники и энергетики. Данное название записано в дипломе кандидата технических наук Владимира Александровича Вассермана. Диплом выдан ВАК СССР 15-го октября 1991-го года, 8-го декабря того же года СССР прекратил существование. Любую причинно-следственную связь отвергаем.

Новые преобразования в судьбе ВУЗа происходят уже в годы независимости Украины. После очередной аттестации в 1994-м году институт реорганизован в Одесскую государственную академию холода. Приказами Министерства образования Украины в 1997-м году в состав академии включён Одесский техникум промышленной автоматики, а в 2003-м году – Одесский техникум газовой и нефтяной промышленности. Но и на этом реорганизации не закончились. Юбилейная десятая реорганизация произошла 31-го мая 2012-го года: академия присоединена к Одесской национальной академии пищевых технологий (ОНАПТ – так теперь именуется то, что во времена нашей

учёбы было Одесским технологическим институтом пищевой промышленности) и переименована в институт холода, криотехнологий и экоэнергетики имени Владимира Сергеевича Мартыновского.

Институт назван именем Мартыновского не случайно. Владимир Сергеевич руководил ВУЗом с 1949-го года до своей смерти в 1973-м. Именно под его руководством институт сконцентрировался на подготовке специалистов по холодильной технике, глубокому холоду и теплофизике.

Сам Владимир Сергеевич – научный работник и организатор науки и высшего образования мирового масштаба: в 1957–1958-м годах по программе ЮНЕСКО он руководил коллективом советских и зарубежных специалистов по созданию в Индии Бомбейского технологического института, в 1960–1964-м работал в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже заместителем директора департамента образования и прикладных наук, где занимался организацией вузов в развивающихся странах. Он разработал международные рекомендации по техническому образованию, одобренные Генеральной конференцией ЮНЕСКО. Тогда же в Париже знаменитая художница Зинаида Евгеньевна Серебрякова (в девичестве – Лансере: среди её предков архитекторы, скульпторы, художники) написала его портрет.

За сравнительно недолгую шестидесятилетнюю жизнь Владимир Сергеевич издал 9 монографий и учебников, опубликовал более 150 научных статей, получил 25 авторских свидетельств на изобретения. Под его руководством выполнили и защитили только кандидатские диссертации около 30 человек. Мемориальная доска с портретом учёного украшает центральное здание ВУЗа.

Если идти вдоль третьей стороны трапеции по Пастера – то есть вдоль третьего и четвёртого зданий, а затем пересечь Городской сад, то выходишь на Греческую площадь. Мы её помним как площадь Мартыновского. Но не потому, что в Одессе был культ личности Владимира Сергеевича: площадь была названа в честь его отца Сергея Ивановича – революционера-народовольца, проведшего на каторгах и в ссылках 24 года.

Был у Владимира Сергеевича не только выдающийся отец, но и знаменитый брат – Александр. Он известен по литературному

псевдониму – Тарас Костров. Помните стихотворение Маяковского «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви»?

*Простите
меня,
товарищ Костров,
с присущей
душевной ширью,
что часть
на Париж отпущенных строк
на лирику
я
растранжирю.*

И знаменитое:

*Любить –
это значит:
в глубь двора
вбежать
и до ночи грачей,
блестя топором,
рубить дрова,
силой
своей
играючи.
Любить –
это с простынь,
бессонницей рваных,
срыватьсь,
ревнуя к Копернику,
его,
а не мужа Марьи Ивановны,
считая
своим*

соперником.

Тарас Костров был первым главным редактором «Комсомольской правды», дружил с Маяковским, помогал Николаю Островскому. Умер он в 29 лет в 1930-м году от туберкулёза. Младший брат пережил его на 43 года – и прожил жизнь, достойную своего отца и брата.

В институте, вверенном брату Тараса Кострова, мы оба учились на теплофизическом факультете (старший – по вышеописанной бытовой причине – ещё и на факультете холодильных машин, но только на первом курсе, где учебная программа была в те времена практически идентична для всего ВУЗа). Полагаем, с выбранной специальностью нам очень повезло. Теплофизика – комплексная дисциплина, пребывающая на стыке множества разных наук и ремёсел. Чтобы приемлемо в ней ориентироваться, мало изучить их все – надо ещё и научиться воспринимать их как единое целое, находить в одной науке ответы на вопросы, возникшие вроде бы в другой. Теплофизик, обученный в те времена, располагал к концу ВУЗа целостной картиной мира, позволяющей ориентироваться едва ли не во всех естественных (да и в некоторых общественных) науках. Не зря у нас говорили: после теплофака можно заниматься чем угодно – конечно, кроме теплофизики. И это не шутка. Рабочих мест по этой узкой специальности всегда меньше, чем может подготовить факультет (у нас было примерно полсотни человек на курсе – меньше чисто технически нельзя обучать, чтобы сохранить нужное разнообразие преподавателей), зато после освоения всего преподаваемого на теплофизическом факультете действительно можно быстро освоить едва ли не любую новую специальность. Что и подтверждается нашим собственным послеВУЗовским опытом.

Анатолий, как известно из его многочисленных интервью, после окончания ВУЗа работал программистом, причём 15 лет – системным программистом. Владимир занимается исследованием свойств грузов, преимущественно – нефтепродуктов, перевозимых морским транспортом. Впрочем, одну из фундаментальнейших монографий в его нынешней сфере деятельности – «Мазут как топливо» – написал заведующий кафедрой инженерной теплофизики ОТИХП профессор Зиновий Исаевич Геллер, когда ещё работал в Грозненском нефтяном

институте. Так что, перефразируя классика, можем сказать «Широко простирает теплофизика руки свои в дела человеческие». Интересно также, что научная книга со сложными оборотами (например, «... E и F – полные эллиптические интегралы первого и второго рода» – один из простейших) выпущена издательством «Недра» в 1965-м году тиражом 5000 экземпляров. Какой тираж у книги был бы сегодня?..

13. Мукомольный – технологический – пищевой

«Вливание» холодильного института в Одесскую национальную академию пищевых технологий (ОНАПТ) дает основание изменить «территориальный» принцип повествования и уже сейчас рассказать об этом ВУЗе, столь уместном для города, где любят и вкусно приготовить, и со вкусом поесть.

Строго говоря, мы могли рассказать об ОНАПТ ещё у здания училища Файга, ведь в 1924-м году в этом здании разместился техникум «Технологии зерна и муки» – одна из первых «реинкарнаций» Академии. Однако её официальная биография начинается в 1902-м году, когда – как обычно, ВПЕРВЫЕ в России – в Одессе открыта правительственная школа мукомолов (вообще мы уже можем переходить к аббревиатуре – «Впервые в России в Одессе» обозначать для экономии места как ВРО). Интересно, что открытие школы произошло благодаря специальному распоряжению министра финансов Сергея Юльевича Витте – выпускника Новороссийского университета. Более того, улица, на которой расположен и главный корпус университета, и главный корпус холодильного института, называлась с 21-го мая того же 1902-го и по 19-е июня 1909-го года улицей Витте^[48]. Также забавно, что информацию об открытии в Одессе школы мукомолов «Правительственный вестник» поместил в своём выпуске 25-го октября 1902-го года:

«Освященіе и открытіе въ Одессе первой въ Россіи школы мукомоловъ состоялось 20-го текущаго октября. Зданіе для школы сооружено Г. Э. Вейнштейномъ. Въ день открытія отправлены были телеграммы Министру Финансовъ Графу Витте С. Ю., Товарищу Министра Финансовъ В. И. Ковалевскому, управляющему учебнымъ отдѣломъ Министерства Финансовъ и председателю совета съезда мукомоловъ...»

Кто мог предсказать, что спустя ровно 15 лет – 25-го октября 1917-го года – в столице Российской империи будут совсем другие вести...

Председатель совета съезда мукомолов не pro forma среди адресатов. Дело в том, что ещё на первом съезде мукомолов в 1888-м году поднимался вопрос о профессиональной подготовке специалистов этого распространённого в России дела. Но только с появлением энергичного министра финансов и главного спонсора такое стало возможно. Точнее говоря, здание школы построено усилиями Григория Эммануиловича Вейнштейна ещё в 1894-м году – и целых 8 лет ушло на поиски источника финансирования её деятельности.

Одессу выбрали для этого учебного заведения не случайно. Через одесский порт шёл основной поток экспорта зерна и зерновой продукции Российской империи. Второй фактор – развитие пищевой промышленности: к концу XIX века на неё приходилось 32 % всех фабрик и заводов Одессы и 66 % продукции в стоимостном выражении. Не случайно и то, что Вейнштейн занимался строительством школы и возглавил её попечительский совет. Он был не только председателем химического отдела Русского технического общества и Одесского биржевого комитета, но и заместителем председателя совета съездов мукомолов, поскольку владел крупнейшим одесским мукомольным предприятием. Кстати, здание мельницы Вейнштейна (его построил не раз уже упомянутый нами архитектор Бернардацци), больше напоминающее замок, до сих пор – в целостности и сохран-

ности – находится на территории комбината хлебопродуктов (вооружившись биноклем, мы могли бы рассмотреть его в самом начале экскурсии – с места выхода переулка Короленко на бульвар Жванецкого). А рядом на улице Черноморского Казачества расположено и здание, где размещалась школа мукомолов. Развитие своего детища Григорий Эммануилович наблюдал из Парижа, куда эмигрировал в 1919-м году и где руководил предприятиями Ротшильдов.

А развитие школы шло очень энергично. В мае 1909-го школа преобразована в училище с увеличением продолжительности обучения с трёх до четырёх лет, 22-го июня^[49] 1922-года училище преобразовано в техникум технологии зерна и муки. Вероятно, во избежание случайного созвучия в названии («техникум технологии...»), в 1928-м году техникум преобразован в Одесский политехникум технологии зерна и муки с тремя факультетами:

механическим, технологическим и хлебопекарным. Уже на следующий год техникум реорганизуется в институт с тем же названием, и ему присваивается имя Иосифа Виссарионовича Сталина (Джугашвили). В институте уже пять факультетов: к имеющимся трём прибавляются комбикормовый и (неожиданно для того времени) инженерно-организаторский. Вероятно, это был аналог множества факультетов МВА, появившихся за последние 15 лет в наших ВУЗах. Правда, сейчас Magister of Business Administration считается тот, кто может выжать из вверенных ему ресурсов наибольшую прибыль сегодня – даже если завтра, когда он, размахивая красивыми отчётами, сбежит на новое место, на остатках прежнего предприятия придётся поднимать траурное знамя банкротства. Да и вообще нынче эффективным менеджером именуют способного разломать цельное налаженное дело на кусочки достаточно малые, чтобы хоть один из них уместился в его голове. В советское – в том числе и наше – время организация производства была нацелена не на бухгалтерскую секундную прибыль, а на формирование длинных – и поэтому высокопроизводительных – благодаря разделению труда – технологических цепочек и согласование всех их звеньев, дабы каждое из них давало наибольший возможный в сложившихся условиях результат. Конечно, по шутке недавних времён, с бухгалтерской точки зрения доход даёт только отдел сбыта, а все остальные звенья производства убыточны. Потому и нужны для организации работы инженеры, а бухгалтеры должны лишь фиксировать результаты их успешных действий.

В 1931-м – году рождения нашего отца – создаётся, как сейчас модно выражаться, образовательный кластер – Одесский механико-технологический учебно-производственный комбинат, готовящий техникумов и инженеров для мукомольной, комбикормовой, крупяной промышленности и элеваторного хозяйства. Среди специальностей – технологи, механики, химики, электрики, теплотехники (зачаток будущих теплофизиков). В состав могучего комбината входили: институт с дневной, вечерней и заочной формами обучения; рабфак и техникум с дневной и вечерней формами обучения; подготовительные курсы; курсы повышения квалификации технических работников Главмуки, Главкрупы и Заготзерна наркомата заготовок СССР (не можем не перечислить эти замечательные советские сокращения в

названии Главных контор или «Главков»). К этому времени институт включает факультеты: комбикормовый, механический, теплотехнический, технологический, экономический, электротехнический.

В 1930-м году на улице Свердлова (ныне – снова – Канатной) начинают строить громадный комплекс, где расположена и современная академия. Строительство этого комплекса, включавшего учебный и лабораторный корпуса и общежитие на 800 человек, закончилось за год до Великой Отечественной войны.

За 1930–1940-й годы прошли ещё две реорганизации. В 1935-м году институт выделился из кластера, «потеряв» три факультета: тепло– и электротехнический, что до некоторой степени логично, и – почему-то – комбикормовый. В 1939-м году институт получает новое название – Одесский институт инженеров мукомольной промышленности и элеваторного хозяйства – и теряет ещё один факультет. Теперь в его составе только механический и технологический факультеты, но мощная учебно-производственная база, 17 кафедр, аспирантура и Совет по защите диссертаций. Срок обучения – классические советские 5 лет.

В годы Великой Отечественной войны институт продолжал подготовку специалистов в Ташкенте. Возвращение в родную Одессу омрачено не только гибелью на войне многих преподавателей, студентов и сотрудников, но и практически полным разрушением зданий института. Тем не менее, через 15 дней после освобождения города первые студенты, вернувшиеся из эвакуации, возобновили учёбу. Вот какими невероятными темпами восстанавливалась страна! Уже через год контингент студентов достигает 75 % довоенного. Ещё через год – в 1946-м – институт переходит из ведения Министерства заготовок СССР в «привычное» министерство высшего образования УССР. В 1950/1951-м учебном году снова открывается инженерно-экономический факультет и возобновляется приём в аспирантуру, в 1961-м институту присваивается имя Михаила Васильевича Ломоносова. В 1960-е годы институт непрерывно растёт и развивается, в нём появляется наш родной теплофизический факультет, а число студентов достигает к концу десятилетия 4000 человек.

Дальнейшие вехи в истории института:

- в 1970-м году переименован в Одесский технологический институт пищевой промышленности им. М. В. Ломоносова; как мы уже упоминали, к этому времени в него переведены все пищевые специальности из нашего холодильного института;
- в апреле 1994-го года реорганизован в Одесскую государственную академию пищевых технологий;
- в октябре 2002-го года указом президента Украины получает статус «Национального».

Этот ВУЗ – родственный нам не только потому, что наш родной институт «влился» в пищевую академию. В сентябре 1964-го года в нём защитил свою первую – кандидатскую – диссертацию наш отец. В его родном «Водном» институте в том году защищались три ученика видного учёного, основателя одесской теплофизической школы Якова Захаровича Казавчинского. Поэтому отец – тоже ученик профессора Казавчинского – защищал диссертацию в Ломоносовском институте, где к этому времени существовал теплофизический факультет и работала соответствующая кафедра.

Советы по защитах присуждают учёные степени в соответствии с кодами специальностей. Для отца возможность защиты в «Ломоносовском» определялась не только наличием там теплофизического факультета, но и тем, что совет по защите мог принимать работы по свойствам веществ.

Несколько сложнее – с работами, выполненными на «стыке» наук. Так, у Владимира работа получалась по специальностям 5.14.05 – теоретические основы теплотехники и 01.04.14 – теплофизика и молекулярная физика. Для защиты ввели в совет двух приглашённых специалистов по специальности 01.04.14 (одного, кстати, из Ломоносовского института) и так вышли из положения. По ритуалу присутствие приглашённых членов совета было обязательным, в то время как оппонент либо научный руководитель могли не присутствовать, оставив письменный отзыв. Кстати (или некстати), сейчас в Украине для кандидатских диссертаций разрешена только одна специальность.

Вообще, в защите диссертации – кандидатской и, особенно, докторской – очень много ритуального. Как и в других областях, ритуалы совершенствовались по мере того, как само действие

охватывало всё более широкий круг участников. До конца 1960-х годов, когда защиты диссертаций были нечасты, авторефераты печатались в типографии, научный руководитель гордо выносился на титульный лист, но не было информации об оппонентах. Более того, до 1960-го года не указывалось даже, где будет публичная защита диссертации, и не предлагалось направлять отзывы на неё в Совет по защите. Достаточно узкий круг посвящённых и так всё знал. Перелом происходит на 51-м году Советской власти: рефераты, начиная с 1968-го года, печатаются на ротапринте института, научный руководитель «уходит» с титульного листа на вторую страницу, но там же появляются сведения об оппонентах и о дате защиты, а также просьба об отзывах.

Эта просьба – простейший способ защиты от доказанной примерно в те же годы теоремы о вырождении кооптирующейся элиты. Не вдаваясь в мелкие технические подробности, изложим её простейшим возможным для нас образом. Пусть существует популяция – множество личностей, отличающихся значением какого-то интересующего нас показателя. Отберём из неё лучших по этому показателю – элиту – и предоставим им право самостоятельно избирать – кооптировать – из популяции новых членов взамен выбывших. При достаточно простых и естественных правилах избрания оказывается: довольно скоро элита оказывается по среднему значению этого показателя хуже остальной популяции, и по мере дальнейшего развития ухудшение нарастает.

Бороться с вырождением элиты можно, только препятствуя кооптации – выбирая пополнение на основе независимых внешних оценок. Простейший способ оценки – отзывы независимых экспертов, не включённых в элиту и не имеющих возможности в неё попасть (а потому не заинтересованных в подтасовке своих оценок). Но лучший критерий истины – практика. Надёжнейшая оценка и уже сформированной элиты, и кандидатов в неё – результаты их деятельности. В позднесоветское время разрушен (по многим утверждениям – целенаправленно) механизм производственного применения результатов научных исследований. Отсюда и возможность защиты диссертаций, безупречных по форме, но пустых по содержанию. В первые постсоветские годы производство по всей стране (в том числе и на Украине) стремительно разрушалось, и

практическое применение идей, защищаемых в формате диссертации, вовсе перестало интересовать даже самих учёных. Нынче значительную часть обладателей учёных степеней составляют те, чьи труды в лучшем случае сочинены зависимыми от них работоспособными деятелями, а в худшем просто написаны профессиональными сочинителями по готовым шаблонам. Даже добросовестность воспитанников старой – неразрывно связанной с производством – научной школы не может в полной мере противостоять давлению денег, желающих прикрыться красивыми научными титулами. Полагаем, до возрождения полноценного самостоятельного взаимосвязанного производства никакие – сколь угодно жёсткие – формальные критерии не смогут предотвратить вырождение научной элиты согласно теореме о кооптации.

Продолжая отвлекаться от экскурсии, заметим: изучение авторефератов даёт обильную пищу для размышлений. Заметны некоторые национальные особенности: так, на бакинском автореферате обозначено «бесплатно», чтобы предприимчивые друзья соискателя не начали авторефератом торговать. Рефераты институтов Академии наук СССР по оформлению максимально отличаются от авторефератов диссертаций других заведений. В Российской Федерации до сих пор, кроме оппонентов, у диссертанта должна быть и «ведущая организация» – фактически «коллективный оппонент», дающий свой отзыв. На Украине этого с недавних пор нет. Но, главное, если оценивать научную работу по автореферату, то уже после просмотра двух – трёх десятков решительно не понимаешь: почему живёшь не в самой прекрасной и передовой с точки зрения науки и техники стране. Ведь каждая диссертационная работа (мы говорим о технических науках) решила актуальную научно-техническую проблему, результаты работы внедрены со значительным экономическим эффектом, а соискатели докторской степени вообще все до единого открыли и разработали «новое научное направление» либо «решили важную народнохозяйственную задачу».

Короче говоря, кроме научной работы, соискатель должен проявить определённые организаторские и технические навыки (и даже некоторую предприимчивость), что до некоторой степени логично. Частично эту работу делает также научный руководитель. Поэтому получается: чем меньше вес научного руководителя в

академических кругах, тем – при прочих равных условиях – сильнее должна быть кандидатская диссертация^[50]. Всё это давало основания герою фильма «Прохиндиада» в прекрасном исполнении Александра Калягина говорить самому себе:

– Рассеянный профессор, рассеянный профессор... Рассеянный человек профессором не станет.

Исследования, проведенные отцом при подготовке кандидатской диссертации, легли в основу монографии А. А. Вассермана, Я. З. Казавчинского и В. А. Рабиновича «Теплофизические свойства воздуха и его компонентов», вышедшей в 1966-м году в издательстве «Наука». В 1968-м году в Издательстве стандартов вышла книга отца и В. А. Рабиновича «Теплофизические свойства жидкого воздуха и его компонентов». Эти монографии – одни из первых по данной тематике в мировой научной литературе, в течение многих лет они оставались главными источниками справочных данных для многих отраслей техники, в том числе для техники низких температур. Свидетелем этого в 1980-м году стал Владимир. Он проходил практику в отделе НИИ при заводе «Кислородмаш». В отделе конструировали воздухоразделительные установки, и монографии нашего отца были, без преувеличения, настольными книгами. Множительная техника была ещё не распространена, и таблицы из книги переписывали вручную. Также книги передавались по отделу, занимавшему большое помещение площадью метров 80, разгороженное чертёжными досками. Поэтому конструкторы громко перекрикивались:

– Дайте мне чёрного Вассермана!

– Кто забрал серого Вассермана?

Речь шла, естественно, о цветах обложки книг. Не скажем, что Владимиру это было неприятно.

Чтобы закончить «диссертационную» тему, расскажем: в 1980-м году уже в Москве в «Мекке» теплофизиков – Институте высоких температур Академии наук СССР – наш отец защитил докторскую диссертацию. Определённые ритуалы были и в этом случае.

Во-первых, при тайном голосовании по предшествующей диссертации соискателя неожиданно «завалили». Обычно совет по защитам просто не принимает работы, по которым возможен негативный исход. После случившегося «форс-мажора» тот же совет открытым голосованием не утвердил предыдущее собственное

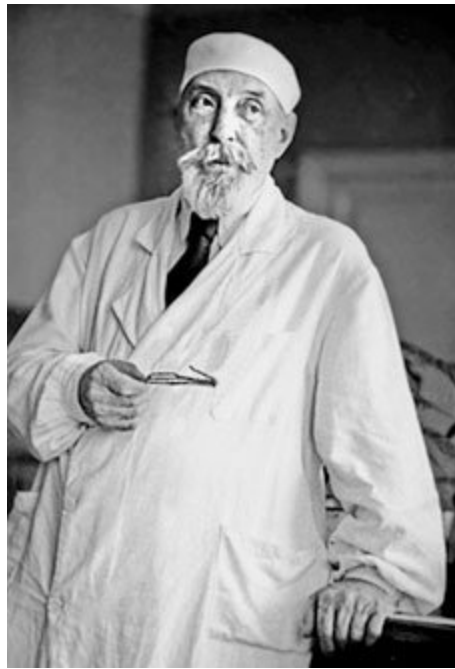
решение (есть, как мы понимаем, разница в результатах тайного и открытого голосования по одному и тому же вопросу). В результате заседание совета не было закрыто и считалось продолженным несколько месяцев, пока вопрос о диссертации не решился положительно. Поэтому приём к защите диссертации отца был отложен на это время.

Во-вторых, в это же время ушёл с поста председателя Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ) академик Владимир Алексеевич Кириллин. Вообще все теплофизики СССР ужасно гордились, что главный государственный научный пост занимает теплофизик. Академик Кириллин возглавлял ГКНТ с момента его организации в октябре 1965-го. В январе 1980-го он добровольно ушёл с этого поста (большая редкость в эпоху позднего Брежнева) и стал больше внимания уделять возглавляемому им же Совету по защите. Докторская диссертация отца называлась «Методы аналитического описания и расчёта теплофизических свойств газов и жидкостей с помощью ЭЦВМ и применение их для технически важных веществ» (молодому поколению напомним: ЭЦВМ – электронная цифровая вычислительная машина; так пышно называли тогда ещё непривычную технику, по мере распространения названную «компьютер», то есть «вычислитель»). Увидев слово «ЭЦВМ» в названии, Кириллин потребовал, чтобы в совет были приглашены два математика. Один из математиков – как условие своего прихода на защиту – потребовал доложить диссертацию на семинаре его кафедры прикладной математики в Московском энергетическом институте. И то, и другое было выполнено, и защита состоялась...

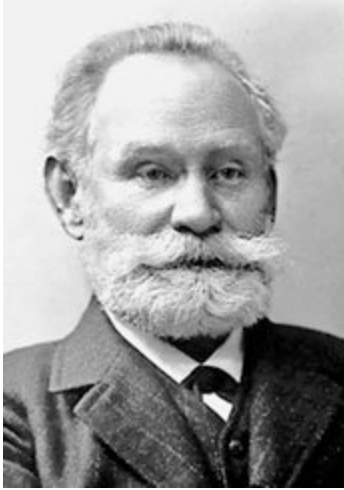
После таких сложных историй нужно немного отдохнуть. Для этого неспешно идём по улице Дворянской (она же Немецкая, Лютеранская, Витте, Петра Великого, Коминтерна, снова – Петра Великого, и снова – Дворянская) в сторону второго куста одесских ВУЗов. По дороге имеет смысл пообедать, т. к. следующая часть нашей экскурсии не менее насыщенная – и, мы надеемся, не менее увлекательная.

Ф.П. Де Волан

В. П. Филатов

И. П. Павлов

Диплом.

Одесская Государственная Медицинская Академия.

№ 8962.

Одесская Государственная Медицинская Академия настоящим свидетельствует, что Государственная Испытательная Медицинская Комиссия при Академии на основании произведенных испытаний по установленной программе на звание врача гражданину Мухомовичу Вассерману, родившемуся в м. Бунцах Вил. у. в 1894 году 17-го Августа определением своим в заседании от 30-го июня 1921 г. признала, что г-р Вассерман вполне удовлетворяет в обнаруженных им на испытании познаниях в медицинских науках для представления ему звания врача со всеми ему звание присвоенными правами, почему, заслушав такое определение Одесской Государственной Испытательной Медицинской Комиссии, Медицинская Академия г-р Вассермана в звании ВРАЧА утверждает, в удостоверение чего и выдается настоящий диплом.
2-го июля 1921 года.

Ректор Медицинской Академии
профессор Гинзбург

Проректор профессор Гинзбург

Председатель Государственной
Испытательной Медицинской
Комиссии профессор Вассерман

Ученый секретарь Академии
профессор Бай

Секретарь Испытательной
Комиссии профессор Ворожнич

Политический Комиссар Медицинской Академии Костюк

Диплом Вассермана

Диплом.

Одесская Государственная Медицинская Академия.

Одесская Государственная Медицинская Академия настоящим свидетельствует, что Государственная Испытательная Медицинская Комиссия при Академии на основании произведенных испытаний по установленной программе на звание врача гражданину Ливе Лаймовне Кизер-Вассерман, родившемуся в г. Мираполе, Гел. губ. в 1893 году 9-го августа определенном своим в заседании от 30-го июня 1921 г. признала, что г. Кизер-Вассерман вполне удовлетворяет в обнаруженных им на испытаниях познаниях в медицинских науках для представления ему звания врача ~~за всеми~~ ^{сему} званию присвоенными правами, почему, заслушав таковое определение Одесской Государственной Испытательной Медицинской Комиссии, Медицинская Академия с г. Кизер-Вассерман в звании ВРАЧА утверждает, в удостоверение чего и выдается настоящий диплом.

2-го июня 1921 года.

№ 9005

Ректор Медицинской Академии
профессор *Григорьев*

Проректор профессор *Минин*

Ученый секретарь Академии
профессор *Бал*

Председатель Государственной
Испытательной Медицинской
Комиссии профессор *Криштоф*

Секретарь Испытательной
Комиссии профессор *В. Воронин*

Политический Комиссар Медицинской Академии *Костюков*

Диплом Кизер-Вассермана

Д. К. Заболотный

М. М. Толстой мл.

Я. Ю. Бардах

Ж. Ф. Тома Де Томон

Н. Ф. Гамалея

Г. Г. Маразли

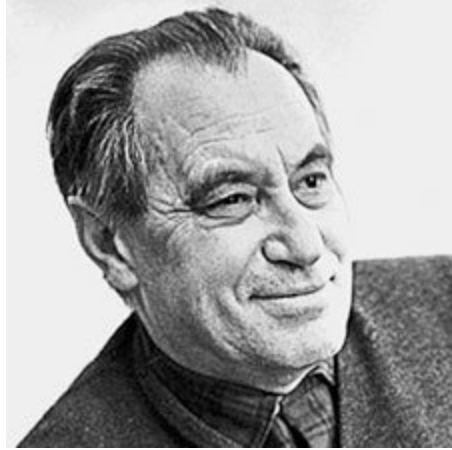

А. С. Попов

П. В. Катаев с сыновьями Валентином и Евгением

В. П. Катаев

А. О. Бернардацци

Наши бабушка и дедушка А. Д. Баум (Ошерович) и И. В. Баум

И.Е. Тамм

М.Г. Крейн

С. П. Королев

Е. П. Петров

Д. И. Менделеев

Е. Н. Щепкин

Фридрих Вольф

В. А. Преснов

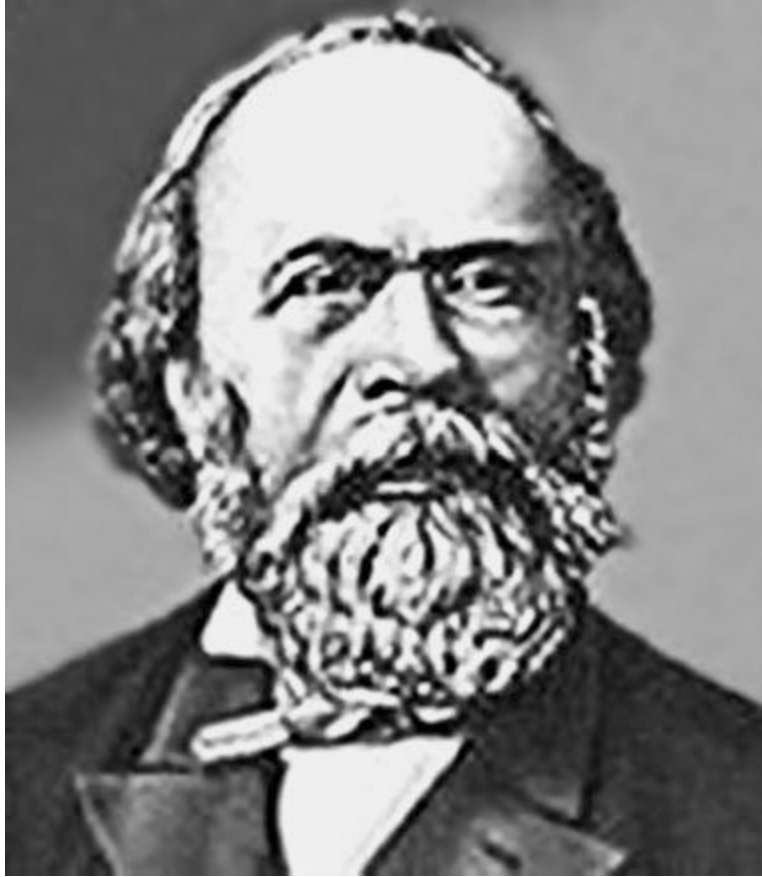

Адам Мицкевич

В. И. Липский

Л. С. Ценковский

В. А. Хавкин

Г. А. Гамов

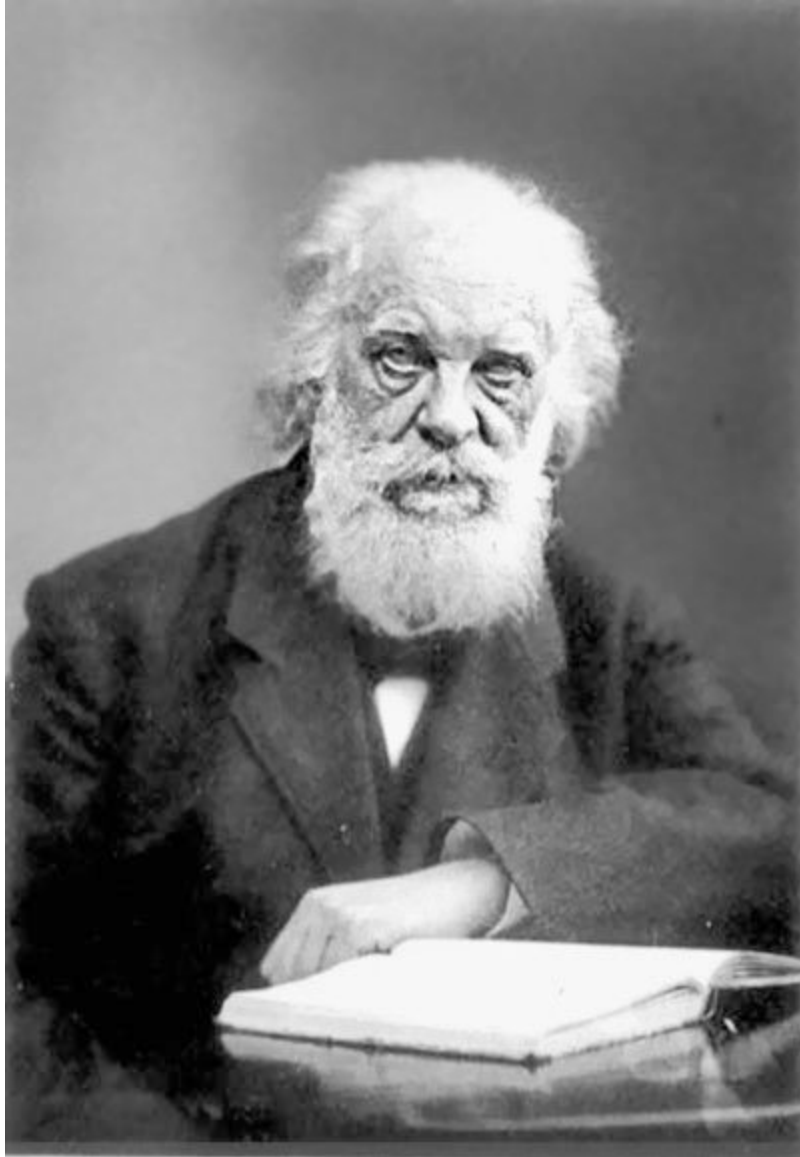
Е. С. Бурксер

Ф. Н. Шведов

А.В. Богатский

Н.А. УМОВ

Л. П. Симиренко

М. Б. Греков

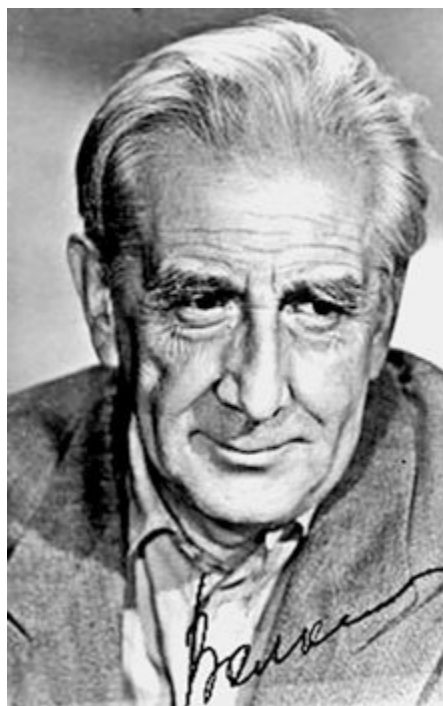
Л. Г. Авербух

А. Н. Фрумкин

И. Э. Бабель, 1908

Н. Н. Волков ст.

Н. Н. Волков мл.

А.А. Нилус

Я. И. Осипов

Б. С. Житков

В. Е. Жаботинский

Наш дедушка И. В. Баум -фото с диплома

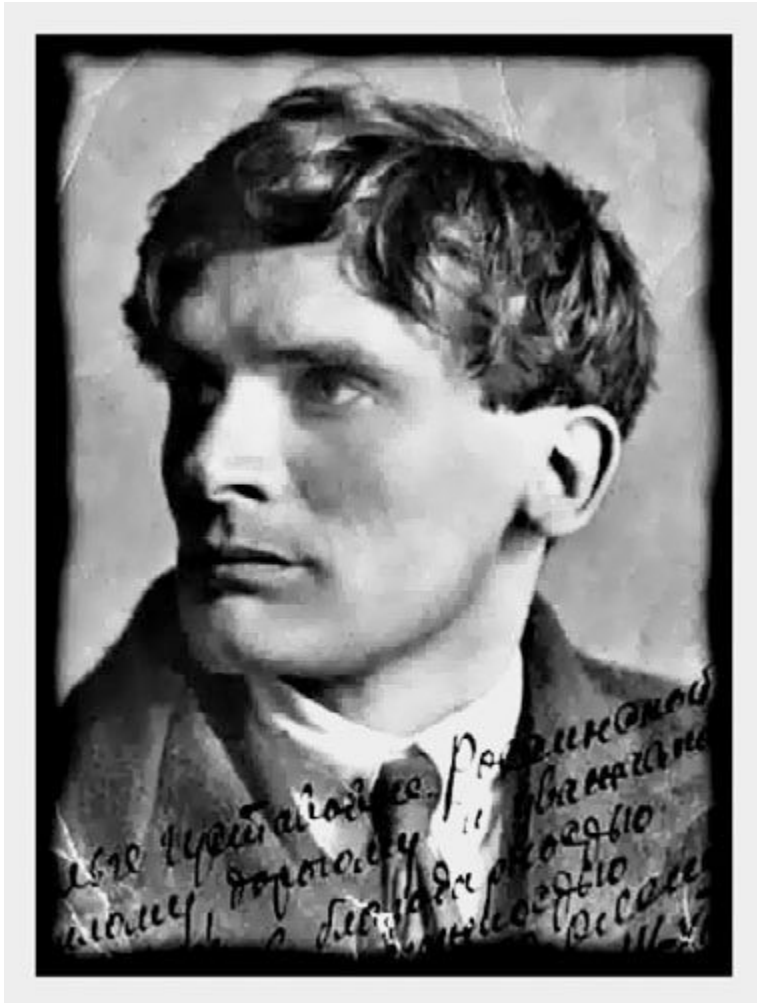
Я. В. Зильберберг

М. Ф. Фрейденберг

И. А. Тимченко

Ю. П. Олеша

О. В. Шоп

Информация об С. И. Мартыновском в тюрьме

С. И. Мартыновский

В. С. Мартыновский

А. С. Мартыновский (Тарас Костров)

Р. М. Волков

С. Ю. Витте

Профессор Я. З. Казавчинский

Ф. А. Кoble

В. О. Малишевский

В.Г. Бакаев

Т. Д. Рихтер

М. А. Романова

С. Т. Рихтер

Л. Д. Троцкий

К. Ф. Данькевич

Н.А. Гефт

Профессор С. Д. Левенсон

Фон Штиглиц Л. И.

А. Ф. Романова

А. Г Третьяк

А. Е. Данченко

Т. Б. Гуженко

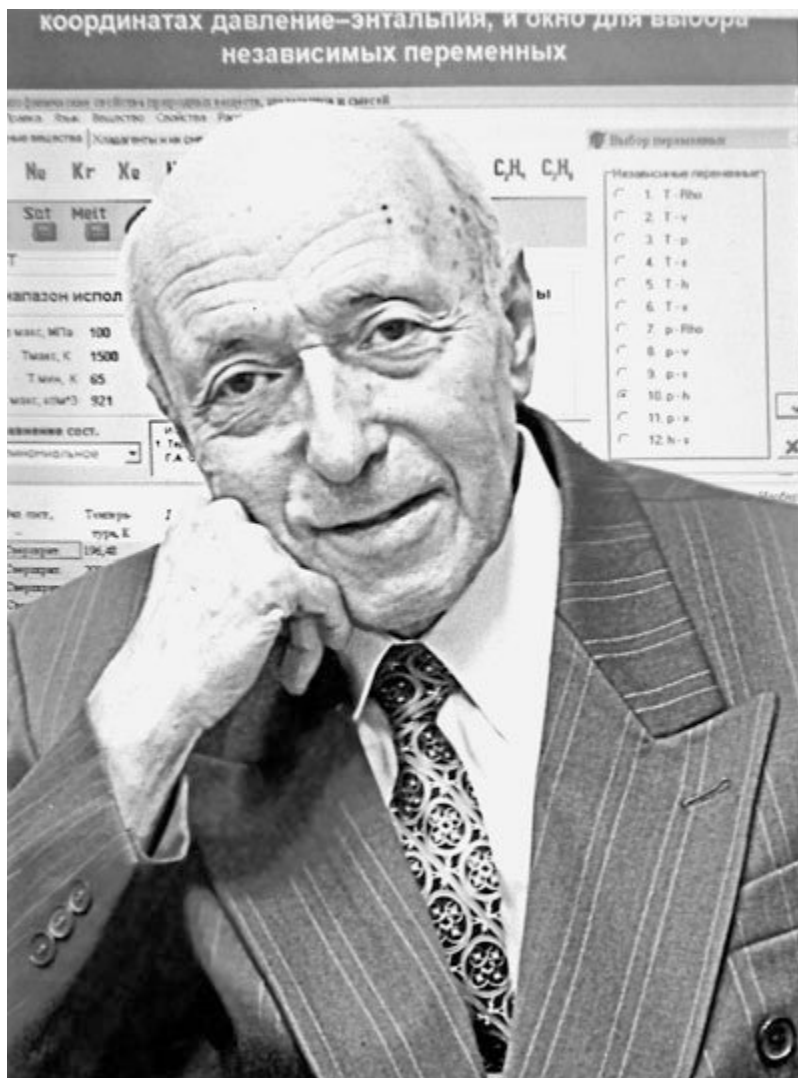

К. Ф. Ольшанский

Ф.К. Боффо

Наш отец А.А. Вассерман

Часть вторая

14. Профессоры и музыканты

Когда-то улица Дворянская начиналась от Софиевской и заканчивалась, упираясь в Старопортофранковскую. Удивительно, но это длинное название легко прижилось после возвращения улицам их старых названий. Во-первых, оно сменило тоже не короткое название – Комсомольская. Во-вторых, одесситы продолжают ценить всё связанное с «золотым Веком» Одессы, когда она была почти «вольным городом».

Отметим: теперь Дворянская существенно короче. Она начинается от корпусов университета и холодильного и закачивается, упираясь в немецкую евангелически-лютеранскую церковь – говоря по-одесски, в Кирху. При этом на первом квартале движение автомобилей закрыто, так что проехать предстоит всего четыре квартала. Улица очень тихая, что необычно для центра Одессы, деревья местами высажены в два ряда, а брусчатка на квартале между Коблевской и Нежинской выложена в «ёлочку», как и на знаменитой Пушкинской.

Поскольку улица Нежинская названа в честь города Нежин, логично предположить, что параллельная ей улица Коблевская названа в честь посёлка Коблево на границе Одесской и Николаевской областей. Но, как говорится, «в действительности всё не так, как на самом деле». Улица Коблевская названа в честь коменданта Одессы Фомы Александровича (в русской транскрипции) Кобле. Поскольку Ф. А. Кобле был также предводителем дворянства в Одессе, то первое (и нынешнее) название улицы «Дворянская» дано не в честь всех одесских дворян, а в честь господина Кобле. Таким образом, перекрёсток Коблевской и Дворянской – почти «станция «Площадь Ленина» Ленинградского ордена Ленина метрополитена имени Ленина».

На углу Дворянской и Нежинской улиц предлагаем свернуть на Нежинскую и пройти налево полквартала до дома № 46. Его украшают две мемориальные доски в честь двух профессоров – университета и «Водного» института. Профессор Волков – первый советский ректор Одесского университета и даже первый профессор, кому это звание присвоено при советской власти. Однако, как мы уже рассказывали,

Новороссийский университет не был просто переименован в Одесский. Это было бы логично, но несвойственно революционной эпохе. В 1920-м году на Украине были ликвидированы все университеты. Советская власть сочла их наиболее консервативной формой образования, хотя в царское время университеты были самыми главными очагами вольнодумства. Впрочем, возможно, по этой причине их и ликвидировали.

Новороссийский университет разделили на ряд вузов. Преемником самого университета считался институт народного образования, куда постепенно включили почти все неотраслевые ВУЗы Одессы^[51]. Профессор Волков стал как раз ректором этого института. Спустя 10 лет и Одесский институт народного образования ликвидирован, а вместо него созданы три института: социального воспитания, профессионального образования и физико-химико-математический. Как говорится, «простейшее размножение – делением».

Наконец, в 1933-м году процесс деления заканчивается, и в Одессе начинают возрождать университет. В 1937-м профессор Волков становится организатором и деканом филологического факультета, в 1941-м вместе с университетом уезжает в эвакуацию. Кстати, одесский университет – единственный из университетов Украины, продолжавший работу и в эвакуации – в районном центре Байрам-Али в Туркменской ССР.

Ещё одна подробность: одновременно в Одессе, оккупированной румынами и даже бывшей формально столицей румынского губернаторства Транснистрия, с 1942-го года функционировал «альтернативный» одесский университет. Его ректором был выпускник медицинского факультета университета и даже заслуженный врач РСФСР Павел Георгиевич Часовников.

Сейчас ведутся сложные дискуссии по оценке деятельности лиц, работавших на оккупированных территориях. Понятно, что людям нужно было выживать. Понятно, что, например, поддержание городского хозяйства Одессы требовало усилий сотен людей. Теоретически в организации образования в этот период тоже нет, как говорится, криминала. Но профессор Часовников упростил задачу будущим следователям. В марте 1943-го года он возглавил Антикоммунистический институт при университете, за что в 1947-м –

уже в Бухаресте – арестован советскими властями и умер в заключении.

Профессор Волков возвращается с настоящим университетом в Одессу, затем переходит во Львовский университет, оттуда в Черновицкий, но везде продолжает свои исследования сказок и баллад. Сейчас это может показаться удивительным, но за работы в этой области профессор Волков удостоен высшей награды СССР – ордена Ленина.

А профессор Яков Захарович Казавчинский от ордена отказался. Точнее, дело было так. В октябре 1964-го года Яков Захарович добился встречи с министром морского флота СССР Виктором Георгиевичем Бакаевым. Целью аудиенции было получение разрешения на организацию проблемной лаборатории при возглавляемой им кафедре термодинамики. Такая лаборатория могла стать (и стала) крупным советским центром исследования теплофизических свойств веществ. Яков Захарович продемонстрировал министру паспорт с датой рождения «8-е ноября 1904-го года» и сказал: «Ордена мне не надо, дайте мне проблемную лабораторию!». Виктора Георгиевича, конечно, поразило такое начало разговора, но вскоре представилась возможность взять реванш.

Яков Захарович сказал, что об одной из научных проблем упоминал Никита Сергеевич Хрущёв. Бакаев ответил: «Ни черта он не знает, Ваш Никита Сергеевич». Тут профессор Казавчинский и сопровождавший своего научного руководителя В. А. Рабинович (он и рассказал отцу эту историю) просто обомлели. Услышать такое от министра о председателе Совета Министров и Первом секретаре ЦК КПСС было просто страшно. Но на следующий день вышли газеты с информацией об итогах октябрьского (1964 г.) пленума ЦК, и всё стало на свои места. Как пелось в народной песне – «и тут узнали мы всю правду про него...»

Впрочем, визит был успешным, поскольку министр морского флота подписал приказ о создании лаборатории. Возможно, кроме аргументации Якова Захаровича повлиял и тот факт, что сам Виктор Георгиевич также был доктором технических наук и в 1938–1942-м годах преподавал в ВУЗах.

Основатель одесской научной теплофизической школы Яков Захарович Казавчинский – неординарный учёный. Родился он в

крестьянской семье (были в районе Одессы и еврейские крестьянские семьи). До 18 лет он, как рассказывали, не умел ни читать, ни говорить по-русски. По направлению комитета «незаможных [то есть неимущих] селян» он попал на рабфак того самого института народного образования (ИНО), который пришёл на смену Новороссийскому университету.

Потом были два года учебы на математическом факультете ИНО и учёба на судостроительном факультете Политехнического института. Впрочем, заканчивает Казавчинский уже Одесский институт инженеров Водного транспорта, организованный в июне 1930-го года.

Затем аспирантура в родном ОИИВТ, защита кандидатской в 1935-м году, драматические коллизии при защите первой (Киев, 1951) и – фактически дважды – второй докторской диссертации (Москва, 1955), уход из родного института к другу В. С. Мартыновскому в «холодильный» в 1968-м году, и прочие неизбежные превратности долгой, активной и бескомпромиссной научной жизни.

Осталась от Якова Захаровича, конечно, не только мемориальная доска, но и могучая теплофизическая школа. Из 25 кандидатов наук, подготовленных профессором Казавчинским, 11 стали докторами – поразительно высокой процент. А ведь эта научная школа формировалась в ВУЗе, где наука по определению – приложение к учебному процессу. И формировалась она не в Москве, а на периферии, что тоже было непросто.

Основными принципами Якова Захаровича были умелый подбор сотрудников, напряжённая повседневная работа (основные расчёты первоначально выполнялись на арифмометрах!) и сочетание свободы творчества учеников с высокой требовательностью к ним. При этом – редкое дело – Яков Захарович не стремился записаться в публикации к своим ученикам.

Поскольку ученики профессора Казавчинского имеют своих учеников, общее число учёных школы ЯЗ давно превысило 100 человек, а число публикаций, вероятно, превзошло 5000. Владимир может рассматриваться на генеалогическом древе одесской теплофизической школы как внук ЯЗ, поскольку его научный руководитель профессор Альфред Леонидович Цыкало был аспирантом Якова Захаровича. К тому же после перехода в «холодильный» институт профессор Казавчинский ещё прочёл курс

термодинамики сначала Анатолию, потом Владимиру (а Анатолий даже был корректором при подготовке переиздания прочитанного Яковом Захаровичем ещё в Водном институте курса лекций по термодинамике – одного из популярнейших учебников не только в холодильнике). Немногое, увы, из этого курса помнится, но выражение «градусы тепла» в сводках погоды по-прежнему вызывает у нас гримасу неодобрения.

Заметим, что под руководством Якова Захаровича выполнили свою первую студенческую исследовательскую работу Владимир и его друг Юрий Славинский. Результаты расчётов на ЭЦВМ (программа была введена в машину на перфорированной ленте!) они с гордостью продемонстрировали профессору дома – он уже часто болел и пропускал лекции, но продолжал живо интересоваться первыми научными шагами своих студентов. Потом стало понятно, что выполнялась достаточно простая задача (сейчас на персональном компьютере в Excel на неё ушло бы минут десять). Маститый учёный, желая поощрить Юрия и Владимира, внимательно рассматривал очевидные для него результаты расчётов и слушал сбивчивый и восторженный рассказ второкурсников. Он как будто предвидел, что Юрий будет заниматься научной работой в самом почётном для теплофизиков месте – в Институте высоких температур АН СССР.

А славные традиции одесской теплофизической школы продолжают. Научные дети, внуки и правнуки профессора продолжают в разных городах и странах плодотворную исследовательскую деятельность, ибо принадлежат к знаменитой школе, чей основатель жил на Нежинской, № 46 в двух комнатах большой коммунальной квартиры.

Про Кирху, около которой заканчивается Дворянская улица, мы рассказывали в нашей первой одесской книге. Добавим только: органные концерты, регулярно проводимые в здании Кирхи в выходные дни, очень логичны для этого микрорайона города.

Во-первых, это самое высокое место в городе. Невольно вспомнишь слова Сальери из пушкинской «Маленькой трагедии»:

*Родился я с любовью к искусству;
Ребёнком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,*

*Я слушал и заслушивался – слёзы
Невольные и сладкие текли.*

Во-вторых, в двух последних зданиях Дворянской, образующих с Кирхой равносторонний треугольник, размещаются Одесское училище искусств и культуры имени Константина Фёдоровича Данькевича и Одесская национальная музыкальная академия имени Антонины Васильевны Неждановой – попросту говоря, музучилище и консерватория.

Поскольку Северное Причерноморье населяли ещё древние греки и на одесском Приморском бульваре под стеклянным куполом можно разглядеть остатки греческого поселения VI–V века до нашей эры, историю музучилища и консерватории мы можем достаточно строго начать от Орфея. Ещё строже – от Орфея II: он согласно Геродоту был аргонавтом и, следовательно, плавая по Чёрному морю, мог высадиться и на одесский берег.

Будучи же материалистами, мы начинаем эту историю с Одесского отделения Императорского русского музыкального общества (ИРМО). В его организации принимал активное участие Антон Григорьевич Рубинштейн. Общество открылось в Петербурге в 1859-м году, московский филиал – в 1860-м, а одесский (куда без Одессы!) – в 1884-м. Через два года при ИРМО открываются музыкальные классы. Ещё через два года классы возглавляет профессор Петербургской консерватории Дмитрий Дмитриевич Климов. Он действует по принципу «Запад нам поможет» и приглашает для преподавания музыкантов из Вены, Берлина, Лейпцига и Дрездена. Уровень преподавания позволяет обоснованно реорганизовать классы в музыкальное училище. Оно открывается 1-го сентября 1897-го года.

В 1908-м Климова сменяет на посту директора польский композитор и дирижёр Витольд Осипович Малишевский. Его рекомендовали на этот пост Николай Андреевич Римский-Корсаков и Александр Константинович Глазунов. Великие композиторы не ошиблись в рекомендации. Всего через 5 лет – в 1913-м году – на базе Музучилища открывается Одесская консерватория и её первым ректором становится В. О. Малишевский. Как ни странно,

консерватория была не третьей в России (после Петербурга и Москвы), а четвёртой – в этом вопросе Одессу «обошёл» Саратов. В 1921-м году Витольд Осипович уезжает в уже независимую Польшу, где успешно продолжает исполнительскую и преподавательскую деятельность.

Интересно, что и Музыкальное училище продолжило свою работу после открытия Одесской консерватории – в этом радикальное отличие от всех ранее рассмотренных нами случаев, когда высшее учебное заведение создавалось на базе техникума либо училища. Но случилось это не сразу. Первоначально образование в консерватории было поделено на три трёхлетние стадии: младшая из них соответствовала школе, средняя – училищу, старшая – консерватории. Однако на съезде директоров и преподавателей консерваторий в 1917-м году сам Малишевский обосновывает необходимость отделения училища.

Далее следует бесконечное количество реорганизаций, столь характерных для революционной и постреволюционной эпох. Ситуация стабилизируется аж в 1934-м году, когда после отделения театрального факультета Музыкально-драматический институт имени Людвиг ван Бетховена (!) вновь получает статус консерватории и одновременно возрождается Музучилище.

Главная, как сейчас принято выражаться, «фишка» заключается в том, что в училище и в консерватории работали одни и те же преподаватели, и создавались объединённые творческие коллективы: хор, симфонический и духовой оркестры, затем – объединённый хор народных инструментов.

С 1984-го года училище носит имя композитора и пианиста, возглавлявшего после войны Одесскую консерваторию, – К. Ф. Данькевича. В 1997-м – вероятно, в качестве подарка к столетию – в музыкальное училище влили Одесское училище культуры.

Переходим на нечётную сторону Дворянской. На этом квартале расположены три старых трёхэтажных дома. По мере возрастания номера увеличивается размер, высота здания и богатство декора.

Факт по теме: на самом «могучем» – доме № 33 – мемориальная табличка «В этом доме жил популярный эстрадный певец Валерий Ободзинский (1942–1997)». К сожалению, сейчас мало кто помнит: в первой половине 1970-х годов популярность этого певца была невероятна – только Муслим Магометович Магомаев мог в то время на

равных конкурировать с Валерием Владимировичем Ободзинским. Также заслуживает сожаления то, что, обладая от природы чрезвычайно развитым музыкальным чутьём, слухом, приятным лирическим тенором, Ободзинский не смог учиться ни в музыкальном училище напротив своего дома, ни в консерватории за углом. К тому же недоброжелатели распустили слух, что Валерий собирается уехать на Запад. В результате последние годы жизни омрачены отсутствием работы и алкоголизмом. Драматический итог – кончина в 55 лет.

Уже у входа в парадную^[52], где жил Валерий Ободзинский, можно безошибочно определить назначение четвёртого здания квартала: разнообразные инструментальные и вокальные пассажи не заглушает даже звук проходящего по последнему кварталу Дворянской трамвая. К дому певца примыкает корпус консерватории, построенный в конце 1960-х годов. Поразительно, как студентов не сбивает пение или музыка в исполнении своих коллег из соседних учебных классов.

Угол первого этажа срезан для удобства пешеходов (тогда ещё заботились о тех, кто, по словам Ильфа и Петрова, составляет большую и лучшую часть человечества). Мы проходим сквозь микроарку и поворачиваем налево. Малая площадь стен старого здания (бывшего здания музыкального училища) не позволяет разместить мемориальные доски в память даже самых выдающихся выпускников консерватории. Фасад украшает единственная доска в честь певца и ректора консерватории Николая Огренича. Но за чуть более чем столетнюю историю одесская консерватория подарила миру просто неисчислимое количество певцов и музыкальных исполнителей. Даже абсолютно далёкие от классической музыки читатели слышали имена Давида Фишелевича (в советское время – Фёдоровича) Ойстраха, Самуила (в советское время – Эмиля) Григорьевича Гилельса, Бэлы Андреевны Руденко и того же Николая Леонидовича Огренича. Количество побед одесситов во всеукраинских, всесоюзных и международных конкурсах породило ту шутку, с которой мы начали наш рассказ:

– Что нужно, чтобы стать великим музыкантом?

– Нужно родиться в Одессе и вовремя из неё уехать.

Интересно, что Антонина Васильевна Нежданова^[53], чьё имя носит академия, сама в ней не училась. Закончила она Московскую консерваторию, но родилась в пригороде Одессы и училась в

Мариинской гимназии – в одном квартале от консерватории. В Одессе будущая Народная артистка СССР (она получила это звание в сентябре 1936-го года среди первых тринадцати деятелей искусства, этого звания удостоенных) обучалась в музыкальных классах императорского музыкального общества. Так как классы породили музыкальное училище, а училище – консерваторию, то имя Неждановой в названии более логично, чем имя, например, революционера Вацлава Вацлавовича Воровского в названии одесской фабрики одежды.

Ещё один великий музыкант тоже не учился в консерватории, хотя в ней преподавал его отец, к тому же и работавший напротив консерватории. Речь идёт о Святославе Теофиловиче Рихтере. Его отец был органистом в Кирхе и первым учителем великого сына. Интересно, что Святослав отчислен из московской консерватории из-за отказа изучать общеобразовательные предметы. Хорошо, что его учитель Генрих Густавович Нейгауз убедил юношу вернуться в Москву из Одессы и продолжить образование. Иначе судьба молодого музыканта могла бы сложиться драматичнее: отца расстреляли как немецкого шпиона^[54] 6-го октября 1941-го года. В Кирхе есть мемориальная табличка об этом прискорбном факте из истории обороны Одессы.

На самом здании Кирхи справа находится художественная мемориальная доска, открытая в 2013-м году – в год 141-летия Теофила Даниловича Рихтера. Начальная немецкая школа, работающая здесь же, носит его имя. Реабилитировали старшего Рихтера только в 1962-м году, когда его великий сын был уже Народным артистом СССР и лауреатом Ленинской премии. На бывшем пасторском доме, находящемся рядом с кирхой, размещена мемориальная доска, посвящённая Святославу Теофиловичу.

Вообще (в точном соответствии с, как ни странно, еврейской традицией) Кирха – центр не только религиозной и даже не только духовной жизни немецкой общины Одессы. Кроме различных культурных мероприятий и концертов (о них заранее сообщают на стендах у входа), мы можем даже поесть типично немецкую еду и выпить пива во дворе. Так – почти в полном соответствии с рекомендацией, которую Гордон Лонсдейл даёт отцу Мортимеру о

путях привлечения молодёжи в лоно церкви (см. кинофильм Саввы Яковлевича Кулиша «Мёртвый сезон») – разнообразно протекает жизнь в бывшей Верхней немецкой слободе.

Мы оба, к сожалению, не можем похвастать музыкальными способностями. Особо замечателен по этой части Анатолий, чьих друзей, наделённых слухом, неизменно коробит от его попыток петь. Тем не менее как раз у него было немало хороших знакомых в консерватории. В основном – благодаря тому, что его друг ещё со школьных лет Игорь Эммануилович Юсим, успешно окончив легендарную музыкальную школу, основанную Пинхусом (в советское время – Петром) Соломоновичем Столярским и ещё при его жизни получившую его имя (он говорил с одесским акцентом «школа имени мене» – в смысле «меня»), затем столь же успешно прошёл консерваторию по классу композиции. В постсоветское время он уехал в Германию, где успешно заведует музыкальной частью нескольких (в разное время) театров. К сожалению, приключенческий роман, затеянный Анатолием и Игорем в институтские годы, тогда же заброшен.

15. Наши школы и примкнувшие к ним Высшие школы

Мы оказались в плотном узле одесских учебных заведений. Здесь университеты, академии и школы расположены тесно-тесно, практически в смежных зданиях, поэтому идти придётся с непрерывными остановками и с небольшими возвращениями по уже пройденному маршруту.

Для начала по чётной стороне улицы Новосельского, на которой расположена Кирха, идём в сторону увеличения номеров.

Первый дом от угла – без уличного флигеля. Сквозь решётку ещё недавно хорошо просматривался типичный одесский дворик, но теперь щиты закрыли его от любопытных глаз. С правой стороны – дворовая часть одесской школы хорового искусства. Очень логичное расположение: напротив консерватории и по диагонали от музыкального училища, в чьём здании со стороны Новосельского находится и оперная студия консерватории. Просто «зашкаливающая» концентрация музыкальных учебных заведений.

Но и это ещё не всё. В тыльной части двора – детская художественная школа № 1 имени Костанди – мы уже рассказывали о нём. В том же здании и общеобразовательная школа, но с художественным уклоном и тоже имени Костанди. Главный вход в школы со стороны Лютеранского переуллка ведёт в коридор, потрясающий стендами по стенам – с дипломами и кубками. Кажется, не то что в Украине, а в мире нет художественного конкурса, где не побеждали бы учащиеся школы Костанди – и художественной, и общеобразовательной.

Мы не преувеличиваем – можете зайти сами и убедиться. Хотя объективность нам тоже трудно соблюсти: школу с художественным уклоном заканчивала дочь Владимира и, соответственно, племянница Анатолия.

Ещё одна необходимая остановка – у девятиэтажного здания общежития Одесской государственной академии технического регулирования и качества. О самой академии расскажем чуть позже, а пока наше внимание привлекает скульптура из шестерёнок, роликов,

подшипников и прочих технических деталей. Перед нами второй в мире (увы, не первый, но тоже неплохо) памятник Стиву Джобсу. Будапештцы установили свой памятник в декабре 2011-го года, одесситы – в первую годовщину смерти Стива в октябре 2012-го. Но в столице Венгрии – стандартная бронзовая скульптура, а в столице юмора – двухметровая открытая ладонь со сквозным отверстием в виде эмблемы фирмы «Apple». В районе памятника работает свободный WiFi, так что фотографию около этого необычного памятника можно сразу «запостить» в какой-нибудь социальной сети.

На месте общежития стояли два непримечательных двухэтажных домика, аналогичные оставшемуся под № 78. Для нас эти уже снесённые дома памятны тем, что в одном из них жили бабушка и дедушка нашей мамы со стороны её отца. Они помнили немцев времён их оккупации Одессы в 1918-м году и отказались от предложения об эвакуации. В результате погибли от рук румынских оккупантов, как и 200 000 евреев Одессы и области. Владимир назван как раз в память прадедушки, убитого в оккупированной Одессе.

Дойдя до угла, мы по диагонали видим здание той самой Мариинской гимназии, в которой училась Нежданова. В царской России более 30 женских гимназий были названы Мариинскими в честь жены Александра II «Освободителя» (первого императора, при котором сидел зиц-председатель Фунт – припоминаете?) императрицы Марии Александровны. Относились они к «Ведомству учреждений императрицы Марии», то есть к государственному органу по управлению благотворительностью, восходящему к канцелярии императрицы Марии Фёдоровны^[55], супруги Императора Павла I. После смерти Марии Фёдоровны её канцелярия вошла как Четвёртое отделение в «Собственную Его Величества канцелярию». Кстати, напомним: Третье отделение той же канцелярии выполняло функции службы безопасности России.

Одесская Мариинская гимназия основана в 1868-м году. В ней давал показательные уроки анатомии Николай Иванович Пирогов и преподавал Иван Михайлович Сеченов (вспомнив перечень занятий Сеченова, даже не удивляемся). После Октябрьской революции большинство гимназий были закрыты, но Мариинская продолжила работу как средняя общеобразовательная школа № 3. Среди

выпускников этого учебного заведения, кроме Неждановой, ещё одна оперная певица, народная артистка СССР и профессор московской консерватории Елена Климентьевна Катульская (на основе этого совпадения можно придумать забавный «эрудитский» вопрос), разведчик Николай Артурович Гефт и ректор (на момент написания этой книги) Одесского Национального университета Игорь Николаевич Коваль.

Наша мама закончила школу № 3 в 1948-м году, её родная сестра Лариса в 1959-м. После войны, несмотря на голодное и холодное время и даже на то, что у большинства школьников^[56] не было отцов, учили строго и качественно. После восьмого класса сдавали 11 экзаменов, после десятого – 13. Многие школьницы уходили из этой школы из-за высоких требований и становились отличницами в других школах. Но те, кто закончил 3-ю школу в одно время с мамой, все без исключения получили высшее образование и добились внушительных успехов как специалисты на работе. Но ещё крепче, чем полученные знания, была дружба маминого класса. Она продолжалась всю жизнь, хотя учиться «девочки» начали вместе после войны и проучились три – четыре года – меньше, чем потом каждая из них в ВУЗе. Но дружили именно школьные подруги и «примкнувшие к ним» мужья, чему мы были свидетелями до самой маминой кончины.

Анатолий тоже начинал учиться в ней (в какой-то мере по технической причине – она находилась на том же квартале, что и наш дом, так что по дороге не требовалось переходить улицу). Но, к сожалению, учёба сложилась не вполне удачно. Как ни странно, вследствие того, что он слишком много знал. Читать он начал в три с половиной года и уже к четырём читал вполне бегло. Вдобавок часто страдал ангинами (от них удалось избавиться, только удалив гланды в 12 лет), отчего был слабоват для серьёзной учёбы. Поэтому родители решили отправить его не в 7 лет в 1-й класс, как тогда было принято, а в 8 лет во 2-й: раз он дома читать научился – значит, и писать выучится, и прочие премудрости первого года обучения превзойдёт. Правда, на это у родителей не хватало времени – пришлось найти школьную учительницу, поработавшую репетитором. За несколько месяцев занятий по вечерам она выучила Анатолия всему положенному, кроме разве что каллиграфии: почерк у него по сей день вполне разборчивый (в отличие от нашего отца – ему и самому порою

трудно разобраться в своих быстрых заметках), но редкостно уродливый (в младших классах все его письменные работы получали 5 – высшую оценку – за содержание и 2 – низшую реально возможную, ибо 1 ставили в редчайших случаях – за почерк). Но во 2-м классе выявились сразу два неприятных последствия этого решения. Учительница, преподававшая – как принято в младшей школе – практически все предметы, кроме разве что физкультуры да пения, резко отрицательно – и, похоже, ревниво – восприняла его предыдущее обучение, так что при каждом удобном случае объявляла его неполноценным (и даже сулила ему переход в школу № 75 – для умственно отсталых детей), хотя оценки ставила объективно. Вдобавок уже сложившийся коллектив класса не принял новичка: его воспринимали как постороннего, а несколько человек откровенно травили. В 5-м классе первая сложность исчезла: в средней школе разные предметы преподавали несколько человек, и у них не было особых причин ревновать к предыдущему учителю (а многие из этих учителей хорошо помнили, как они же учили наших маму и тётю, так что и к Анатолию относились как к старому знакомому). Вторая же, к сожалению, нарастала и кончилась тем, что по поводу, тогда казавшемуся значимым, Анатолия изрядно избили едва ли не всем классом. Пришлось пропустить по болезни (он неделю провёл на постельном режиме из-за подозрения на сотрясение мозга) экзамены (для перехода в следующий класс ему зачли годовые оценки по соответствующим предметам) и перейти в другую школу – тоже по соседству, но уже через дорогу.

Правда, на новом месте он сам, чтобы поскорее вписаться в коллектив, участвовал в травле другого изгоя – хотя и менее года, но этого хватило, чтобы по сей день вспоминать этот эпизод как один из немногих несомненно постыдных поступков за всю его жизнь. Каждому свойственно изыскивать оправдания своим деяниям – но в данном случае найти нечего. По счастью, почти все остальные его воспоминания о второй в его жизни школе – положительные.

Если есть время и желание, на перекрёстке можно свернуть налево и перейти дорогу, чтобы по Льва Толстого дойти до дома № 8. Это школа № 47. Её окончил наш отец (с золотой медалью), потом и мы. Здание непримечательно в архитектурном отношении, но, естественно, дорого нам. Интересно, что школа не так мала, как

кажется на первый взгляд: во дворе имеются ещё две её части, а подвалы используются как раздевалки и учебные мастерские.

Рядом со школой – особняк профессора Бардаха. В соседнем с ним доме располагалась до переезда в отдельное здание первая в Российской империи бактериологическая станция. Но об этом мы уже говорили в самом начале экскурсии, так что вернёмся к нашему детству – в школу № 47.

Наш отец окончил её не просто с золотой медалью, а ещё и за 9 лет вместо положенных тогда 10: вместе с уже упомянутым выше Даниилом Наумовичем Вайсфельдом перешёл из 8-го класса сразу в 10-й, сдав экзамены, положенные при обоих переходах – из 8-го в 9-й и из 9-го в 10-й. Сэкономленный таким способом год пригодился обоим, чтобы перейти потом из институтов во взрослую жизнь пораньше.

Увы, Анатолию не удалось не только пропустить класс (что в его школьные годы требовало куда большего изобилия формальностей), но и получить медаль. В 1969-м, когда он заканчивал школу, появилось новое положение о медалях: серебряные вовсе отменялись, а для золотой нужны были все пятёрки не только за 10-й, но и за 9-й класс. Для выпускников 1969-го года это положение обрело обратную силу (что, вообще говоря, недопустимо). В частности, у Анатолия в 9-м классе была четвёрка по истории.

Историю и обществоведение в школе № 47 преподавали двое: в классах «А» – Максим Павлович Левин (увы, слепой, но от этого ничуть не менее знающий и умный, чем другие учителя в этой школе), в классах «Б», где учился Анатолий – Фёдор Филимонович Смаглюк (к тому времени, когда до изучения истории добрался Владимир, распределение классов между учителями изменилось: он учился в классе «А», но с ним успели поработать и Левин, и Смаглюк). Увы, Фёдор Филимонович печально памятен как единственное тёмное пятно на фоне замечательно сильного и доброжелательного учительского коллектива.

Преподаваемые им предметы он знал куда хуже доброй половины учеников – и мстил им за это, откровенно занижая оценки. Вдобавок его косноязычие вошло в легенду не только в 47-й: о нём были слышаны ученики и учителя едва ли не всего тогдашнего Центрального района Одессы. К сожалению, общая (на 96 листов) тетрадь, коллективными усилиями учеников заполненная

колоритнейшими его высказываниями, затерялась. Поэтому процитируем лишь то, что помнится даже через четыре с лишним десятилетия. Естественно, поясним подробности, вряд ли привычные нынешнему поколению.

«БрУсель» (БрюссЕль). **«ЧилиЯ»** (так – вероятно, по ассоциации с районным центром Килия Одесской области – он называл Чили). **«БезработНица»**. **«Электропаровоз»**. **«Мэри Гольди»**^[57]. **«Финансовая олигарФия»**. **«Самолёт Ту-104 был для своего времени сверхзвуковым»** (с тех пор, понятно, скорость звука не изменилась). **«Расскажите мне, какие изменения произошли в Валентине Гагановой и равных ей товарищах»**^[58]. **«Наши танкисты в Чехословакии повторили подвиг Николая Гастелло и в том числе Александра Матросова»**^[59]. **«Не зря Маркс в своём «Коммунистическом манифесте» сказал: «Подыметесь мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, ограждённое солдатскими штыками, разлетится в прах»**^[60]. **«В крупнейшем азиатском (африканском) государстве Конго со столицей КишанСИ (КиншАса) – бывший Леоподвиль (Леопольдвилль) – произошла реакция, потому что там в провинции КатАнга расположено множество медеплавательных (медеплавильных) предприятий»**.

В 1971-м году – уже в институте – Анатолий, записав эту подборку по памяти, отправил её в раздел «Нарочно не придумаешь» популярнейшего тогда сатирического журнала «Крокодил». Из каждого места, куда попадало его письмо, он получал сообщения: Ваш сигнал получен и отправлен далее для принятия мер. Маршрут письма был таков: журнал – министерство просвещения СССР – министерство просвещения Украинской ССР – Одесский областной отдел народного образования. А в облОНО дело заглохло, ибо как раз в том году Фёдор Филимонович Смаглюк занял первое место на областном конкурсе лекторов по международному положению: общественная активность у него была высокая (он даже пенсионеркам в своём дворе читал эти лекции), а письменные тексты, представленные на конкурс, кто-то отредактировал.

Были у Фёдора Филимоновича и дополнительные (к общему отставанию от большинства его учеников) личные причины не любить лично Анатолия. Тот не только не пытался скрыть своё презрение к слабому и самовлюблённому учителю, но и написал о нём более

десятка сатирических перетекстовок песен Владимира Семёновича Высоцкого, чья популярность тогда только началась, но уже была всенародной. Песни эти – и в канонической авторской версии, и с текстами Анатолия – знала и пела вся школа, включая учителей. Анатолий до сих пор полагает, что учителя были правы, не ограничивая выражение им своих чувств и тем самым тренируя его устойчивость к неизбежным в дальнейшем более резким и опасным столкновениям с сильными мира сего. Владимир и наш отец, напротив, полагают, что учителя выставляли его на передний край скандала вместо того, чтобы самим добиваться отставки непрофессионала и приучать Анатолия избегать конфликтов и скрывать свои мысли. Скорее всего, однозначная оценка тут вряд ли возможна.

Как бы то ни было, в 9-м классе Анатолий, хотя и сдал экзамен по истории (его принимали оба учителя, и возможности занижить оценку Смаглюк не имел) на 5, но с учётом четвёрок в таблице по всем четвертям получил годовую четвёрку. Исправить её задним числом в 10-м классе было невозможно, так что он остался без медали. Это повлияло на всю его дальнейшую судьбу. Вступительные экзамены на механико-математический факультет МГУ он сдал на 13 баллов (по 4 за письменную и устную математику, 5 за физику), а с таким результатом принимали в том году только медалистов и жителей сельской местности^[61].

Правда, с этими (и даже меньшими: известно, что экзамены в МГУ, МФТИ, МИФИ и ещё нескольких престижнейших ВУЗах страны были куда строже, чем в большинстве ВУЗов СССР; поэтому их проводили в июле, чтобы неудачники могли в августе попытаться поступить в другие ВУЗы на общих основаниях) оценками можно было без дополнительных экзаменов зачислиться в несколько десятков тоже весьма престижных ВУЗов, чьи представители дежурили прямо в вестибюле мехмата. Анатолий и отец, специально приехавший в Москву на свой отпуск, чтобы обеспечить Анатолию жильё (у знакомых), пропитание и прочее жизнеобеспечение на время экзаменов, совместно изучили все предложения и выбрали московский институт электронной техники, открытый в Зеленограде всего четырьмя годами ранее и готовивший специалистов по многим новейшим направлениям, включая программирование, любимое

Анатолием уже тогда. Но тут вмешалась мама. По телефону (а тогда междугородная телефонная связь была ещё очень сложна, и говорить пришлось со специального переговорного пункта на Центральном телеграфе Москвы) она выслушала свежую идею и сказала, что готова отпустить сына на пять лет за тридевять земель ради учёбы только в МГУ, а не бог весть где. По классическому анекдоту, еврейская мама отличается от арабского террориста тем, что с арабским террористом можно договориться. Пришлось Анатолию возвращаться в Одессу, поступать в холодильный и учиться на теплофизика. Правда, после института он всё равно стал программистом, но это уже не имеет прямого отношения ни к обучению, ни к науке, а посему выходит за рамки нашей книги.

Владимир сразу поступил в школу № 47. Окончил её через 8 лет после Анатолия. Таких сложностей с коллективом класса, как Анатолий, не испытывал. Увы, медаль он тоже не получил. Ко времени его выпуска официально сочли, что награду за отличное обучение получают слишком многие, так что во многих престижных ВУЗах после зачисления медалистов не остаётся места рядовым студентам. Установили общий норматив на долю медалистов среди выпускников, так что в каждом регионе приходилось отбирать среди тех, чьи аттестаты содержали только пятёрки, достойных дополнительной награды. Решения преподавательских коллективов школ дополнительно утверждались районными и областными управлениями народного образования. Новая система предоставила широчайшие возможности для произвола, никоим образом не связанного с результатами обучения и воспитания. Уж лучше было бы, на наш взгляд, ужесточить требования к самим экзаменам и усложнить школьную программу. Но тогда слишком многие рисковали бы не дотянуть до конца обучения, да и формальный показатель – средний балл по всем выпускникам – упал бы. Как часто бывает не только в школе (вспомним обширный арсенал трюков, употребляемых нынешними эффективными менеджерами для красивых квартальных и годовых отчётов перед акционерами), форму предпочли содержанию.

Вспомнив наши школьные годы, возвращаемся по улице Льва Толстого к дому № 24 – на углу с Кузнечной улицей. Это общежитие Национального университета «Одесская юридическая академия» – неофициально имени Сергея Васильевича Кивалова. Официально

академия ещё не носит имя своего основателя, поскольку Почётный гражданин Одессы профессор Кивалов жив-здоров и активно трудится на различных постах, включая пост почётного президента этого учебного заведения. Роль Кивалова в его организации столь велика, что оно прочно и неразрывно ассоциируется с Сергеем Васильевичем.

Главный корпус Юридической академии расположен на четвёртой станции Большого Фонтана. Туда мы вряд ли доберёмся, но немного отвлечёмся, чтобы в связи с этим зданием рассказать следующее. Сейчас сложно поверить, но в период «развитого социализма», несмотря на то, что его потом почему-то стали именовать периодом застоя, в Одессе было несколько мощных станкостроительных заводов. Когда жена Владимира Инна школьницей ехала в троллейбусе на экзамен по экономической географии и обсуждала с одноклассницей вопрос о предприятиях Одессы, пассажиры стали подсказывать:

- завод радиально-сверлильных станков;
- завод прецизионных станков;
- станкостроительный завод имени Кирова;
- завод прессов...

Конечно, сейчас это абсолютно невозможно: заводы давно прекратили существование. В лучшем случае на их территории размещены бизнес-центры, но чаще всего цехи просто поделены на мелкие кустарные производства, либо и вовсе разрушены. А ведь продукция заводов зачастую – нынче в это невозможно поверить – шла на экспорт, в том числе и в Западную Европу. Например, на заводе «Микрон» в 1969-м году под руководством двоюродного брата нашей мамы Бориса Михайловича Баума освоено производство шариковых винтовых передач (ШВП) для всего станкостроения бывшего СССР, образована главная проектная организация по разработке и усовершенствованию конструкций, нормативно-технической и технологической документации на ШВП. Уже в постсоветское время – в 1993-м году – на заводе внедрена серия стандартов на ШВП в соответствии с международным стандартом на ШВП ISO 3408. Благодаря этому, без преувеличения, уникальному know-how завод «продержался» дольше других одесских предприятий. Хотя и к нему можно отнести слова Ужа из «Песни о Соколе» М. Горького:

*Летай иль ползай, конец известен:
все в землю лягут, всё прахом будет...*

Таким прахом стали практически все одесские заводы. Но в период их расцвета в главном девятиэтажном корпусе нынешней Юридической академии размещалось ПТУ № 1, специализировавшееся именно на подготовке станкостроительных рабочих. С его директором Владимиром Яковлевичем Левинсоном мы имеем удовольствие быть знакомы свыше 20 лет. Поэтому из первых уст слышали историю строительства здания. Владимир Яковлевич долго «пробивал» проект и добился встречи с профильным министром. Провёл серьёзную подготовительную работу: собрал данные по возрастному составу имеющихся специалистов и составил таблицы потребностей в новых рабочих на основе прогноза роста производства, а также подготовил данные по возможностям подготовки новых рабочих в имеющемся ПТУ и в ПТУ с новым – беспрецедентно большим для профтехучилища – зданием.

Не обошлось и без подношений. Времена, повторимся, были застойные, поэтому поднесён был не конверт с долларами, а одесские конфеты и альбом старинных фотографий нашего города. Министру аргументация показалась убедительной, а альбом понравился. Поэтому он перевёл беседу в неформальное русло – вышел из-за стола, сел рядом с Владимиром Яковлевичем, нежно взглянул ему в глаза и спросил:

– Володя, зачем тебе это нужно? Ты же надорвёшься на этой стройке.

Точнее, вместо «зачем» он воспользовался словом, более типичным для настоящего мужчины. Но Владимир Яковлевич был стоек, и теперь у Юридической академии есть замечательный главный корпус в прекрасном районе Одессы. Сергей Васильевич Кивалов знал эту историю и уважительно принимал у себя товарища или, правильнее сказать, мистера Левинсона, когда тот приезжал в Одессу уже из Сан-Диего.

И ещё один характерный эпизод. Владимир с женой и дочкой гостили у Владимира Яковлевича и его жены Натальи Семёновны в Сан-Диего.

Гостеприимные Левинсоны возили их по городу на «Акуре». «Владимир Яковлевич, зачем Вам автомобиль с двигателем 3.5 литра?» – спросили одесские гости. «Ну как? Мне ведь нужно быстро перестраиваться на free-way», – ответил новый американец. Ему тогда по паспорту было за 80 лет. Но по энергии, поведению, интересу к жизни герой нашего рассказа давал фору многим людям вдвое его моложе. Кстати, дело прошлое, но директор Левинсон принял к себе в ПТУ № 1 нашего коллегу теплофизика Николая Николаевича Палтышева, когда того за новаторские методы преподавания физики выгнали из нескольких одесских школ. Потом метод получил признание, и Николай Палтышев стал Народным учителем СССР. Вот какие замечательные люди строили и развивали наш город ещё двадцать лет назад.

Идём дальше вдоль пятого «киваловского» общежития. Как и все другие объекты Национального университета «Одесская юридическая академия», общежитие радуется отличному техническому состоянию. Ремонт шёл на наших глазах – четырехэтажное «сталинское» общежитие техникума измерений увеличили на два этажа, причём довольно гармонично и нарядно.

Впрочем, у Сергея Васильевича уже был опыт аналогичной перестройки. Заурядное здание ПТУ на пятой станции Фонтана также надстроено на два этажа, после чего в нём разместился Международный Гуманитарный университет (МГУ) – учебное заведение, дружественное Юридической академии. Многие преподаватели академии работали по совместительству в частном МГУ, повышая свой доход в самые тяжёлые 1990-е годы.

Кроме прекрасных зданий, стадиона, церкви и прочих объектов, Юридическую академию выделяет громадное по одесским масштабам число студентов на одну специальность: их сейчас там всего 5, а студентов свыше 12 000. Для сравнения, политехнический университет готовит специалистов по 66 специальностям, но в нём учатся сейчас около 11 000 студентов.

За общежитием правоведа восьмизэтажное Г-образное здание Академии технического регулирования и качества. Поскольку Кузнечная на этом квартале – весьма неширокая улица (и, заметим, в сторону увеличения номеров она ещё сужается), здание академии находится в глубине открытого двора. Перед зданием стоят два

стройных и необычайно высоких пирамидальных тополя, чьи верхушки намного выше крыши Академии.

Если мы углубимся в историю стандартизации и метрологии (это неизбежно при рассказе о ВУЗе, перед которым мы находимся), то снова столкнёмся с Дмитрием Ивановичем Менделеевым. Всё, за что брался этот выдающийся учёный и общественный деятель, становилось на научные рельсы и приобретало всероссийский размах. В 1892-м году он назначается учёным-хранителем Депо мер и весов, к тому времени тихо существовавшего в России уже полвека. Но уже через год Депо превращается в Главную палату мер и весов, Менделеев становится её управляющим, и начинаются кардинальные изменения в деле метрологического обеспечения Российской Империи. Менделеев приступает к воплощению в жизнь своего тезиса: «Наука начинается с тех пор, как начинают измерять». В 1899-м году утверждено новое «Положение о мерах и весах»: на его основании предполагалось открыть до 150 (!) специальных государственных учреждений – поверочных палаток мер и весов. Одесса, как один из крупнейших городов России^[62], попала в число первых 12, где – летом 1902-го года – открыли поверочную палатку. Невероятное совпадение, но размещалась Одесская поверочная палатка в доме № 14 по Кузнечной улице (в нём сейчас живёт Владимир), в точности напротив своего нынешнего наследника – семиэтажного лабораторного корпуса Одесского регионального центра стандартизации, метрологии и сертификации. Главный же корпус центра с 1930-го года находится на ныне «односторонней» улице Черноморской (о ней мы рассказывали в предыдущей книге). В лабораторном корпусе, слева от здания Академии технического регулирования, стажируются её студенты. На торцевой стене лабораторного корпуса почти олимпийский лозунг «Мера, вес, число», а на здании Академии изящный знак ещё советского Комитета стандартов: буква С как микрометр измеряет букву т. Вот такой островок стандартов на Кузнечной.

Созданный в день окончания Второй Мировой войны – 2-го сентября 1945-го года – техникум измерений стал не просто базовым учебным заведением Госстандарта СССР: до 1977-го он был вообще единственным в СССР учебным заведением, готовившим специалистов в области метрологии и стандартизации. Не нужно было говорить «**Одесский** техникум измерений» – других просто не было.

Удивительно, но филиалы и учебно-консультационные пункты одесского техникума располагались в самых крупных промышленных и научных центрах СССР: Москве, Ленинграде, Новосибирске, Хабаровске, Харькове. При том, что в Ленинграде работал ВНИИ метрологии – наследник Главной палаты мер и весов, в Москве – ВНИИ метрологической службы, под Москвой – ВНИИ физико-технических и радиотехнических измерений^[63], в Харькове – институт метрологии и т. д., кадры готовились в Одессе. Потребители выпускников техникума были по всей стране, а монополия Одессы в подготовке специалистов продолжалась 32 года.

Наконец, в год 60-летия Великого Октября этому положили конец и – как ни странно это звучит – на базе филиалов одесского техникума в Москве и Свердловске создали соответствующие ВУЗы. Заодно в том же 1977-м году в Свердловске – под руководством строителя по образованию, а в тот момент первого секретаря областного комитета КПСС, Бориса Николаевича Ельцина – снесён дом купца Ипатьева, где 17-го июля 1918-го расстреляна царская семья. Как говорится, «бывают странные сближенья».

Но и после создания двух ВУЗов одесская «альма матер» оставалась техникумом, хотя и занимала первое место в негласном рейтинге одесских техникумов. Может быть, это определялось, кроме прочего, подчинённостью техникума не банальному Министерству высшего и среднего специального образования УССР, а Госстандарту СССР.

Вообще, мы зачастую не вполне осознаём, сколь прочную связь можно установить между уровнем стандартизации и качеством жизни. Благодаря стандартам мы можем, например, подключить к электросети любую бытовую технику независимо от страны-производителя или заправить бензином определенной марки любой автомобиль. Путешествуя по зарубежным странам, мы не беспокоимся о сохранности денег: с помощью стандартной пластиковой карточки можно получить из банкомата необходимую сумму.

Кстати о путешествиях. Когда Владимир с женой собирались в США, они спросили друга – художника Илью Зомба (мы упоминали его, рассказывая о Художественном училище), есть ли у него переходник на электрооборудование? Илья подтвердил, и только в Нью Йорке оказалось, что у нашего друга есть, так сказать, обратные

переходники – переходники на евро-стандарт: их он использует при поездках в Европу. Конечно, тут же в Бруклине за доллар был куплен и нужный евро-американский переходник (причём в магазине как-то было очевидно: с продавцом нужно сразу говорить по-русски).

Стандартизация – основа индустриальной цивилизации. Международные стандарты упрощают доступ к товарам и услугам, учитывают факторы безопасности и эргономики, создают условия для развития потребительских рынков.

Но, как известно, благими намерениями выложено уже множество дорог в ад. Вот и стандартизация, при всех своих несомненных достоинствах, обладает столь же несомненными недостатками. Специалистам они давно и хорошо известны, так что здесь укажем лишь очевиднейшие.

Как лучшее – враг хорошего, так стандартное – враг нового. В особо тяжких случаях дело доходит до коммерческого бессмертия: несомненно устаревшее решение успело обрасти столькими сопутствующими системами, что проще и дешевле сохранять эту замшелую древность, нежели переходить на лучшее. Так, Николай Фёдорович Роговцев в 1889-м разработал винтовочный патрон, оптимальный для однозарядных винтовок при тогдашнем ассортименте ствольных сталей: они при значительном настреле так деформировались, что надёжно зафиксировать гильзу в патроннике можно было только упором выступающей закраины в торец ствола. Но приняли этот патрон на вооружение в 1891-м вместе с пятизарядной винтовкой Сергея Ивановича Мосина, и закраина гильзы несколько усложнила конструкцию магазина. А уж для самозарядного и автоматического оружия патрон с закраиной и подавно нежелателен. Тем не менее производство патрона так налажено, а складские запасы так велики, что под него и сегодня разрабатывают всё новые виды оружия. А под них в свою очередь производят те же патроны. Для тех, кому не пришлось стрелять достаточно, чтобы оценить эту конструкцию, приведём пример посвежее: уже давно появился разъём microUSB, но всё ещё выпускается немало оборудования с miniUSB, а на персональных компьютерах стоят изначальные USB, ибо многие устройства обладают именно такими разъёмами (так, flash-диски уже вписаны в размер старого разъёма, но пока ещё слишком велики для новых), и отказ от большого разъёма не позволил бы их использовать.

Стандарты в определённой мере сковывают творчество. Правда, «форма освобождает»: избавившись от размышлений о форме, можно сосредоточиться на содержании. Но всё же и сама форма несколько ограничивает содержание. В результате во многих странах врач, отступивший от стандартного при данном диагнозе порядка лечения и спасший больного, рискует обрести куда больше неприятностей, чем тот, кто строго соблюдал стандарт, хотя пациент погиб. А строгое соблюдение образовательного стандарта оборачивается фактическим запретом преподавать и даже проявлять (что испытал на себе Анатолий в младших классах) сверхстандартные знания и понимание.

Стандарт мешает учитывать не только особенности личностей, но и прочие конкретные обстоятельства. Например, управленческий стандарт *Magister of Business Administration* предписывает избавляться от непрофильных активов, хотя зачастую служебный детский сад или отапливаемый отходящим теплом производства парник улучшает психологический климат настолько, что рост производительности труда многократно перекрывает все затраты на вроде бы постороннюю деятельность. А, скажем, бюрократическому аппарату Европейского Союза оказалось проще объявить морковь фруктом, чем разрешить португальцам производить любимый ими морковный конфитюр вопреки уже имеющемуся стандарту, обязующему членов ЕС производить конфитюры только из фруктов, но не из других съедобных частей растений.

Впрочем, «заставь дурака богу молиться – он и лоб расшибёт». Все эти (и многие не перечисленные нами) издержки не перекрывают выгоды от соблюдения стандартов. Просто надо постоянно продумывать опыт их применения и по мере надобности создавать новые. Но это уже обязанность не метрологов. Поэтому вернёмся к нашему техникуму.

Как и все ранее описанные ВУЗы, он тоже прошёл ряд «реинкарнаций», хотя целых 45 лет «продержался» как «Техникум измерений».

Коллеги отца по Государственной службе стандартных справочных данных (мы упоминали о ней в связи с Виктором Абрамовичем Рабиновичем) планировали преобразование техникума в ВУЗ ещё в годы СССР, но процесс шёл медленнее, чем процесс распада самого СССР. Только в апреле 1990-го года на базе техникума

создаётся «Одесское высшее училище метрологии и качества». В ноябре 1991-го года – за месяц до референдума о независимости Украины – к названию добавляется «... Госстандарта Украины». 31-го августа 1993-го года – перед началом осеннего семестра – появляется более «заграничное» название: «Одесский колледж стандартизации, метрологии и сертификации». В апреле 2007-го это уже «Одесский государственный институт измерительной техники» и, наконец, с января 2011-го перед нами «Одесская государственная академия технического регулирования и качества».

Независимо от широкого диапазона названий и рангов учебного заведения, задача не меняется: подготовка специалистов в области метрологии, стандартизации и сертификации. Подготовлено «всего-навсего» свыше 40 тысяч специалистов для СССР и 38 зарубежных стран. Среди наград за эту масштабную работу – ордена Дружбы Вьетнама и Лаоса, а также многочисленные почётные грамоты и дипломы.

Лабораторный корпус центра стандартизации имеет № 13, а соседний двухэтажный дом – № 7. Так что метрологи могли при строительстве корпуса на месте нескольких небольших домов выбрать и № 9, и № 11, но остановились на № 13. Видно, что они не суеверны.

На первом квартале Кузнечной законный № 1 занимает ОНАС – Одесская национальная академия связи имени Александра Степановича Попова. Точнее, солидное здание её первого корпуса занимает три квартала: по Лютеранскому переулку и параллельному ему переулку Топольского расположены правое и левое крылья здания, выходящего фасадом на Кузнечную. Это территория бывшей Верхней немецкой слободы, а сама академия находится на месте одесского реального училища (ОРУ) святого Павла.

Училище открыто аж в 1825-м году, а в 1858-м – первым из одесских училищ – преобразовано в реальное училище с целью подготовки молодых людей к коммерческой и ремесленной деятельности (там обучались и девушки, но с более скромной целью: «познание домашнего хозяйства»). В училище принимались мальчики и девочки без различия национальности и вероисповедания. В результате, хотя училище существовало на деньги лютеранской общины, а управлял училищем церковный совет, лютеране в 1876–79-м занимали по численности 3-е место (после православных и иудеев)

среди учеников: 15 из 105. Кроме лютеран в ОРУ обучались немцы других вероисповеданий; в 1890-м из 377 учеников было 139 русских, 111 немцев, 83 еврея, 44 поляка. Вот такой одесский интернационал в действии. Самый главный интернационалист – выпускник ОРУ, безусловно, Лейба Давидович Бронштейн (Лев Давыдович Троцкий) с его идеями и планами Всемирной революции. Не удивительно, что он получил такое хорошее образование: среди учителей ОРУ – выпускники Лейпцигского, Дерптского, Новороссийского, Киевского университетов, петербургской Академии художеств, Московской и Киевской духовных академий. Логично, что среди учеников – тоже очень разноплановые личности. Упомянем лишь известнейших: из революционеров, кроме Бронштейна, ещё Пётр Петрович Шмидт^[64]; знаменитый русский спортсмен и один из первых авиаторов страны Сергей Исаевич Уточкин; видный одесский художник Евгений Иосифович Буковецкий; главный конструктор ракетных двигателей главной тяги, а впоследствии ещё и главный конструктор космических ракетных комплексов в возглавленном им объединении «Энергия» Валентин Петрович Глушко.

К 1913-му (ну куда без последнего в Российской империи мирного года!) ОРУ – одно из лучших учебных заведений Одесского учебного округа. Оно имело гимнастический зал, лучший в округе физический кабинет с 1900 приборами, библиотеку в 3000 томов. К 1-му января 1914-го в ОРУ – 524 ученика, что делало его самым крупным среди 22 реальных училищ округа.

После установления советской власти училище преобразовано в немецкую трудовую школу № 38. Её закончила жена упомянутого выше профессора Рабиновича Лидия Яковлевна. Она занималась на отлично, но чуть не «завалила» вступительные экзамены в Политехнической институт, так как совершенно не владела математической и физической терминологией на русском языке даже в объеме средней школы.

Во время Великой Отечественной войны здания бывшего ОРУ разрушены. И вот теперь на их месте монументальный корпус Академии связи.

А началась её история в последний год XIX века – в 1900-м году (блеснём эрудицией, как без этого). В Одессе открываются Высшие курсы телеграфных механиков. Открываются они на

Старопортофранковской улице, № 16 (сейчас это здание не сохранилось; зато по сей день почти не изменилось соседнее, № 14, также связанное с темой книги – сейчас одно из зданий одесского автомобильно-дорожного колледжа): на границе – пусть и отменённого почти за полвека до этого – порто-франко традиционно находились всякие казённые (в хорошем смысле слова) заведения (мы уже поясняли причину этого, стоя у здания художественно-графического факультета Педина). Телеграф был главным видом электрической связи, и в 1919-м году ВПЕРВЫЕ В РОССИИ в Одессе открывается радиотелеграфный завод. Интересно, что открывается он в доме по Софиевской, № 8 – по соседству со зданием, где жил Александр Михайлович Ляпунов. «Ленинград – город маленький», – как говорил редактор издательства Андрею Павловичу Бузыкину в фильме «Осенний марафон».

Поскольку курсы телеграфных механиков функционировали с перерывом, официально свою историю ОНАС отсчитывает с июля 1920-го года, когда на базе курсов открывается Одесский высший электротехникум сильных токов. В 1925-м году при техникуме создаётся слаботочное отделение. Для непосвященных это почти иллюстрация миниатюры из репертуара Аркадия Исааковича Райкина: «Десять лет занимаетесь полупроводниками? Да за это время давно пора перейти на проводники». Понятно, полупроводники и проводники – разные классы веществ с разными применениями. Точно также слабые и сильные токи различаются не величиной, а сферой применения: сильные – в энергетике и химии, слабые – в связи и управлении. Поэтому именно слаботочное отделение и приступило к подготовке инженеров связи.

В 1929-м году Высший электротехникум становится электротехническим факультетом Политехнического института, но ненадолго. Уже летом 1930-го выходит постановление Совнаркома СССР и электротехнический институт становится Одесским институтом инженеров связи (ОИИС). Как мы помним, тогда же появился и ОИИВТ – Одесский институт инженеров водного транспорта.

Декан факультета Самуил Давидович Ясиновский становится директором института. Интересно, что после Великой Отечественной войны он жил в коммунальной квартире, расположенной на одной

площадке с другой коммунальной квартирой, где начал свою жизнь наш отец, а потом – в соответствующие годы – и мы. Таков был уровень быта и, скажем более, уровень стандартов жизни в 1940-е – начале 1950-х годов.

Новообразованный институт получает – дополнительно к зданию курсов телеграфных механиков – здание женского еврейского училища, построенного на деньги сахарозаводчиков Бродских, упомянутых в известной антисемитской фразе «Чай – Высоцкого, сахар – Бродского, шляпы – Строчко, Россия – Троцкого».

Это здание расположено ниже по переулку Топольского – там, где он упирается в Старопортофранковскую. Построил его архитектор Адольф Борисович Минкус. Мы его уже упомянули как архитектора здания холодильного института. Но в 1904-м году он был на 30 лет моложе – и, вероятно, творчески свободнее. К моменту строительства здания в Одессе Минкус уже создал аналогичное училище для тех же заказчиков в Киеве и мог опираться на киевский проект. Но одесский участок был больше, и архитектор построил внушительное двухэтажное здание с большими боковыми ризалитами и с парой глухих полукруглых окон на каждом из них. Очень выразителен был карниз здания и ограда крыши. Конечно, строгий взгляд специалиста увидел бы несомненное смешение готического и ренессансного стилей, однако здание смотрелось очень органично.

Увы, нам придётся потрудиться, чтобы отыскать интересные архитектурные элементы. При последующем строительстве третьего и четвертого этажей основные «изюминки» Минкуса разрушены – только симпатичная решётка на окнах цокольного этажа и на балконе со стороны Старопортофранковской чуть-чуть напоминает об утраченном архитектурном памятнике. Осталось, правда, и интересное конструктивное решение: левое крыло, идущее вдоль узкого Каретного переулка, сделано с уступом от тротуара вглубь, чтобы не превратить переулок окончательно в «каменные джунгли». Как бы то ни было, институт разместился в менее интересном с архитектурной точки зрения, но вдвое большем по площади здании, чем было еврейское училище.

Среди первых выпускников в 1931-м году ОИИС закончил С. М. Плахотник – будущий заместитель Министра связи СССР. А пока он занимается... телевидением. **ВПЕРВЫЕ В СССР** – в марте

1931-го – принята по эфиру из Лондона телевизионная картинка, хотя и малоразборчивая: всего 30 строк (в Москве такой сигнал передан в апреле) – предел возможностей систем с механической развёрткой изображения. В сентябре того же года в Одессе началась собственная телетрансляция^[65]. Затем – в 1935-м – под руководством Плахотника опять же **ВПЕРВЫЕ В СССР** такой телесигнал передан из Одессы в Москву (и завершилась эта серия экспериментов только в 1937-м). А ещё до этого он сконструировал один из первых в СССР телевизоров, который в 1933 году подарен Наркомвоенмору Клименту Ефремовичу Ворошилову. Вот вопрос для викторин (на чистое знание): **«Кто в СССР был первым владельцем телевизора и в каком году?»**. Впрочем, авторы вопросов во всемирном движении «Что? Где? Когда?» могут на основе этого факта придумать вопрос, позволяющий «вычислить» правильный ответ. И то, и другое – большое искусство, но именно в возможности выйти на ответ рассуждениями, а не только знаниями, отличие «ЧГК» от традиционных викторин.

Идём дальше. С 1937-го года институт возглавлял Владимир Андреевич Надеждин – выпускник Военной академии связи. Это не случайно. Страна тогда готовилась к очевидно неизбежной войне, где, как было уже ясно, роль средств связи – одна из важнейших. В институте создаются «военные группы», обучаемые по специальной программе. С началом войны их студенты становятся командирами подразделений связи и в своём деле достигают больших высот.

Выпускник 1941-го года Николай Николаевич Смирницкий дослужился до генерал-лейтенанта и получил Государственную премию за «большой вклад в развитие машиностроения». Можно только догадываться, какая военная тематика скрывается за этой общей формулировкой. Впрочем, некоторое представление о ней даёт его последняя перед уходом в запас должность: начальник главного управления ракетного вооружения и член военного совета ракетных войск стратегического назначения.

Его сокурсник Фёдор Тихонович Канивченко руководил организацией связи Верховного Главнокомандующего на международных Тегеранской и Ялтинской конференциях, а выпускник 1934-го года Архип Григорьевич Молдованов командовал узлом радиосвязи, через который проходила информация в Москву и в Париж с места подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии.

Это сейчас – в эпоху Интернета, смартфонов и WiFi – передать «картинку» из любой точки – не проблема. Но сколько усилий потребовалось от инженеров-связистов в те годы, сложно даже представить.

А ещё раньше – в июле 1941-го – шла напряжённая подготовка института к эвакуации. Одновременно в лабораторных корпусах института на базе нетранспортабельного оборудования – радиостанции, телеграфной лаборатории, дизельной электростанции гарантированного электроснабжения – создан узел связи Приморской армии. Он сыграл чрезвычайно важную роль в героической обороне Одессы. В значительной мере благодаря чёткой работе связи Одесса осталась неразрушенной.

Институт эвакуировали сначала в Гурьев, потом в Ташкент. Там же оказался и Московский институт связи. Для рационального использования преподавателей и лабораторного оборудования институты объединили, и – удивительное дело – возглавил объединённый институт не московский, а одесский директор. В результате из эвакуации В. А. Надеждин с москвичами уезжает в столицу, а «восстановленный в правах» Одесский электротехнический институт инженеров связи возвращается в Одессу. В начале 1945-го года его вновь возглавляет С. Д. Ясиновский.

Как и другим одесским ВУЗам, институту связи пришлось возобновлять занятия в очень тяжёлых условиях: лабораторные корпуса были разрушены, в учебном (в бывшем здании еврейского училища) был, как ни странно, действующий немецкий госпиталь.

В результате невероятно трудных организационных и восстановительных работ уже в октябре 1944-го года впервые после освобождения Одессы от фашистских захватчиков в институт приняли 60 студентов. Они не только учились, но и жили в учебных аудиториях, так как полуразрушенное здание студенческого общежития на Манежной улице – прекрасный образец конструктивизма – временно предоставили преподавателям, возвращавшимся в институт.

Но уже в 1946-м году начинается строительство нового учебного корпуса. Завершили его в 1948-м, но – как бывает в строительстве – отделочные работы длятся до сентября 1953-го года. Архитектор Исидор Самойлович Брейбурд создал очень типичное для того времени здание – трёхэтажное, но монументальное, в чём-то

тяжеловесное, с полукруглой центральной частью, украшенной колоннами, объединяющими второй и третий этаж ризалита. Как говорится, классический «сталинский ампир».

Институту было очень важно получить новое просторное здание. Первые же студенты, полностью отучившиеся в нём и закончившие институт в 1959-м году, дали невероятный научный результат: в этом выпуске 7 докторов и 46 кандидатов технических наук, два лауреата Государственной премии и один лауреат премии Совета министров СССР.

Как бы ни смеялись над наивностью той эпохи – эпохи, когда «партия торжественно провозглашает – нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»^[66] – но все эти лозунги про химизацию, «догнать и перегнать Америку» и прочие привлекали в технические ВУЗы громадное количество энтузиастов.

Они, в частности, в 1954-м году построили в Одессе один из первых в СССР телецентров общего вещания (в 1962-м там впервые появился на экране – в восторженно любующейся химическими опытами массовке учебной передачи – Анатолий), в 1959-м году создали одесские куранты, по сей день исполняющие каждый час на Приморском бульваре мелодию из оперетты Исаака Осиповича Дунаевского «Белая акация» (кстати, очень по-одесски: гимн города – песня из оперетты). Среди таких энтузиастов – выпускников института связи – четыре лауреата высшей премии СССР – Ленинской, четыре лауреата Государственной премии СССР.

В 1967-м году институту присвоено имя изобретателя радио А. С. Попова. Как мы уже отметили, говоря об Императорском Русском техническом обществе, одну из первых демонстраций своего изобретения он провёл в Одессе. В 1970-м напротив центрального входа в Главный корпус института установлен памятник Александру Степановичу. На памятнике азбукой Морзе выбита надпись «изобретатель радио».

В мире с этой надписью согласны далеко не все. Ведь даже первый работоспособный приёмник Попова содержал множество элементов, изобретённых задолго до него другими физиками и инженерами.

Бесспорно и непосредственно ему принадлежит разве что узел обратной связи в приёмнике. Для обнаружения радиоволн,

попадающих в антенну, он использовал созданный французским физиком Эдуаром Эженом Дезире Эдуар-Жозефовичем Бранли когерер – стеклянную трубку, заполненную металлическими опилками. Под воздействием высокочастотных электрических колебаний между опилками проскакивают микроскопические искорки, опилки свариваются – и проводимость трубки возрастает в сотни или даже тысячи раз. Соответственно растёт и проходящий ток, так что можно привести в действие сигнальный прибор. Обычно для этой цели использовали обычный электрический звонок: молоточек, притянутый электромагнитом, бил по металлической чашечке. Но чтобы принять новый сигнал, надо восстановить зазоры между опилками. До Попова когерер встряхивали вручную или в лучшем случае часовым механизмом (в обоих вариантах легко пропустить сигнал). Он же установил звонок так, чтобы молоточек бил не только по чашечке, но и по трубке когерера. Каждый принятый сигнал сам готовил систему к приёму следующего.

В мире куда известнее Гульельмо Джованни Мария Джузеппич Маркони. Он публично продемонстрировал полноценную радиосвязь почти через год после Попова, зато сумел сразу заинтересовать ею директора британской почты и телеграфа, так что быстро стал коммерчески успешным производителем. Попов же сделал своё изобретение, будучи на военной службе (он тогда преподавал электротехнику в минном офицерском классе главной военно-морской базы – Кронштадта), и долго занимался только флотской связью, да и для неё оказался вынужден партнёрствовать с французской электротехнической фирмой Дюкрете. Поэтому продукция Попова стала известна в мире, когда Маркони уже заполнил своими изделиями флоты и наземную связь десятков стран.

Тем не менее радио как полноценную систему связи – взаимодействующие передатчик и приёмник, между которыми прошло содержательное сообщение – первым в мире 7-го мая 1895-го года создал и продемонстрировал именно Попов. А Маркони и другой пионер радиотехники (он первым заменил когерер кристаллическим детектором – одним из первых практически применённых полупроводниковых приборов), а заодно изобретатель кинескопа Карл Фердинанд Конрадович Браун удостоены в 1909-м году Нобелевской

премии «в знак признания их вклада в развитие беспроводной телеграфии». Заметьте: не в создание, а в развитие!

Вообще чем сложнее техническая система, тем сложнее однозначно определить её автора. Скажем, выход СССР в космос обеспечили сразу шестеро Главных конструкторов, отвечающих за разные ключевые элементы конструкции. Тем не менее открывателем космоса признан Сергей Павлович Королёв, ибо именно он взял на себя ответственность не только за своё направление деятельности, но и за объединение на этом направлении результатов труда коллективов, возглавляемых остальными Главными. Так и Попов объединил результаты труда многих десятков исследователей. Поэтому надпись на памятнике сделана по праву, и День радио мы отмечаем именно 7-го мая.

Слева от главного входа – ещё один памятник, установленный пять лет спустя: к 30-й годовщине Победы. Это памятник связистам – дань уважения живых к памяти погибших. К сожалению, не все наши современники испытывают должное уважение к людям, без которых их самих не было бы в живых. Мы хорошо помним: на памятнике был силуэт связиста, пронзаемого молнией. Но охотники за цветным металлом похитили этот барельеф, не только снизив художественную ценность памятника, но и выставив себя в крайне неприглядном свете. Надеемся, когда-нибудь они устыдятся своего деяния.

Во времена нашего студенчества институт связи считался очень тяжёлым для обучения: обилие математики и абстрактных понятий, высокие шансы после окончания работать в «ящике»^[67]... Но число студентов росло, ибо по мере развития связи и, далее, информационных технологий институт становился всё престижнее.

Подобно своему соседу – техникуму измерений – институт связи стал создавать филиалы и заочные факультеты в более «важных» городах: в 1962-м году в Кишинёве, в 1967-м – в Киеве. Теперь в Киеве – благодаря нашей Академии – Государственный университет телекоммуникаций.

Нам не жалко: институт с 1993-го года стал Украинской государственной академией связи, а с 2001-го – Одесской национальной академией связи. Интересно, что в табели о рангах «Одесская национальная» выше «Украинской государственной». Есть о чём задуматься...

На самом деле, как и в случае техникума измерений, дело не в названии. Заметим: за годы существования институт связи не менял название радикально. Во всяком случае, шуточный неофициальный лозунг института – «за связь без брака» – мог быть принят при любом его названии.

Важно, что институт был и остаётся на передовых рубежах техники. Его выпускники всегда востребованы, так как знают совершенно таинственные и загадочные вещи в области телекоммуникации, информационных сетей, мобильной связи и прочем в том же духе. Достижения в этой области мы используем каждый день, при этом всё меньше понимая, как именно работает то, без чего мы никак не можем обойтись. Этот удивительный разрыв между использованием современного технического продукта и пониманием, как он работает, делает нас чрезвычайно зависимыми от магов информационных технологий. Их продолжает обучать и выпускать в этот сложный компьютеризированный и интернетизированный мир Одесская национальная академия связи.

Как и первый квартал Дворянской, первый квартал Кузнечной перекрыт для автомобилей. Точнее, есть узкий проезд на чётной стороне. По нему стыдливо пробираются одинокие машины, но регулярного движения нет. Так что можно немного посидеть на скамеечках перед зданием Академии и передохнуть. Нам ещё предстоит «дорога дальняя, казённый дом», вернее – ещё целый ряд казённых домов.

Здания для книги

Дом, где жил А. М. Ляпунов

Мемориальная доска А. М. Ляпунову

Конструктивистский 6-ти этажный дом

Конструктивистский дом. Балконы с видом на море

**Конструктивистский дом рядом с домом, где жил
А. М. Ляпунов**

Римские бюсты на фасаде одесского дома

Софиевская угол переулка Ляпунова

Софиевская угол переулка Ляпунова Уютный балкончик

Дворик в переулке Ляпунова

**Кирпичный дом и тылы книгохранилища в переулке
Ляпунова**

Классический одесский дворик (переулок Ляпунова)

Разрушающийся модерн в переулке Ляпунова

Медицинский факультет Новороссийского университета

Главный корпус Медина.

Меморіальна доска Д. Н. Вайсфельду

Большая аудитория Медина

Памятник погибшим медикам

Офтальмологическая клиника академика В. П. Филатова

Институт Филатова

Морфологический корпус (Анатомический институт)

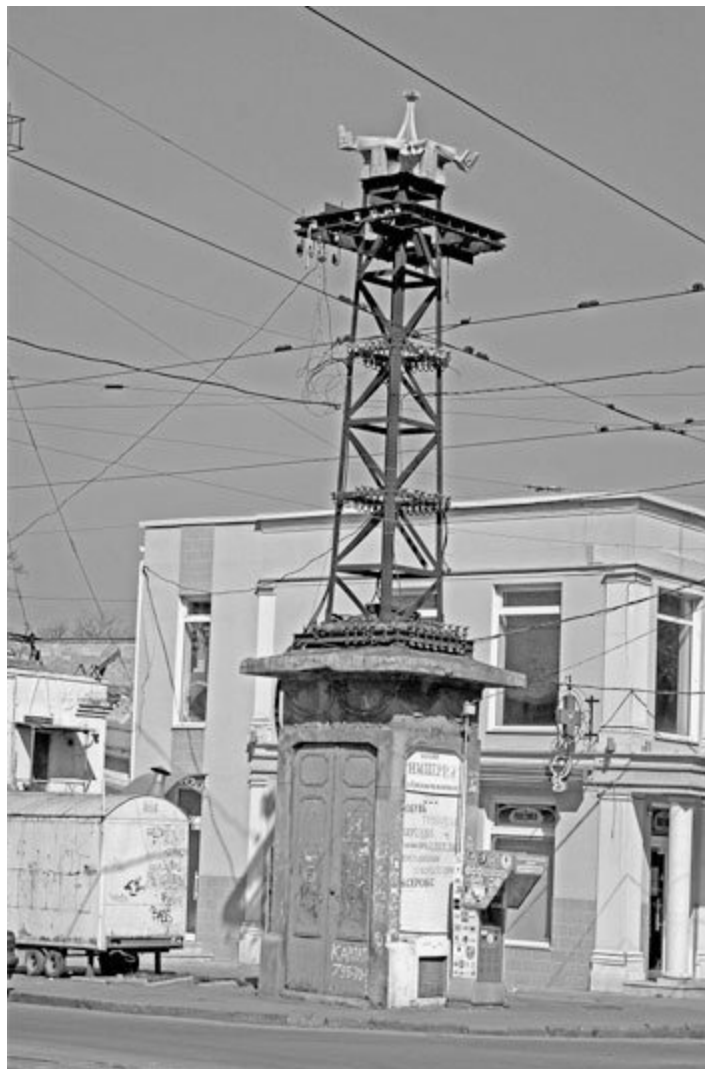
Анатомический институт. Вид с Валиховского переулка

Анатомический институт. Вид с Валиховского института

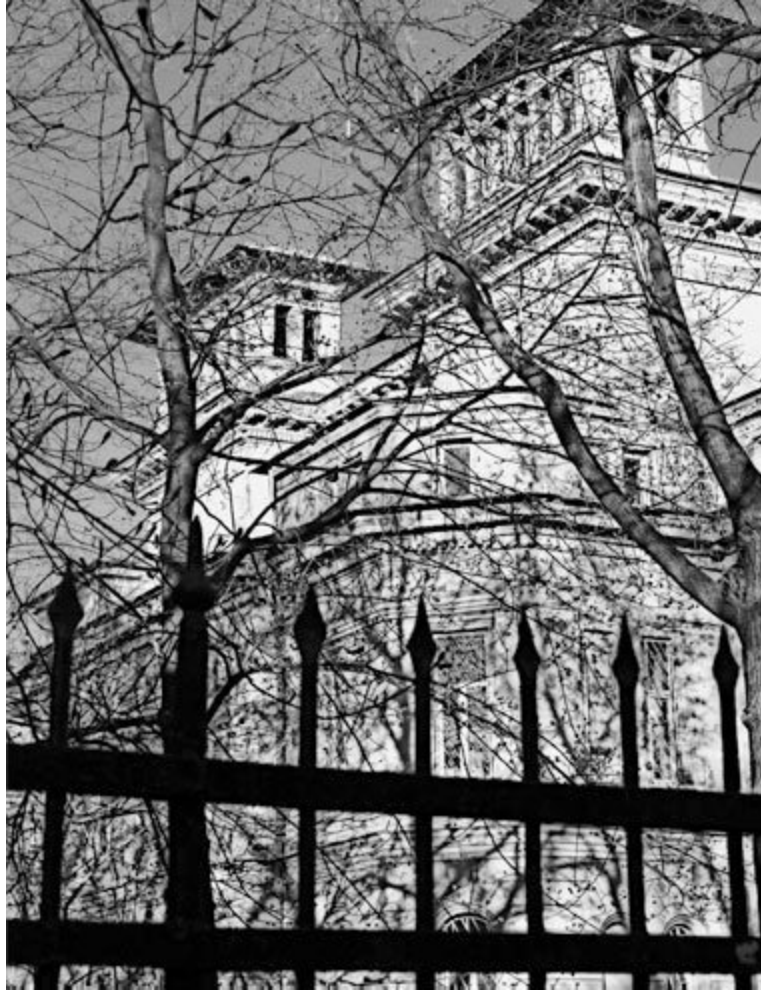
Анатомический институт. Вид со двора Медина

Трансформаторная будка эпохи электрификации Одессы

Валиховская богадельня – ныне инфекционная больница

Комплекс клиник Медина

Комплекс клиник Медина

Клиники Медина в Валиховском переулке

Клиники Медина. Вид с улицы Пастера

Типичная мемориальная доска в Валиховском переулке

Здание Первой скорой помощи

Здание Первой скорой помощи

Открытие станции скорой медпомощи

Похороны Я. Ю. Бардаха

Меморіальна дошка Толстим на зданні Скорой допомоги

Меморіальна дошка професору Бардаху на зданні Скорой допомоги

Городская больница. Арх. Тома де Томон

Первая Городская больница. Арх. Тома де Томон

Здание Одесской бактериологической станции

Бактериологическая станция

Мемориальная доска академику Гамалее

Бактериологическая лаборатория инфекционной больницы

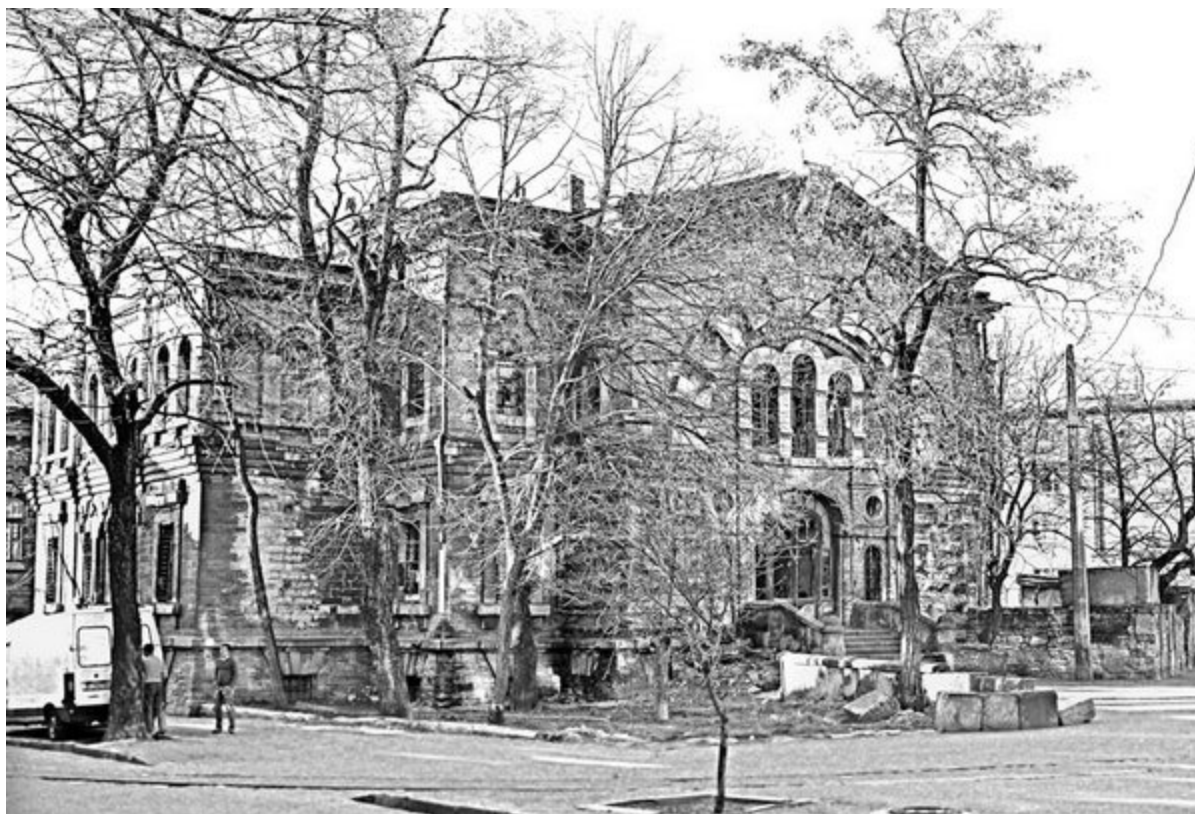
Уникальные балконы на углу Княжеской и Старопортофранковской

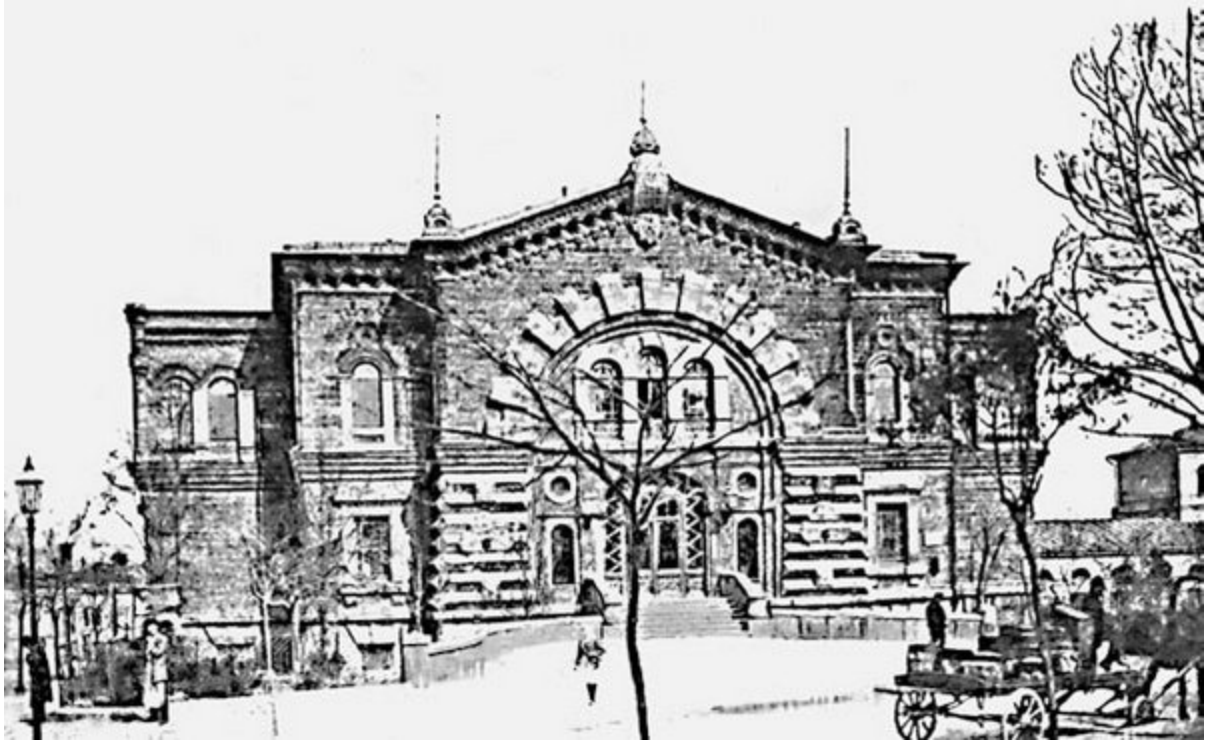
Здания художественно-графического факультете Педина

Здания дешёвых столовых – нынешний художественно-графический факультет

Здание Императорского Русского технического общества

Императорское техническое общество

Здание школы десятников строительного дела

Медучилище и дом, где жили бабушка и дедушка авторов

Дом, где жил В. П. Глушко

Бюст дважды Герою Социалистического труда В. П. Глушко

Мемориальная доска В. П. Глушко

Центр подготовки и аттестации плавсостава

Городская публичная библиотека

Городская публичная библиотека – ныне -Археологический музей

Пожар в театре Сибирякова

Дом, где жили И. М. Сеченов и И. И. Мечников

Мемориальная доска И. И. Мечникову

Дом, в котором жил М. Г. Крейн

Меморіальна доска М. Г. Крейну

Дом, где жил М. Г. Крейн

Театр Сибирякова, дом, где жил М. Г. Крейн и соседний дом

**Коммерческое училище Г. Файга. Ныне – Ришельевский
лицей**

Пастера – Торговая Елисаветинская: Трёхдворный дом

Мемориальная доска Фридриху Вольфу

Физфак Одесского университета

Мемориальная доска В. А. Преснову

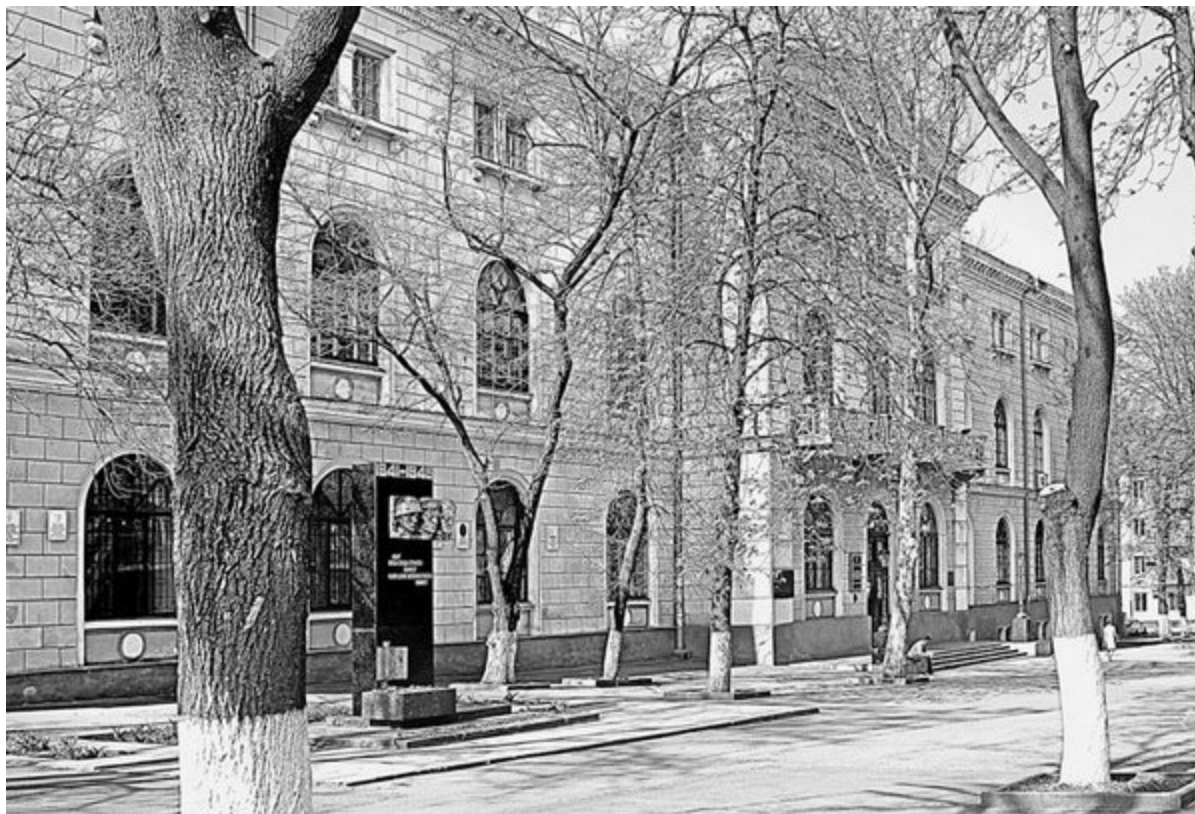

Химфак Одесского университета

Новороссийский Императорский Университет

Университет имени И. И. Мечникова: Главный корпус

Здание страхового общества «Жизнь»

**Мемориальная доска И. И. Мечникову на Главном корпусе
Университета**

Здания художественного училища им. М. Б. Грекова.

Здания художественного училища им. М. Б. Грекова.

Целое и разрушенное здания Художественного училища

Главный корпус Нархоза

Меморіальна доска 2-му полку Морської пехоти на зданні Нархозна

Скульптури на фасаді Коммерческого училища

Политехнический институт в здании Института Благородных девиц

Политехнический институт – Главный корпус

Одесская Духовная Семинария – ныне Сельскохозяйственный университет

Эмблема Политехнического института на Главном корпусе

Пятая мужская гимназия; ныне – Главный корпус сельскохозяйственного университета

Мемориальная доска В. П. Катаеву и Е. П. Петрову

066А. Надгробный памятник генералу Ф. Ф. Радецкому

Дом трёх врачей

Мемориальная доска генералу Ф. Ф. Радецкому

Памятник Апельсину

16. Гидромет, Педин, роддом

Пожалуй, пройдём несколько шагов до переулка Топольского. По нему можно было бы сделать короткий «бросок» направо, чтобы посмотреть дом № 2. Он же – № 66 по Новосельского. Дом не так велик, как описанный нами дом между Торговой и Елисаветинской, но имеет очень запутанные внутренние дворы, переходы к гаражам и т. д. Идеальное место для съёмок приключенческого фильма с погонями, прыжками через ограды и ускользанием преследуемого на другую улицу. Но теперь – как мы знаем – появились надёжные и дешёвые кодовые замки, так что дом мы можем посмотреть только снаружи: влияние технологии на образ жизни. Зато напротив дома № 2 можно зайти во двор Кирхи и посмотреть немецкий бизнес-центр, пристроенный вплотную к ней. Это плата – точнее, расплата – за то, что у города не нашлось денег на восстановление столь прекрасного здания. В результате у Кирхи отрезали старую полукруглую алтарную часть и на её месте построили четырёхэтажное административное здание. Всё по-немецки аккуратно, но абсолютно не стыкуется с самим церковным зданием. «Кто платит деньги, тот и заказывает музыку», в данном случае – отнюдь не церковную музыку.

Идём по Топольского вниз к Старопортофранковской. Справа – результат ещё одной спорной реконструкции. Часть общежития «Водного» института передана компании «Инстрой» – та и перестроила фасад «по своему образу и подобию».

Получились любопытные круглые окна: их – в сочетании с раскраской фасада – можно трактовать как «кадр из фильма «Титаник» – вид на тонущее судно с операторского крана». Как сказано в анекдоте 1997-го года: «Но зато мы получим 11 Оскаров»...

Дальше по нашему курсу здание училища Бродского по левой стороне переулка и здания общежития «Водного» по правой. Об общежитии мы расскажем чуть позже, а пока поворачиваем на восемь румбов – 90 градусов – налево и идём один квартал по Каретному переулку. Кстати, до эпохи тотального возврата старых названий он носил имя Александра Степановича Попова, что, в общем, не так уж и неприлично. Но теперь у нас в Верхней немецкой слободе почти все

названия соответствующие: Лютеранский и Каретный переулки, Кузнечная и Дегтярная улицы. Переулку Топольского (лётчика, героя обороны Одессы) не вернули название Инвалидный – думаем, к радости его жителей.

Пересекаем Лютеранский переулок (осторожно – булыжная мостовая не ремонтировалась Бог знает сколько лет) и оказываемся в квадрате «Пять общежитий». С архитектурной точки зрения интересно только одно здание: общежитие Педина № 1. Это классика конструктивизма, хотя архитекторы Файвиш-Мойше (в советское время Фёдор) Абрамович Троупянский, Ной Моисеевич Каневский, М. А. Кац (увы, эта фамилия столь распространена, что нам так и не удалось найти биографию творца) построили его в 1937–1939-м годах (в провинции все тенденции начинаются и заканчиваются с опозданием). По принципу «сапожник без сапог» самое некрасивое здание – общежитие Строительного института, стандартная пятиэтажка – у студентов Консерватории (они видят красоту и гармонию музыкального мира – остальное, вероятно, излишне). В двух «сталинках» размещены «связисты» и вторые «пединовцы». Так компактно размещены студенты разных ВУЗов. Со статистикой мы не знакомы, но логично предположить, что число «перекрёстных» браков студентов велико.

Мы предлагаем пересечь площадь Льва Толстого (кроме памятника великому писателю «От трудящихся Центрального района в честь пятидесятилетия Великого Октября», на площади продовольственные магазины «Лев» и «Граф») и по Асташкина дойти до Тираспольской улицы. На Асташкина стоит зайти во двор № 6. Там расположена баня № 4. Сейчас, конечно, появилась масса всяких современных саун, но в советское время это было почти культовое место для любителей русской парной. Функционирует баня и сейчас. Но мы не призываем читателей «идти в баню», хотя работает она непрерывно с 1861-го года и среди её посетителей был Виктор Степанович Черномырдин, а просим посмотреть на две мемориальные таблички, установленные во дворе. **ВПЕРВЫЕ В СНГ** они установлены на месте убийства местного авторитета Карабаса, в миру – Виктора Куливары. По многочисленным отзывам, он был человек «строгий, но справедливый», и в «лихие 90-е» во многом просто старался заполнить образовавшийся правовой вакуум.

На первой гранитной доске – суровый мужской портрет и надпись (орфография сохранена):

«Здесь 21 IV 1997
предательски был убит
КУЛИВАР
Виктор Павлович
Вечная и Светлая память о тебе Карабас
От друзей и товарищей»

На второй гранитной доске «Ко дню памяти нашего соседа по улице Старорезничной (Куйбышева) В. П. Куливар – посвящается» и далее стихотворение на восемь четверостиший. Это не прикол вроде появившейся на 10 минут на Одесской киностудии «мемориальной доски» «Здесь с 1966 по 1980 год терзаемый бандеровцами режиссёр Говорухин снял фильмы...» и далее по списку, включая «Место встречи изменить нельзя». Это «чисто-конкретный» факт – его может увидеть любой читатель, если проследует по описываемому нами маршруту.

Если баня пережила все невероятные события и перемены за прошедшие примерно полтора века, то соседнему предприятию не повезло. На углу Асташкина и Тираспольской была расположена одесская табачная фабрика – ЕДИНСТВЕННАЯ в России, выпускавшая папиросы с фильтром: «Сальве», что в переводе с латыни значит «Будь здоров». Маяковский, хотя и бывал в Одессе, допустил ошибку в своей рекламе:

*Нами оставляются от старого мира
только – папиросы «Ира».*

Папиросы «Сальве» тоже благополучно пережили всякие революции и войны, выпускаясь в Одессе с 1910 года. Ответом на рекламу Маяковского была наша реклама – тоже в стихах, естественно, но авторство её принадлежало коллективу фабрики (почти как мечтал и сам поэт-трибун в своей поэме «150 000 000»):

*Слава уходит, как дым
деньги уходят, как дым
жизнь уходит, как дым
ничто так не вечно, как дым папирос Salve*

Философский взгляд, не правда ли?

Конечно, «КУРЕНИЕ УБИВАЕТ», но всё равно грустно смотреть на разрушающееся – некогда могучее – здание. С другой стороны, мужчин с усами сейчас сравнительно немного, курение в мороз в перчатках тоже не в ходу, так что две основные причины распространения папирос исчезают. Интересно, как распорядятся площадью, когда здание окончательно разрушится?

Ещё две интересные подробности. Во-первых, производство начиналось на Малой Арнаутской улице: помните, Бендер объяснил Воробьянинову – «Всю контрабанду делают в Одессе на Малой Арнаутской улице». В разрушающемся ныне доме фабрика продолжила работу уже после войны, т. к. здание на Малой Арнаутской было разрушено, а оборудование, в том числе и know-how – машинки, сворачивающие папиросные гильзы сразу вместе с хлопковыми фильтрами – вывезли румыны. Во-вторых, оба здания построил уже знакомый нам архитектор Минкус. Какой-то он невезучий, право: одно здание разрушила война, другое – после банкротства предприятия – разрушается на наших глазах, еврейское училище перестроили с уничтожением всех архитектурных красот. И только корпус Холодильного стоит непоколебимо.

Мы повернули на Тираспольскую. Она теперь напоминает саму себя в начале XX века тем, что деревья на ней снова молодые. Это одно из основных впечатлений при просмотре старинных фотографий Одессы – молодые и тоненькие деревья совершенно изменяют облик даже очень знакомых улиц.

Тираспольскую несколько лет назад радикально расширили. Наши предки сделали нам замечательный подарок. Они строили улицы так, будто знали, что через 100–150 лет нам придётся как-то размещать десятки тысяч автомобилей. В результате почти на любой улице можно вдвое расширить мостовую и при этом останется довольно приличный – по европейским меркам – тротуар. Приходится, увы,

жертвовать деревьями. Но новые уже высажены, а общий баланс очистки воздуха деревьями минус загрязнение воздуха автомобилями может быть даже в пользу реконструкции: молодые деревья меньше очищают воздух – но автомобили, не стоящие в пробках на узких улочках, его и меньше загрязняют.

Самые неутомимые экскурсанты могут пересечь Тираспольскую (строго по светофору; «Safety First», как пишут на надстройках всех танкеров) и попасть на Базарную улицу. На углу с Тираспольской встречаем мясной магазин «Три поросёнка» – достаточно своеобразный (и, пожалуй, не одесский) юмор. Базарная улица приведёт не к базару, как можно предположить, а к дому, где родился Леонид Осипович Утёсов. Двухэтажный дом, честно говоря, ничем не примечателен, а во двор и вовсе не попадёшь, если не дождёшься кого-то из жильцов. Впрочем, внутри, как и снаружи, аккуратно, но не очень живописно. Интересно, конечно, то, что дом расположен на углу Базарной и улицы Утёсова. Утёсову повезло не просто родиться в Одессе (о чём он темпераментно писал в своих мемуарах), но ещё и в Треугольном переулке. Скромное название переулка позволило переименовать его в улицу Утёсова – и получается, что Утёсов родился на улице своего имени (как Лев Толстой умер на станции «Лев Толстой»).

Интересно, что малая родина Кирова (Сергея Мироновича Кострикова), чьё имя носила улица Базарная при советской власти, не город Киров и даже не Вятка (как город назывался в год его рождения), а Уржум Вятской губернии. Конечно, земляки товарища Кирова хотели после его убийства в 1934-м году назвать город его именем – но было их в том году каких-то 7–8 тысяч человек, так что конкурс выиграла Вятка. Впрочем, именем Кирова было названо такое количество населённых пунктов СССР, включая нынешний областной центр Украины Кировоград, что уржумцам (или уржумчанам, интересно – как правильно?) не стоило расстраиваться. Они сохранили самобытное название.

Мы просто не могли пройти мимо дома, где родился человек, заслуживший всеобщее уважение не только как самый недисциплинированный учащийся у Файга (о чём сказано выше). Но наша цель строго связана с темой экскурсии. На Базарной, № 106 размещался Одесский гидрометеорологический институт.

Здесь снова не можем не отметить совпадения двух Пальмир: Северной – Санкт-Петербурга и Южной – Одессы («Южной», разумеется, относительно не подлинной, а Северной Пальмиры). На весь СССР было два холодильных и два гидрометеорологических института, один – в Северной, другой – в Южной Пальмире. Совсем строго, питерский Гидромет родился в Москве (столице СССР) и переведен в Ленинград в 1944-м году, а Одесский родился в Харькове (в то время – столице УССР) и переведен в Одессу в том же 1944-м году. Так что стройности картины места рождения этих ВУЗов-близнецов не меняют.

Одесский холодильный «влили» в Пищевую Академию, питерский – в Ленинградский институт точной механики и оптики. Ленинградский гидромет сейчас – Российский государственный гидрометеорологический университет, а вот одесский, представьте себе – Одесский государственный экологический университет. Вот как далеко могут завести прогнозы погоды.

Интересно, что сближения были не только по линии Одесса – Ленинград, но и в самой Одессе: после войны Гидромет размещался в том корпусе нашего Холодильного, что изначально был водолечебницей, а в наше время оба института делили физкультурный комплекс с бассейном. Из мавританского здания водолечебницы гидромет перебросили в начало улицы Чкалова, но оттуда его вытеснило одно из множества импровизированных нововведений Н. С. Хрущёва – Совнархоз, то есть региональный (в данном случае областной) совет народного хозяйства, управляющий всеми предприятиями региона независимо от их отраслевой направленности (это упростило взаимодействие внутри каждого региона, но резко затруднило межрегиональное технологическое взаимодействие: даже металлургам с машиностроителями стало труднее согласовывать планы). Во времена нашего студенчества Гидромет был на тихой улице Кирова – как раз там, где мы сейчас стоим и про него рассказываем.

Поскольку прогнозы погоды нужны всем и всегда, институт, наверное, занимал первое место среди ВУЗов Одессы по проценту иностранных студентов. Кубинцев было так много, что после XXIV съезда КПСС Фидель Кастро прилетел в Одессу и произнёс пламенную – как обычно – речь перед ними в Оперном театре. В речи Команданте потрясло детальное знание истории Одессы – в частности,

множество фактов из её героической обороны в Отечественную войну. Как выяснилось впоследствии, всё это он выпросил у сопровождающих лиц во время перелёта из Москвы в Одессу...

В начале 1980-х институт начал строиться в дачном районе. Сначала были построены общежития, потом учебные корпуса. Потом Главный корпус на Кирова-Базарной и вовсе оставлен. Сейчас прекрасное здание стоит с выбитыми окнами – немой укор классической бесхозяйственности.

В связи с Гидрометом расскажем короткую одесскую легенду. В районе пляжа «Отрада» располагалась институтская гидрометеорологическая станция. Место было дорогое, его решили занять под что-то более доходное. В ответ на возражения учёных было сказано: «Зачем нам станция, когда прогноз погоды можно посмотреть в Интернете». Вот с такими наследниками Фонвизинского Недоросля можно столкнуться в наше время.

По Тираспольской доходим до редких в Одессе «пяти углов». В небольшом скверике некоторое время назад было запланировано восстановление Мещанской церкви. Точное название, конечно, другое – церковь Вознесения Господня. Но возводили её на деньги мещанского общества Одессы, поэтому в народе она так и называлась Мещанской.

Судя по фотографиям, это была одна из красивейших церквей Одессы. В газете «Одесский вестник» (июнь 1893-го года) здание характеризовали так: «Самая красивая и самая большая церковь в русском стиле, несомненно, церковь, сооружаемая (против Тираспольской улицы на бывшей Старопортофранковской) мещанским обществом, во имя Вознесения Господня, в память чудесного спасения Государя Императора Александра II [имелся в виду промах захудалого дворянина Дмитрия Владимировича Каракозова, стрелявшего в Александра Николаевича Романова 1866.04.04; по официальной версии, террориста ударил по руке ремесленник Осип Иванович Комиссаров, удостоенный за это дворянства; средства на церковь собирали четверть века]; вскоре она будет совершенно окончена. Церковь пятикупольная, с изящной, довольно высокой, колокольной (до 16 саж. [около 34.5 м]). Проект церкви составлен архитектором Дмитренко».

Церковь имела одну необычную особенность: она была вписана в имеющееся пространство площади, поэтому не сориентирована по сторонам света, как требовал религиозный канон. При строительстве церкви архитектор Дмитренко победил православного Дмитренко.

По ходу нашего движения на углу Тираспольской и Старопортофранковской – могучий дом в стиле модерн. В нём – просто в квартирах! – проходили занятия Нархоза в послевоенное время, когда наша мама начинала в нём учиться. Дом солидный, квартиры и комнаты большие, это как-то «укладывается в голове». Но в начале Колонтаевской мы видим очень скромный четырёхэтажный дом буквально на четыре окна по фасаду. И в этом доме тоже были занятия Нархоза. Это уже совершенно поразительно!

Переходим на чётную сторону Старопортофранковской. Здесь, как мы уже дважды отмечали, сплошная череда «казённых домов».

Начнём с домов «мещанских». Одновременно с храмом и рядом с ним заложили строительство большого инвалидного дома для одесских мещан. Рядом возвели ещё одно здание, где разместились канцелярия мещанской управы и училище для детей бедных мещан. Содержать училище предполагалось за счёт доходов, получаемых от отданных в наём торговых лавок, устроенных на первом этаже.

Мещанское сословие в имперской России теоретически имело права на некоторое самоуправление, но фактически это право осуществлялось исключительно в Петербурге, Москве и, как видим, в Одессе – только тут функционировали мещанские общества: вели обширную просветительскую и благотворительную деятельность, строили церкви. Одесский Мещанский храм разрушили в 1930-е – и не ясно, восстановят ли. А вот три «мещанских здания» благополучно дожили до наших дней. Их занимает Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского.

Пора поговорить об этом ВУЗе. Герой классического еврейского анекдота последовательно женился на двух сёстрах по очень уважительной причине: первая жена умерла. Желая смягчить печальное известие о кончине второй жены, он сформулировал его для тестя и тёщи следующим образом:

– Вы, конечно, будете смеяться, но Сара тоже умерла.

Кстати, теоретики межэтнических отношений утверждают: многие анекдоты евреи сами придумывают о себе, создавая

своеобразный громоотвод для/от антисемитизма.

Так вот, «вы, конечно, будете смеяться», но наш – в просторечии – «Педин» начинает свою родословную со 2-го мая 1817-го года. Как известно, в этот день Указом ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА (все большие буквы – как в тексте Указа) утверждён Устав Ришельевского Лицея. Мы уже рассказывали про это своеобразное учебное заведение. Но – в связи с Педином – дополнительно укажем следующее:

Лицей состоял из четырёх учреждений. Первые три класса представляли подготовительное училище: чтение, письмо, начальные знания по арифметике и религии. Ничего выдающегося – правда, чтение и письмо на русском, греческом, итальянском, немецком и французском языках. Далее пять лет собственно лицея: снова языки, а также словесность, география, математика, физика, танцы, фехтование и военное дело. Что-то очень похожее на программу Царскосельского лицея.

Затем было два высших дополнительных училища или факультета (всего по два года каждый): правоведение и политэкономия или коммерческие науки и бухгалтерия. И, наконец, был тот самый Педагогический институт, от которого ведёт отсчет наш Южноукраинский университет. Выпускники его оставались в лицее: сначала надзирателями (нехорошее слово, скажем лучше – воспитателями), а затем – адъюнктами профессоров (тоже неясное слово, скажем лучше – помощниками – или, ещё лучше – заместителями профессоров).

За свою длинную историю институт подготовил около 100 000 педагогов – невероятное число. Настоящая «изюминка» – то, что в институте готовили преподавателей физкультуры, причём отбирали хороших спортсменов. Так что на вступительных экзаменах абитуриенты сдавали, например, плавание. В результате только на Олимпийских играх и только золотых медалей студенты и выпускники Педина получили 22.

Мы ещё немного расскажем о Педине около его главного корпуса, а пока пару слов о библиотеке. Сейчас она занимает здание бывшего мещанского инвалидного дома. Судя по его внешнему виду, одесские мещане были небедные и нежадные.

Библиотека организована в 1922-м году и к началу Великой Отечественной войны насчитывала около 230 тысяч книг. С началом войны самые ценные книги вместе с Педином эвакуированы в Майкоп. Однако из-за продвижения врага на Северный Кавказ институт из Адыгеи эвакуировали в Байрам-Али в Туркмении. При этом транспорт с библиотекой попал под бомбёжку и все книги погибли. В эвакуации удалось собрать в библиотеку только 6000 книг – они стали основой возрождения её фондов после войны. При этом по доброй традиции пополнение идёт не только централизованно, но и передачей литературы из частных библиотек, включая книги из библиотеки профессора Александра Яковлевича Бардаха – сына микробиолога Якова Юлиевича Бардаха, о котором мы уже рассказывали. Сейчас в библиотеке около 400 000 экземпляров монографий и учебников по педагогике, психологии, искусству, физике, математике и другим областям знаний, по которым в Педине готовят педагогов.

Продолжаем поход по Старопортофранковской. Для полноты картины отметим: в тылу зданий Педина на улице Мечникова расположено Мореходное училище № 3 – оно готовит матросов и мотористов и входит в состав... Одесской Юридической Академии.

Кстати, до Педина здание по Старопортофранковской, № 34 занимало ещё одно Морское училище – оно готовило коков, то есть морских поваров. На память об этом остались якоря у входа. Рядом – на Старопортофранковской, № 32 – серый шотландский замок – правда, только двухэтажный. Это бывшее шестиклассное девичье училище, ныне – средняя школа.

Ещё одно высшее учебное заведение расположено тут же – на улице Ленинградской, разделяющей здания № 32 и № 34 по Старопортофранковской. Это Христианский Гуманитарно-Экономический Открытый Университет. Если заглянуть на сайт^[68], то можно ожидать, что Университет – с таким количеством факультетов, специальностей и даже Теологической Академией в своём составе – должен занимать громадный комплекс зданий. В действительности всё скромнее...

Продолжаем движение по Старопортофранковской. № 28 – один из корпусов Одесской Академии Строительства и Архитектуры (бывший «Ночлежный дом барона Масса»). Поскольку главный

комплекс расположен чуть дальше – на улице Дидрихсона, даже более насыщенной учебными заведениями, чем Старопортофранковская, отложим рассказ о Строительном.

Напротив дома № 28 возводятся (и – судя по темпам – к моменту издания книги будут завершены) здания Жемчужин № 16 и 17. Это серия домов, возводимых в Одессе крупнейшим инвестором Аднаном Киваном. Сириец по происхождению строит в Одессе много, с размахом, ломая как старые дома, так и стереотипы о невозможности строительства в историческом центре домов по 18 этажей.

Далее по ходу движения Старопортофранковская, № 26 – главный корпус Педина. Он расположился в здании Второй Гимназии, построенном в 1896-м году. Судя по солидности здания (хотя третий этаж достроен уже в советское время), заведение было серьезным. Среди его учеников – не только люди искусства вроде художника (и отца поэта, ставшего лауреатом Нобелевской премии по литературе) Леонида Осиповича Пастернака и кинорежиссёра (более всего известного фильмами «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918-м году») Леонида Захаровича Трауберга. «Главный» ученик гимназии – выдающийся учёный, академик и одновременно Герой Советского Союза и организатор исследования Северного морского пути Отто Юльевич Шмидт. Таким образом, Одесса связана с обоими знаменитыми Шмидтами: лейтенант Шмидт родился в нашем городе; «академик, Герой, мореплаватель и, возможно, иногда – плотник» учился здесь в 1901–1907-м годах.

Конечно, Отто Юльевич Шмидт – один из основателей и Главный редактор Большой Советской энциклопедии, вице-президент Академии наук СССР, начальник Главного управления Севморпути – заслуживает отдельного рассказа. Увы, мы ограничены временем нашей экспедиции: оно на порядки короче знаменитых полярных экспедиций, возглавлявшихся героическим академиком. Только побывав в пяти рейсах по Севморпути, один из авторов (Владимир) мог оценить как богатство и притягательность Севера, так и мужество участников экспедиций в те суровые края на пароходах в 1930-е годы.

Не можем, однако удержаться от «байки» про академика. В конце жизни он разрабатывал теорию образования планетных тел в результате конденсации околосолнечного газово-пылевого облака. Когда его водитель спросил, чем он сейчас занимается, он стал

рассказывать об этой теории. Огорчённый водитель, помня о героическом прошлом своего пассажира, сказал:

– Могли бы прямо сказать, что не имеете права рассказывать о Вашей секретной работе...

Ещё один Герой, учившийся в этом здании, но уже в советское время – генерал армии Семён Кузьмич Цвигун. Интересно, что первый заместитель Председателя КГБ СССР – Герой Социалистического труда, а академик Шмидт – Герой Советского Союза. Правда, Шмидт получил звание в 1937-м году, когда отдельного звания для Героев Социалистического труда ещё не придумали^[69].

Семён Цвигун закончил наш Педин в том же 1937-м году. Учителем он недолго и с 1939-го года начал работу в НКВД. Детали участия Цвигуна в Великой Отечественной войне не ясны. Если довериться его книгам и киносценариям^[70], Семён Кузьмич руководил какими-то из частей специального назначения (не партизан, а воинских частей!), действовавших в тылу врага. Однако по другим сведениям, товарищ Цвигун ещё до начала боёв отозван из Сталинграда в Чкаловскую (ныне Оренбургскую) область, все книги писал «из головы», а карьеру чекиста сделал благодаря дружбе в Молдавии с будущим Генеральным секретарём Брежневым. Смерть его также таинственна. По канонической версии, самоубийство вызвано раком лёгких с метастазами. По более авантюристической версии (см. роман Фридриха Евсеевича Незнанского и Эдуарда Владимировича Топельберга – Тополя – «Красная площадь») смерть вызвана «крутыми» интригами в высших эшелонах власти СССР.

Как бы то ни было, жизнь этого выпускника Педина повлияла на современный облик нашего мира. Он рекомендовал вместо себя на пост Председателя КГБ Азербайджанской ССР отца нынешнего президента Азербайджана товарища (впоследствии Господина Президента) Гейдара Алиевича Алиева. Также он рекомендовал Михаила Сергеевича Горбачёва на пост первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС. Последствия всем известны.

Возможно, поэтому на главном корпусе нет мемориальной доски генералу армии С. К. Цвигуну. Фасад здания украшают доски О. Ю. Шмидту, известному украинскому поэту Степану Ивановичу Олейнику, учившемуся на литературном (!) факультете Педина в 1930-е годы, а также памятная доска его выпускникам – Героям Советского

Союза – Анатолию Яковлевичу Коваленко, Владимиру Степановичу Моргуненко и Василию Петровичу Мусину.

Большое количество Героев Советского Союза, связанных с Педином, дало основание этому ВУЗу занять дополнительно корпуса Сергиевского артиллерийского училища в престижном районе Одессы «Большой Фонтан». Комплекс зданий училища стилистически напоминает Московский Кремль. На самом же деле здания построены не итальянцами, а военным инженером Павлом Ефимовичем Кошличем, и, естественно, не на рубеже XIV–XV веков, а в 1913–1914-м годах.

Уникальное украшение комплекса по Фонтанской дороге, № 4 – металлическая ограда из стволов батарейных орудий, участвовавших в Русско-турецкой войне 1877–1878-го годов. Пушки отлиты на Обуховском заводе в Санкт-Петербурге, о чём говорит мемориальная доска прямо на ограде. Сейчас на территории бывшего училища находятся институты: психологии; физической культуры и реабилитации; искусств.

Национальный Педагогический Университет имеет ещё два, выражаясь современным языком, кампуса. Первый из них – Институт начального и гуманитарно-технического образования университета – находится в новом районе города, и, естественно, в новом здании. А вот второй кампус размещён в центре, примерно в трёх кварталах от Главного корпуса. Институт дошкольного и специального образования, а также факультет последипломного образования и работы с иностранными гражданами сегодня занимают помещения теплотехнической лаборатории Одесского Политехнического института, где стоял один из котлов профессора Д. И. Рабиновича «ОПИ-ДИР».

Исследования на этом котле легли в основу кандидатской диссертации папиного сокурсника Владимира Васильевича Тищенко – он потом много лет преподавал физику в Политехе. Так что судомеханики превращались не только в теплофизиков, но и в чистых физиков. Владимир Васильевич имел частный дом, что было большой редкостью, причём выстроил дом, как говорится, собственными руками. Визиты в это гостеприимное и хлебосольное место, встречи с Владимиром Васильевичем и его женой (кстати, доктором химических наук) Марленой Алексеевной были для нас всегда настоящим

праздником. Отец Марлены Алексеевны был ректором Одесского фармацевтического института. Институт этот из Киева перевели в Одессу в 1935-м году – тогда не всё хотели концентрировать в столице. Если бы не перевод института в Запорожье в 1959-м году, у нас был бы ещё один экскурсионный объект. В Запорожье институт «вырос» до Медина с фармацевтическим факультетом в своём составе.

Продолжаем идти по чётной стороне Старопортофранковской. В начале следующего квартала нас встречает старейший родильный дом Одессы. В нём, среди прочих, родились оба автора книги. Заметим, что стандартная надпись на мемориальных досках «В этом доме родился...» не верна для большинства персон, кому посвящены эти доски, если речь идёт о людях XX века: они рождались всё же в роддомах. Было бы забавно увековечивать их память прямо на фасадах этих учреждений (смайлик).

Нам же довелось побывать в служебных помещениях роддома ещё раз. Эта необычная для немедиков и потому до сих пор памятная ситуация возникла по прозаической причине, характерной для эпохи дефицита: в роддом во время ремонта завезли лимонную плитку, а мы для домашнего в то же время достали белую. Наша мама – как сотрудник Минздрава (и, кстати, «Отличник Здравоохранения») – договорилась о взаимовыгодном обмене.

Самым энергичным экскурсантам можем предложить обогнуть роддом слева и выйти на параллельную улицу – Мечникова. В самом её начале мы уже были. В тылу роддома стоит здание общежития музыкального училища им. К. Ф. Данькевича. Здание – прекрасный образец модерна, очень неожиданный на этом квартале. Любопытно также, что по фасаду оно очень узкое, но в глубину простирается аж до следующего квартала. При таких пропорциях даже сложно вообразить его внутреннюю планировку.

17. Два института на Институтской улице

Вернёмся к роддому и продолжим поход. Наша цель – институт Благородных девиц.

Чуть дальше по ходу движения по нечётной стороне уже известное нам здание лабораторного корпуса Академии Связи (бывшее здание женского еврейского училища). За ним по Старопортофранковской, № 59 два корпуса общежития «Водного института». Первое здание – прекрасный образец конструктивизма, не хуже упомянутого ранее и построенного в том же стиле общежития Педина. А ведь общежитие «Водного» архитектор А. Зайденберг и инженер Л. Т. Гельман возвели в 1928-м году – за 10–11 лет до строительства общежития № 1 Педина. Так что берём назад свои слова о запаздывании архитектурных тенденций в провинции. Впрочем, какая Одесса провинция?

Интересно, что общежитие для родственного ВУЗа – Горьковского (Нижегородского) «водного» построено в 1935-м году в том же стиле. Почти «3-я улица Строителей» из «Иронии судьбы». Правда, в Нижнем Новгороде общежитие на пять этажей, а в Одессе – на четыре. Зато в Одессе было три корпуса, охватывающие обширный двор – целый Студгородок. «Пролетарский Студгородок» – так назывался он на фотографиях тридцатых годов.

Одно из зданий, расположенное по переулку Топольского, радикально перестроено строительной фирмой, его арендующей (об этом мы уже рассказывали). Второе разрушено после войны, а на его месте построено новое. Так что «чистый» конструктивизм остался только в главном корпусе общежития, занимающем угол переуллка и Старопортофранковской.

Продолжим наш поход. Мы хотим охватить ещё три одесских ВУЗа. Это несложно: они расположены на одной улице и занимают смежные площадки.

Для этого, не доходя до конца квартала Старопортофранковской, можно пересечь скверик и спуститься по небольшой лесенке на улицу Дидрихсона, бывшую Институтскую. Морской университет, Академия строительства и архитектуры и Морская Академия занимают всю

чётную сторону этой небольшой и уютной улицы, а Морская Академия – ещё и часть нечётной стороны.

Но для полноты обзора мы можем по Старопортофранковской дойти до улицы Торговой и пересечь её. На следующем квартале разрушающееся здание – бывшая фабрика мороженого. Как ни странно, в миллионной (а летом – двухмиллионной) Одессе фабрика доведена до разорения, так что теперь мы живём на привозном мороженом. Но мы рассматриваем это здание не как пример «эффективного менеджмента». Для темы нашей экскурсии интересно то, что перед нами здание Второй женской гимназии – может быть, в своё время красивейшее среди 8 учебных заведений и 10 приютов Старопортофранковской. Как мы уже видели, в остальных общественных зданиях, построенных в конце XIX века на пустыре – бывшей границе «порто-франко» – благополучно разместились различные одесские ВУЗы. Не повезло только Женской гимназии. И всё из-за церкви Григория Богослова, расположенной рядом с гимназией. В ней разместили склад городского холодильника, а в гимназии – сам холодильник. Для «плавности» перехода от гимназии к холодильнику в здании с 1930-го по 1941-й год находился и Украинский научно-исследовательский холодильный институт (УкрНИХИ), возглавляемый крупным учёным профессором «Водного» института Соломоном Даниловичем Левенсоном. Ещё раньше гимназию плавно сменила стройпрофшкола № 1. Её закончил – получив там, кстати, достаточно фундаментальные знания – будущий Главный конструктор ракетно-космической техники Сергей Павлович Королёв. Мемориальная доска, посвящённая этому факту, имеется на здании до сих пор, но не на фасаде, а на тыльной стороне. Впрочем, так она лучше видна сотням студентов, идущим в густо расположенные одесские ВУЗы из не менее густо расположенных по соседству общежитий.

Из этих общежитий архитектурный интерес представляет здание общежития № 1 Академии связи – Манежная, № 42. Это третий образец конструктивизма среди зданий студенческих общежитий Одессы. Любителям этого архитектурного стиля стоит обогнуть здание гимназии-холодильника и пройти немного по улице Мечникова до Т-образного перекрёстка с улицей композитора Нищинского. На Нищинского, № 1, как мы помним, в бывшей теплотехнической

лаборатории Политеха находится одно из отделений Педина, а чуть дальше от Т-образного перекрёстка уже самой улицы Нищинского и улицы Манежной – искомое конструктивистское здание. Вот такая нетрадиционная для одесской прямоугольной сетки улиц топография.

Итак, мы осмотрели все окрестности и выходим на финишную прямую. Первый из ВУЗов включённой в экскурсию троицы – Одесский национальный морской университет (ОНМУ). Мы говорили, что ближайшая наша цель – Институт благородных девиц, и не обманывали вас: главный корпус ОНМУ расположен именно в здании, принадлежавшем этому институту.

С другой стороны, морской университет закончил в 1952-м наш отец – и трудится в нём же с 1956-го по сей день! Поэтому нам очень дорого это учебное заведение. С точки зрения сюжета мы должны оставить ОНМУ на самый финал экскурсии. Давайте так и сделаем.

Для этого переместимся в конец улицы Дидрихсона (Институтской) и начнём рассказ о расположенной там Одесской Национальной Морской Академии (ОНМА).

Поскольку мы уже цитировали высказывания Великого одессита Михаила Жванецкого о трёх китах, на которых держится Одесса, можно сказать, что сейчас мы приблизились к третьему – флотскому – киту.

А началось всё почти двести лет назад – в 1816-м году, когда одесские купцы выделили из городской казны 6500 рублей на финансирование коммерческой гимназии и ходатайствовали перед властями о «введении в гимназии навигационного класса, для обучения гимназистов науке, которая и по положению города, и по роду занятий жителей наиболее ему полезна».

В конце XIX века – 1-го июля 1898-го года – в Одессе торжественно открыты «Классы торгового мореплавания», преобразованные уже в 1901-м году в «Училище торгового мореплавания». Здание училища возводит в 1902–1903-м годах один из лучших одесских архитекторов «всех времён и народов» Лев Львович Влодек. Мы до сих пор можем любоваться этим прекрасным зданием, если прогуляемся в начале улицы Канатной.

Кстати, название «Канатная» тоже вполне морское: в самом её начале открывается живописный вид на порт, а заканчивается она в районе канатного завода. Тот начинал свою деятельность на заре

Одессы с производства морских канатов. В эпоху парусного флота это один из важнейших элементов такелажа судов.

После окончательного установления советской власти в Одессе в 1920-м году училище переименовывается в «Техникум водных путей сообщения», а в 1931-м году – в период бурных преобразований в системе ВУЗов Одессы – в «Одесский морской техникум». Кстати, как мы уже отмечали в тогдашней «табели о рангах» техникум был приравнен к ВУЗам.

Именно одесский морской техникум закончил самый известный советский подводник Александр Иванович Маринеско. Этот факт засвидетельствован и на мемориальной доске, и в названии училища – ныне оно «Мореходное училище им. А. И. Маринеско». Изучая эту доску, отметим значительное количество мемориальных досок и другим выпускникам училища; только главный корпус Университета им. И. И. Мечникова может конкурировать с этим изобилием.

В 2008-м году училище вошло в состав Одесской морской Академии.

Так мы вернулись к заведению, перед которым сейчас стоим. Заметим: на одесском языке слово «вышка» означает не какую-то высокую башню технического назначения (буровая вышка) и даже не «высшую меру наказания». Так одесситы именуют одесское высшее мореходное училище.

В отличие от других одесских ВУЗов, ведущих родословную от школ мукомолов, педагогических отделений Ришельевского лицея и т. п., «Вышка» по-военному чётко обозначает своё основание. Это 1944-й год – год освобождения Одессы от немецко-фашистских захватчиков. Строго говоря, можно сказать: «от румынско-фашистских», т. к. почти все 32 месяца оккупации Одессу – за исключением порта, контролируемого немцами – занимали румыны. Только перед самым апрелем 1944-го – месяцем освобождения нашего города – для усиления обороны в него ввели немецкие части^[71]. Так что совсем строго: город освободили от немецких нацистов^[72].

Вернёмся, однако, к нашей «вышке». Традиционно даём череду переименований (их мало):

- 1944 – Одесское Высшее мореходное училище;
- 1958 – Одесское Высшее инженерное морское училище;
- 1991 – Одесская государственная морская академия;

- 2002 – Одесская национальная морская академия;
- 2015 – Национальный университет «Одесская морская академия»

Специально мы не проверяли, но, скорее всего, в нашем традиционном лото «Впервые в мире в Одессе...» можно вытащить карточку «число обучаемых по морским специальностям в одном учебном заведении превысило 8 000 человек».

С учётом входящих в состав Академии упомянутое училище имени Маринеско, азовский и измаильский морские институты и мореходный колледж технического флота, то наша «вышка» по числу курсантов на порядок выше аналогичных морских зарубежных учебных заведений, где одновременно обучаются, как правило, не более 1000 человек.

Если же вспомнить суворовское «не числом, а умением», то и здесь у Академии нет проблем. Курсанты за время учёбы получают не только фундаментальные теоретические знания (60 профессоров и 220 доцентов – не шутка), но и практические навыки на высоком уровне. Их курсанты обретают на новейших морских тренажёрах: комплексных радиолокационных фирм «Norcontrol» и «Transas Marine» для подготовки судоводителей; тренажёрах типа «Dieselsim» той же фирмы «Norcontrol» и LSS-2 фирмы «Heven Automation Ltd» для курсантов энергетических специальностей. Наконец, на тренажёрах Глобальной морской связи «Sailor» и «IZUMI 900» готовят радиоэлектроников и судоводителей. В распоряжении Академии уникальное учебно-парусное судно «Дружба».

ОНМА отличается от обычных высших учебных заведений как Одессы, так и страны в целом рядом особенностей внутренней жизни. На младших курсах для студентов обязательно проживание в общежитии, именуемом «экипажем», где их жизнь моделирует реальные условия работы и обитания на судне: дежурства, вахты, взаимоотношения с командным составом по уставу. Этот «экипаж» находится в районе Одессы, называемом «Слободка» и частично занимает территорию, связанную с мрачной страницей в истории города.

10-го января 1942-го года румынские оккупанты согнали на эту территорию оставшихся в Одессе евреев. В лютый мороз (эта зима

была очень холодной) в «Слободское Гетто» погнали стариков, детей, женщин. Но и это не было концом испытаний, поскольку позже это гетто ликвидировали, отправив оставшихся в живых в другие гетто (а фактически – в лагеря уничтожения) в сёлах Одесской и Николаевской областей.

Многое делается теперь для того, чтобы это не было забыто – возводятся монументы, размещаются мемориальные доски, публикуются воспоминания. Но, выражаясь словами старшины Федота Евграфовича Васкова из прекрасной повести Бориса Львовича Васильева «А зори здесь тихие»: «главное, что могла нарожать Соня детишек, а те бы – внуков и правнуков, а теперь не будет этой ниточки. Маленькой ниточки в бесконечной пряже человечества, перерезанной ножом...». Таких ниточек в Одесской области было свыше 200 тысяч. Всего же во Второй Мировой войне нацисты и их пособники (включая, увы, активное местное население) загубили около 1 500 000 украинских евреев.

Среди погибших в гетто – две тётки нашего отца и муж одной из них. Муж второй – «перекопонец» (то есть участник штурма Перекопа в гражданскую войну) член ВКП(б) Алексей Алексеевич Калмыков репрессирован в 1937-м и погиб в следующем году на лесозаготовках. Тётя носила фамилию мужа и преподавала русский язык и литературу, то есть говорила по-русски грамотно и без еврейского акцента. Поэтому ей предложили «хорошие» документы, чтобы она спаслась. Но тётя Роза проявила солидарность со своей сестрой Раисой и пошла вместе с ней на гибель.

Вернёмся, однако, от тех мрачных воспоминаний к современности. В качестве компенсации за строгую жизнь по уставу («живи по уставу – завоеешь честь и славу») курсанты, обучаемые по госзаказу, обеспечиваются бесплатной формой одежды, питанием и проживанием. Поэтому на Дидрихсона такое количество молодых людей (и с некоторых пор – девушек) в строгой и нарядной морской форме. Мы не забыли время, когда первое лицо училища именовалось начальником, а не ректором, а курсанты стройными колоннами маршировали из экипажа в учебные корпуса.

А ещё один из нас – Владимир – совершал исследовательские рейсы как на судах непревзойдённого Министерства морского флота СССР, так и на (было дело) турецком судне. По сравнению с советским

турецкое было просто каким-то сочетанием патриархальной семьи и захолустной шаланды. Все, включая капитана, ходили в настоящих турецких сандалиях на босу ногу, везде был дух патриархальности и восточной неги. Как от этого отличалось – в лучшую, на наш вкус, сторону – советское судно с его почти военной дисциплиной и строгим, что называется, морским порядком.

И закладывался этот дух в учебных заведениях, подобных одесской «вышке».

Курсанты одесского инженерного морского училища женились активнее студентов других ВУЗов Одессы. В эпоху дефицита и редких поездок за границу они считались завидными женихами, а сами стремились решить этот вопрос поскорее, пока не начали регулярно уходить в море (как люди грамотные, мы все знаем: моряки «ходят», а плавают что-то неприличное). Так что свадеб за шестилетнюю учебу было много (учились шесть лет из-за длительных плавательских практик). Впрочем, скептики считали: в брачном объявлении «Хочу создать прочную семью с непьющим моряком» сразу две шутки.

А если серьезно, прекрасное морское образование, которое до сих пор – при отсутствии своего флота – обеспечивают одесские морские учебные заведения, удерживает Украину в числе стран-лидеров по количеству плавсостава мирового флота. Мы уже упоминали: по различным оценкам наша страна занимает третье – четвертое место по числу моряков.

Так, выпускники морской академии работают более чем на 45000 морских судов всевозможных типов: сухогрузах и танкерах, контейнеровозах и балкерах, пассажирских судах и морских паромах. Возможность устроиться на работу практически в любую судоходную компанию мира даёт выпускникам ОНМА получение двух дипломов. Кроме общетехнического диплома о высшем образовании, эквивалентного диплому технического университета западных стран, они получают ещё и специальный международный диплом, отвечающий всем требованиям международной Конвенции по подготовке моряков и несению вахты. Он даёт право на занятие командных должностей на судах под флагами иностранных государств.

Естественно, что академия, как и большинство описанных нами ВУЗов, имеет IV (высший в Украине) уровень аккредитации. Однако инженерные специальности ОНМА аккредитованы ещё и Институтом

морской техники, науки и технологий (IMarEST) Великобритании. В результате выпускники ОНМА после окончания имеют возможность зарегистрироваться в Техническом совете Великобритании и оформить соответствующие сертификаты английского образца.

Из приятных мелочей: ВУЗ располагает бассейном олимпийского класса (одним из лучших в городе), спортивно-тренажёрным залом, тренажёрным комплексом по выживанию в экстремальных условиях на море, водной станцией. Оркестр академии считается одним из лучших в городе. Мы ещё помним прохождение колонн курсантов под марши этого оркестра прямо под окнами нашей квартиры. На какие мероприятия они маршировали, до сих пор не знаем, но было очень торжественно.

Расскажем о двух интересных людях, планировавших поступление в училище при его основании в 1944-м году.

Первый из них – капитан дальнего плавания Анатолий Григорьевич Третьяк.

Пунктиром вехи биографии: окончил училище в 21 год (в 1949-м); стал капитаном в 26 лет (в 1954-м). В 1959–1963-м годах на судне «Лениногорск» возит на Кубу различные, выражаясь официально, народнохозяйственные грузы. Часть из этих грузов, как известно, вызвала после размещения на Кубе Карибский кризис, когда в течение десяти дней мир был буквально на грани Третьей мировой войны. Напряжение было столь велико, что многие родственники нашей семьи искренне недоумевали, узнав о планах родителей отметить день двухлетия Владимира 24-го октября 1962-го года.

Как бы то ни было, Анатолий Григорьевич сначала удостоивается звания «Лучший капитан ММФ», а 9-го августа 1963-го года указом Президиума Верховного Совета СССР – звания Героя Социалистического труда. Ему всего 35 лет. По интерпретации творческих союзов он – молодой (молодыми писателями или композиторами в официальных творческих союзах времён СССР были лица как раз до 35 лет).

Для продолжения карьеры А. Г. Третьяк возвращается в родное училище на курсы усовершенствования руководящего состава. Далее он работал начальником управления сухогрузного флота, заместителем начальника ЧМП. С 1968-го года (с 40 лет) занимает пост заместителя начальника парохозяйства по безопасности мореплавания. На этой

должности Анатолий Григорьевич, выражаясь бюрократическим языком характеристик, «вносит немалый вклад в организацию транспортных перевозок на внутренних и внешних судоходных линиях». Так проходит 18 лет, когда в последний день лета 1986-го года в Цемесской бухте Новороссийска тонет пассажирское судно Черноморского морского пароходства «Адмирал Нахимов». Число жертв – 423 человека.

Страна ещё не оправилась от Чернобыля, и почти сразу такое. Правительственная комиссия во главе с упоминавшимся Гейдаром Алиевым (уже в чине Первого заместителя Председателя Совета министров СССР) работает слаженно и жёстко. Среди попавших под каток и А. Г. Третьяк. Его исключают из партии (партийный стаж – 34 года) и увольняют из пароходства. Спустя неделю «по состоянию здоровья» уходит со своего поста на пенсию и Министр морского флота СССР Герой Социалистического Труда Тимофей Борисович Гуженко. Он, кстати, выпускник второго одесского морского ВУЗа, рассказ о котором мы обещаем «на закуску».

Анатолий Григорьевич не достиг пенсионного возраста и вынужден работать научным сотрудником ЧерноморНИИпроекта. Заметим: с Владимиром в ЮжНИИМФе тоже трудились «жертвы Нахимова».

Умирает А. Г. Третьяк спустя три года; вероятно, не мог пережить случившегося и допущенной по отношению к нему несправедливости. Конечно, комиссия Алиева выявила различные нарушения (на то она и комиссия). Но позже пошли слухи: главный, хотя и невольный, виновник трагедии – начальник управления КГБ по Одесской области генерал-майор Алексей Григорьевич Крикунов.

Именно его ждало судно в порту, и именно нарушение времени отхода на 10 минут, вызванное этим ожиданием, привело к столкновению лайнера с сухогрузом «Пётр Васёв». Генерал погиб вместе с судном. Больше повезло Льву Валерьяновичу Лещенко и Владимиру Натановичу Винокуру: их судно не дождалось...

Мрачная одесская шутка той поры: особым решением судебного процесса судно «Капитан Васёв» переименовано в «Контр-адмирал Нахимов».

И ещё об одном потенциальном курсанте 1944-го года. Это выдающийся наш режиссёр Эльдар Александрович Рязанов.

Школьником он хотел стать писателем и решил: максимум жизненного опыта за минимум времени может дать служба на флоте. Поэтому сразу после школы Эльдар отправил документы в Одесское высшее мореходное училище. Документы потеряли – пришлось поступать на режиссёрский факультет ВГИКа. Ну, остальное вы все знаете...

Продолжаем морской поход, то есть идём по Дидрихсона в сторону уменьшения номеров. На нечётной стороне третий корпус морской Академии. Здание имеет № 13 по Дидрихсона, но моряки – народ несуетливый: само по себе число 13 практически безопасно – серьёзную угрозу оно представляет только тогда, когда обозначает день месяца и выпадает на пятницу (смайлик).

По этому поводу сохранился рассказ времён Первой Мировой войны. Один из офицеров представительства Флота Его Величества на Российском Императорском Флоте с присущей англосаксам уверенностью в единственной и безоговорочной правильности своих собственных привычек и обычаев изумился: «Не понимаю я вас, русских! Как можно быть такими суеверными? Как можно полагать, что понедельник – тяжёлый день??? Ведь всему цивилизованному миру с незапамятных времён прекрасно известно: тяжёлый день – пятница!»

Этот корпус академии примечателен тем, что в дни обороны Одессы в нём размещались штабы Приморской Армии и Одесского оборонительного района. Дело в том, что под видимым с улицы полуподвальным этажом в здании имеется ещё и полноценный подвал. К тому же здание расположено относительно в стороне от центра города. Так что работали штабы в сравнительной безопасности, насколько это было достижимо, когда враг обстреливал город в критические дни обороны просто из полевых артиллерийских орудий.

Для полноты картины отметим: в глубине двора находится ещё два корпуса Академии (всего их семь). Если пройти ещё дальше, то можно выйти на параллельную Дидрихсона улицу Градоначальницкую. Там стоит здание, типичное для школ, построенных в Одессе перед войной. В нём много лет находится военно-морская кафедра «вышки». Военной подготовке курсантов уделялось большое внимание, тем более что и по духу, и по распорядку училище было близко к военному. К тому же, подобно тому, как практически каждое предприятие СССР в «особый период» готово

было перейти на военные рельсы, каждое судно ММФ можно было вооружить и превратить в военный – пусть и грозный только для себе подобных – корабль.

Вернёмся, однако, на Дидрихсона. Напротив дома № 13 территория ещё одной академии. Это Одесская государственная академия строительства и архитектуры – очередная остановка в нашей экскурсии.

Хотя Одессу практически с самого основания застраивали первоклассные архитекторы и инженеры^[73], профессиональная подготовка специалистов в нашем городе началась только на рубеже XIX–XX веков. Как мы уже упоминали, при Одесском отделении Русского технического общества была организована школа десятников строительного дела, а в 1918-м году при участии того же общества создан Одесский политехнический институт. Одним из трёх его первых факультетов стал инженерно-строительный. Практически в то же время «среднее звено» длястроек готовили в вышеупомянутой Стройпрофшколе № 1 буквально в трёхстах метрах от будущего строительного института. Сам институт организован постановлением ЦИК и Совнаркома СССР от 23-го июля 1930-го года. Идёт третий год первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (первая «пятилетка»). В этом году развёрнуто строительство 1500 объектов, включая такие гиганты, как тракторные заводы в Челябинске, Харькове, Сталинграде, металлургические заводы в Липецке, Магнитогорске и Новокузнецке, наконец, ДнепроГЭС и ТуркСиб. Стране нужно в разы больше инженеров-строителей. Поэтому в Одесском инженерно-строительном институте сразу организуют четыре факультета:

- архитектурный (с отделениями архитектурным и планировочным);
- промышленного и гражданского строительства (с отделениями конструирования и выполнения работ);
- санитарно-технический (с отделениями водоснабжения и канализации, отопления и вентиляции);
- факультет городских путей соединения (пути и мосты).

После Великой Отечественной войны одна из приоритетных задач – дальнейшая электрификация страны. Помните у В. И. Ленина –

«Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». За четвёртую и пятую пятилетки запланировано в два – три раза увеличить производство электроэнергии. Рассчитывать на широкое использование «мирного атома» рановато, зато неиспользуемой гидроэнергии в СССР пока много. Поэтому постановлением Совета Министров СССР ОИСИ преобразуется в ОГТИ – Одесский гидротехнический институт (тем более, что ещё строительный факультет «Политеха» состоял из инженерно-гидротехнического и инженерно-строительного отделений). Происходит это весной 1951-го года. В составе ВУЗа три факультета – речного гидротехнического строительства, морского гидротехнического строительства, промышленного и гражданского строительства (всё же обычное строительство не забыто).

Любопытно, что одновременно в соседнем институте – институте инженеров морского флота – тоже готовят инженеров-гидротехников на соответствующем факультете. То ли стране нужно было такое изобилие морских гидротехников, то ли плановая система дала сбой, не сумев преодолеть ведомственных барьеров: гидротехнический подчиняется МинВУЗу СССР, а «водный» – ММФ СССР.

В 1957-м году институту возвращают «девичью» фамилию: он снова инженерно-строительный. В нём по-прежнему три факультета, но гидротехнический – один, и есть «старо-новый» факультет (заимствуем оборот у Пражской синагоги): санитарно-технический.

Активная подготовка строителей с непрерывным ростом института продолжается. Строятся новые корпуса, в 1966-м году создаются новые факультеты: строительно-технологический; архитектурный; факультет конструирования в промышленном и гражданском строительстве. По всей стране разворачивается массовое гражданское строительство. Пока ещё далеко, конечно, до «перестроечного» лозунга «каждой семье отдельную квартиру», нашедшего отражение в белых стихах Владимира:

*Воздушный замок строился давно.
В нём поселиться должен был тот Призрак,
Что словно БОМЖ шатался по Европе,
И был за то занесен в «Манифест...»
Но зданье возводилось с трудом.*

*Людей на стройке столько истребили,
Что выжившим отдельные квартиры
Мечтают дать в двухтысячном году.*

Кроме шуток: теперь можно ругать безликие коробки без «архитектурных излишеств» (вспомним мультфильм, предваряющий рязановскую «Иронию судьбы») и презрительно именовать пятиэтажки той поры «хрущобами». Но именно они дали возможность горожанам (в большинстве, правда, новоявленным) переселиться из бараков и общежитий в отдельные квартиры с ванной, туалетом и горячей водой. В Одессе практически полностью расселили жильцов подвалов. После этого подвалы зачастую становились чрезвычайно сырыми и дом из песчаника, плохо переносящего влагу, разрушался. Но это, как говорится, другая история. Тем более, что подвалы начали бурно и часто довольно удачно осваивать с началом «кооперативизации» города в Перестройку.

Вернёмся, однако, к нашему Строительному. В 1970-е годы он переживает расцвет. Объёмы строительства в СССР растут. Соответственно растёт и институт: появляются факультеты в Новой Каховке и в Николаеве, на 38 кафедрах работают около 500 преподавателей. Наконец, в 1970-х годах число студентов в институте достигает рекордных 10 тысяч человек.

Соответственно растёт и материальная база. Строительство новых многоэтажных учебно-лабораторных корпусов, общежития № 2, создание вычислительного центра, учебного телецентра и видеоманитофонного зала, наличие 40 лабораторий выводят Одесский строительный институт на одно из первых мест в СССР по обеспечению техническими средствами обучения.

Но СССР при активном участии партийного руководства союзных республик в процессе расчленения и удивительном безразличии народа прекращает своё существование. На смену крайне противоречивому, но сложному и во многом очень увлекательному Проекту, каким был СССР, приходит довольно примитивное существование под лозунгом «каждый спасается сам».

Однако, как и остальные одесские ВУЗы, Строительный в этой драматической ситуации выживает. В 1994-м году он становится

«Академией». Институт получает высший уровень аккредитации, становится членом Европейской, а затем и Международной ассоциации Университетов.

В 2013-м году в Академии обучалось свыше 5200 студентов, из них 575 иностранцев, количество научных сотрудников и преподавателей составляло около 600 человек. А всего за время существования ОГАСА подготовлено свыше 50 тысяч специалистов, из которых более чем 2000 – это граждане стран Азии, Африки, Европы и Латинской Америки. Согласитесь, что Академия вполне заслуживает того, чтобы быть отмеченной в ходе нашей экскурсии.

18. Благородные девицы и сменившие их «ВОДНИКИ»

Дойдя до начала улицы Дидрихсона, мы, как и обещали, завершаем путешествие рассказом про Одесский национальный морской университет – родной ВУЗ нашего отца: Заслуженного деятеля науки и техники, лауреата премии Совета Министров СССР, почётного работника Морского флота СССР, доктора технических наук, профессора Александра Анатольевича Вассермана.

Поскольку Главный корпус ОНМУ – полученное «по наследству» здание одесского института Благородных девиц, начнём наш рассказ с этого учебного заведения.

Старт проекту, выражаясь современным менеджерским языком, дал герцог де Ришельё. Он ещё в 1805-м году основал и опекал Женский благородный институт (поскольку в этом институте был сильный педагогический уклон, некоторые краеведы предлагают от него отсчитывать историю нашего Педина). После возвращения Ришельё во Францию со служебным повышением^[74] его начинание не захирело. Наоборот, городской голова Яков (отчество история не сохранила) Протасов в 1817-м году преобразует институт в Городское девичье училище для девушек всех сословий. Спустя каких-то 11 лет – в 1828-м году – на его базе создаётся Одесский институт Благородных девиц. Он существовал до 1920-го – года окончательного утверждения советской власти в Одессе.

Объективности ради заметим: в отличие от многого, имевшегося в Одессе как зеркальное отражение имевшегося только в Санкт-Петербурге, институт Благородных девиц был сравнительно распространённым учебным заведением. Кроме широко известного «Смольного», даже в самой столице был ещё Екатерининский институт Благородных девиц, а всего их по России в начале XX века было свыше 30. Одесса же стала пятым городом империи, открывшим такое учебное заведение; впрочем, в Киеве институт основали ещё на десять лет позже.

Все институты Благородных девиц входили в упоминавшееся ранее ведомство учреждений императрицы Марии, и все они «по

определению» находились под покровительством супруги правящего императора. Соответственно, Одесский институт был принят под покровительство жены Николая I императрицы Александры Фёдоровны.

В первые годы существования институт занимал съёмные помещения. Для строительства собственного здания государственное казначейство одолжило городу 100 000 рублей. За северной границей порто-франко на огромной по городским масштабам территории – в пределах нынешних улиц Нищинского, Мечникова, Дидрихсона и Балковской – находился хутор полковника Ивана Александровича Стемповского (одного из основателей Одесского музея древностей). «Настоящий полковник» подарил хутор, и строительство началось.

В момент строительства улица Нищинского называлась Водяной переулок, как будто кто-то знал, что спустя 90 лет по ней будет проходить граница Водного института. На самом деле название порождено тем, что через переулок можно было попасть в Дюковский сад, где находились ручьи, частично обеспечивавшие город пресной водой.

Если улица, проходящая по фасаду строительной и мореходной академий, имела всего два названия – Институтская (не в честь трёх ВУЗов, а как раз в честь института Благородных девиц) и Дидрихсона, то Водяной переулок переименовывался многократно.

В середине XIX века – это «Новая» улица, в конце «Новоинститутская». Затем улица получает имя Штиглица в честь барона Людвиг Хиршевича (после крещения из иудеев в православные – Ивановича) фон Штиглица: он пожертвовал деньги на начало строительства института Благородных девиц.

Удивительно, но с этим названием улица просуществовала аж до 1938-го года, когда была названа в честь маршала Советского союза наркома обороны Климента Ефремовича Ворошилова. В период освоения целинных земель Казахстана улица именовалась Целиноградской, после смерти маршала – снова Ворошилова, а через месяц после провозглашения независимости Украины переименована в улицу «Композитора Нищинского»^[75]. Поскольку улица точно отражала все перипетии нашей истории, весьма вероятны новые переименования.

Вернёмся к нашим благородным девицам. Вместе со строительством здания, возведенного по проекту Франца Карловича Боффо (проект, правда, непрерывно корректировался Советом института), заложен громадный сад, фактически парк. Он был одним из лучших в Одессе. Город лишился его в следующем веке, когда на этой территории один за другим возводились корпуса строительного института и инженерного морского училища. Впрочем, до сих пор между фасадом главного корпуса Морского университета и оригинальной чугунной оградой, сохранившейся со времён института Благородных девиц, находится очень приятный сад.

В 1833-м году институт переезжает в собственное здание. 8-го апреля 1834-го года освящается домовая церковь, названная в честь Святой Великомученицы Александры. Этим несложным ходом, придуманным тогдашним градоначальником и председателем попечительской комиссии Алексеем Ираклиевичем Лёвшиным, институт укреплял покровительство императрицы Александры Фёдоровны.

Наличие собственной церкви было принципиально, так как религиозному образованию и воспитанию уделялось очень большое внимание.

Священниками церкви института были, как правило, выпускники Киевской духовной академии, магистры и кандидаты богословия. Выражаясь современным языком, аудиты института, регулярно проводившиеся вышестоящими организациями, обязательно включали испытания воспитанниц по закону Божьему, а также посещения церкви во время службы. Посещал уроки Закона Божьего и попечитель учебного округа уже упоминавшийся нами великий хирург Н. И. Пирогов. Как отмечено в записках настоятеля институтской церкви протоиерея Серафима Антоновича Серафимова^[76]: «По классу Закона Божия, выслушав изъяснение законоучителем беседы Христа с самарянкой, Николай Иванович сам предложил несколько выводов из неё, и в заключение просил законоучителя делать в толковании Евангелия применения к жизни...».

Заметим: церковь закрыта при советской власти и восстановлена в 2002-м году, как раз перед приездом президента Леонида Даниловича Кучмы с указом о присвоении университету статуса Национального.

Во время Крымской войны в день обстрела Одессы англо-французской эскадрой (10-го апреля 1854-го года) воспитанницы спешно эвакуированы в Вознесенск. До эвакуации, однако были приняты превентивные меры. Если обратиться к записям С. Серафимова: «13 марта. Вследствие открытия военных действий и беспокойного положения края, по определению совета, произведен был воспитанницам экзамен и затем выпуск 70 девиц».

Далее началась организационная неразбериха: институт хотели оставить в Вознесенске, но уже 11-го августа предыдущее распоряжение отменено «Высочайшим указом» и институт в Одессе сохранён.

19-го мая 1855-го года совершается закладка новых зданий института архиепископом Херсонским Иннокентием. Свою речь он начал словами:

«Что будет здесь, на этом месте? Будет дом для воспитания и образования благородных девиц нашего края. А что будет с теми девицами по окончании их воспитания и образования здесь? Они должны будут возвратиться в дома своих родителей или родственников, и составить их отраду и утешение, пока не найдут своего жребия и не соделаются сами супругами, матерями и начальницами семейств, от коих зависит нередко судьбы целых сотен и тысяч».

Знал бы преосвященный, что спустя 65 лет в здании, построенном по проекту архитектора Александра Сергеевича Шашина, разместится Одесский политехнический институт, он бы гордился своим даром предвидения, поскольку далее архиепископ сказал:

«Таким образом, здесь и теперь полагается основной камень не здания токмо вещественного, но и здания духовного, храма воспитания, не токмо блага частного, но и благоденствия общественного».

А если учесть, что вот уже 85 лет здесь располагается Морской Университет, слова про здание благоденствия общественного звучат совершенно актуально.

Прервём наш рассказ, чтобы как-то вписаться в продолжительность экскурсии. Самым же любознательным рекомендуем подробную статью «Институт Благородных девиц в Одессе»^[77] ректора (с мая 2003-го по февраль 2015-го) Морского

университета Ирины Владимировны Морозовой и доцента того же университета Валерия Валерьевича Левченко. А мы приступаем к финальному повествованию – рассказу об одесском «водном».

Достоевскому приписывают слова «Все мы вышли из гоголевской шинели». Такой шинелью для многих одесских ВУЗов был наш Политехнический. Одесский же Национальный морской университет (ОНМУ), если подойти к вопросу пристально, из шинели не выходил, а просто перешил её с учётом требований времени.

Если вы помните, первыми тремя факультетами Политехнического института осенью 1918-го года были механический, инженерно-строительный и экономический. Но с самого начала на механическом факультете имелось судостроительное, а на строительном – мелиоративно-гидротехническое отделение.

В 1920-м году Советская власть закрывает одесский институт Благородных девиц. Само слово «благородный» становится неблагонадёжным. Даже спустя 23 года, редактируя будущий гимн СССР, Сталин вычёркивает это слово из первой строчки текста, вписывая свой эпитет: «Союз ~~благородный~~ нерушимый республик свободных». Как мы знаем, эта нерушимость продлилась ещё 48 лет...

В том же 1920-м году Губернская Чрезвычайная Комиссия занимает Сабанские казармы и выселяет оттуда Политехнический. Он размещается в кстати освободившемся здании «разогнанных девиц» на улице Внешней (внешней по отношению к границе порто-франко). И по сей день это – главный корпус ОНМУ. Прилежащий лазарет-изолятор отводят под гидравлическую лабораторию в составе трёх отделений: гидротехнического, гидромеханического и судостроительного.

Так уверенно и неуклонно вызревает в недрах Политехнического «водный» институт. В 1925-м году в составе ОПИ уже отдельный судостроительный факультет с отделениями судостроения и судомеханики; продолжает готовить гидротехников инженерно-строительный факультет. Но инженерных кадров на водном транспорте хронически не хватает. Сказываются и их нехватка с дореволюционных времён, и активное развитие отрасли.

Радикальное решение проблемы – передача всех технических ВУЗов Высшему совету народного хозяйства СССР и союзных республик. Всё руководство по подготовке инженерных кадров

сосредоточивается в соответствующих Наркоматах, а на долю наркомата Просвещения остаётся только контроль методического обеспечения учебного процесса.

В духе этой политики Совнарком УССР 12-го июня 1930-го года принимает постановление о реорганизации ВУЗов и передаче их в ведение соответствующих Наркоматов. В рамках этой реорганизации на базе факультета портового строительства и гидротехнических сооружений Одесского политехнического института и создаётся Одесский институт инженеров водного транспорта.

В нём три факультета: гидротехнический, эксплуатационный и механический. Судостроительный факультет Политеха просто-таки клонируют: сначала на его базе (и на базе Николаевского машиностроительного института) создают Николаевский судостроительный институт, но к началу учебного года судостроительный факультет появляется и в ОИИВТ. Бурный период создания института завершается организацией экономического факультета в конце того же судьбоносного 1930-го года.

Принципиально то, что занимает ОИИВТ здание, где размещался Политехнический с 1920-го года. Поэтому В. В. Левченко в подробном исследовании «К вопросу становления и преемственности Одесского национального морского университета»^[78] показывает: нынешний Морской университет является преемником первого Политехнического не в меньшей степени, чем сам нынешний Политехнический университет.

Кроме Главного корпуса Политех отдаёт физическую и гидравлическую лаборатории, затем учебные мастерские и уникальный, хотя и незавершённый опытовый бассейн. Его строительство закончено в 1934-м году. В то время на весь СССР было всего два таких бассейна – в одесском «водном» и ленинградском кораблестроительном институтах (снова Южная Пальмира соревнуется с Северной). Правда, был в Ленинграде ещё и бассейн ровно на 40 лет старше нашего: работал с 1894-го года. Он создан по замыслу великого химика Дмитрия Ивановича Менделеева под руководством выдающегося математика и кораблестроителя – впоследствии академика – Алексея Николаевича Крылова – на деньги, сэкономленные Менделеевым при разработке оптимальной рецептуры

и технологии производства бездымного пороха: из полутора миллионов рублей (тогда рубль содержал около грамма золота), оставшихся свободными в бюджете Морского ведомства в 1891-м году, Менделеев израсходовал всего полмиллиона. Увы, уже в наши дни остров Новая Голландия передан Военно-морским флотом РФ городу, и в 2006-м году здание Опытowego бассейна снесено. А бассейн, принадлежащий – как и в Одессе – морскому ВУЗу, теперь используется и для кораблестроительных исследований.

Ещё пару слов о бассейне, расположенном прямо в полуподвале Главного корпуса. У опытового бассейна внушительные размеры: длина 36 м, ширина 6 м, глубина – до 2.5 м. В результате прямо в здании находится около 400 т воды, но высококачественная гидроизоляция делает это обстоятельство безопасным для фундамента. Основное назначение бассейна – гидродинамические испытания моделей корпусов судов. Модели по воде тянут через систему блоков грузами, опускающимися в специальный колодец глубиной 20 м, что определяет тип бассейна – гравитационный. Он носит имя профессора Александра Александровича Костюкова – тот руководил бассейном ещё со студенческих лет. В 1960–1971-м годах он руководил и всем институтом. В память о видном учёном назван балкер ЧМП. Но ЧМП нет, и судна под этим именем тоже нет. А бассейн имени А. А. Костюкова верой и правдой служит институту с момента открытия (не считая перерыва в 1941–1944-м годах). Конечно, сейчас результаты испытаний обрабатывают на компьютерах...

Хотя институт «вызрел» в Политехническом целых 10 лет, выведение его из ОПИ заняло несколько месяцев. Естественно, что за столь короткий период было невозможно создать оптимальную структуру ВУЗа.

Поэтому уже в 1932-м году по решению Наркомвода проходит перестройка ОИИВТа: прекращён набор на экономический факультет, гидротехнический переведен в Ленинградский институт инженеров водного транспорта, а состав эксплуатационного факультета увеличен за счёт закрытия аналогичного факультета ЛИИВТа.

Одновременно институт наращивает материально-техническую базу. В 1934–1936-м годах оборудованы новые лаборатории: судовых силовых установок, теплового контроля, электросварочная, электротехническая, химическая и ряд других. Созданы кабинеты:

архитектуры корабля, судомеханический, деталей машин, эксплуатации водного транспорта, математики и механики. На закупку оборудования для лабораторий и мастерских за первые 10 лет существования института государство ассигновало около 2 миллионов рублей (в те времена рубль официально равнялся, как в позднеимперское время, примерно 0.77 грамма золота, но по реальной покупательной способности был раза в 2–3 меньше). Значительные средства отпускались также на пополнение библиотеки: в 1930-м году в ней насчитывалось около 25 тысяч томов, а спустя 10 лет её фонд увеличился в пять раз.

В 1939-м году создаётся заочное отделение для подготовки судомехаников, кораблестроителей и эксплуатационников, на него зачисляются 160 студентов. Всего же за первые 10 лет работы ВУЗ подготовил 1670 специалистов по этим трём специальностям.

Яркой чертой ОИИВТ было проведение большого количества исследовательских и проектных работ, диктуемых запросами отрасли. Для этого создаётся бюро реального проектирования, ведущее проектные и исследовательские работы по заданиям предприятий водного транспорта. За 1930–1940-й годы кафедры института выполнили более тысячи различных исследований и разработок. Только в опытовом бассейне испытаны более 200 моделей судов по заданиям предприятий и проектных организаций. Результатом большой научной работы за 10 лет существования института стала защита 23 кандидатских диссертаций.

В стране растёт популярность молодого вуза, количество желающих овладеть профессией инженера водного транспорта увеличивается в разы: в 1930-м году в ВУЗ зачислено 170 студентов, в 1940-м – 1127. Не помешало даже то, что с 8-го апреля 1938-го до 9-го апреля 1939-го года во главе Наркомата водного транспорта, которому подчинялся институт, стоял Генеральный комиссар госбезопасности Николай Иванович Ежов (смайлик). Любопытно, что наркомат этот последовательно возглавляли три Николая: Николай Михайлович Янсон (с момента организации в 1931-м и до весны 1934-го года), Николай Иванович Пахомов (с весны 1934-го по весну 1938-го года) и незабвенный Николай Иванович Ежов. Ещё одного Николая – тем более Николая Ивановича – не нашлось и пришлось Наркомат делить

на наркоматы морского и речного флота, а самого Ежова расстреливать...

Строго говоря, был во властных верхах ещё один Николай Иванович – «любимец партии» и её главный теоретик Бухарин. Но 15-го марта 1938-го года к нему применена «высшая мера социальной защиты» и стать наркомом водного транспорта он никак не мог. Когда в годы «Перестройки и гласности» его третья жена Анна Юрьевна Ларина выпустила мемуары, посвящённые мужу, Владимир откликнулся стихотворной рецензией:

*Николай Иванович Бухарин
Был в народе очень популярен,
Потому, что был отнюдь не барин,
Не злодей; напротив – добрый парень.
А верней всего, он был дитя,
Что пожар устроило шутя.
И в пожаре том людей сгорела...
В общем, был расстрелян он за дело.*

Вернёмся всё же от свободных ассоциаций к ОИИВТ. Институт, между тем, крепнет и развивается: приобретено учебно-производственное судно и планируется строительство нового учебного корпуса. Однако Великая Отечественная война сорвала выполнение этого плана.

Война стала тяжелейшим испытанием для сотрудников и студентов. В первый месяц войны в ОИИВТе сформирована рота истребительного батальона; студенты строили оборонительные сооружения и работали в санитарных дружинах; сотрудники и студенты института трудились также на многих участках Одесского порта в условиях частых налётов вражеской авиации.

В начале августа 1941-го года институт эвакуируют в Ростов-на-Дону, причём эвакуируемые студенты следуют туда пешком. В связи с дальнейшим ухудшением военной обстановки «Водный» эвакуируется из Ростова в Махачкалу, а затем через Красноводск и Ташкент – в Самарканд.

Несмотря на удалённость конечного пункта эвакуации от моря, институт продолжает готовить инженеров по специальностям, требуемым для фронта и военно-морского флота: судомехаников, кораблестроителей, эксплуатационников и судоводителей. Происходит это, в том числе, и благодаря духу взаимовыручки, царившему между эвакуированными в Самарканд ВУЗами, предоставлявшими друг другу учебные помещения, лаборатории, оборудование.

В марте – апреле 1942-го года в Самарканде состоялся очередной выпуск института: 150 инженеров получили дипломы, из них 40 человек направлены в Артиллерийскую академию. Среди выпускников будущий министр морского флота СССР Т. Б. Гуженко, уже упомянутый в этой книге. В целом за годы Великой Отечественной войны, несмотря на трёхкратную эвакуацию, институт подготовил свыше 500 инженеров.

Удивительно, но и в годы войны сотрудники ОИИВТа не прекращали научную работу. Они подготовили и защитили 1 докторскую и 4 кандидатские диссертации, выполнили много исследований и опубликовали их результаты.

В конце 1943-го ОИИВТ переведен ближе к морю – в Астрахань, а в сентябре 1944-го коллектив института вернулся в освобождённую Одессу. Преподаватели и студенты, как водится в эту пору, помимо учёбы восстанавливали общежитие, столовую, лаборатории, а также активно помогали фронту: грузили боеприпасы и продовольствие, ухаживали за ранеными в подшефном госпитале.

Летом 1944-го проведен очередной набор студентов одновременно в Астрахани и Одессе. На 1-й курс принято 520 человек. К этому времени количество преподавателей удвоилось по сравнению с самаркандским периодом и составило 104 человека, в их числе 6 докторов и 33 кандидата наук. Несмотря на то, что ещё шла война, в воздухе чувствовался запах Победы и было ясно: пора закладывать научно-технический фундамент скорой мирной жизни. Для этого в том же 1944-м году восстановлена аспирантура по 10 специальностям, организованы механизаторский и гидротехнический факультеты. Правда, пришлось «пожертвовать» судоводительским факультетом, переведенным в Ленинградское высшее мореходное училище. В этот же период несколько опытных преподавателей института – доценты В. Ф. Кравчук, В. И. Литвак, В. И. Сухоцкий – по заданию

Наркомморфлота участвовали в создании Одесского высшего мореходного училища и других учебных заведений морского флота.

Во время Великой Отечественной войны многие сотрудники и воспитанники ОИИВТа храбро сражались с врагом на суше и на море и удостоены высоких государственных наград. Троице из них – А. А. Кривошапкину, Г. М. Паламарчуку и К. Ф. Ольшанскому – за мужество и отвагу присвоено звание Героя Советского Союза.

О подвиге Константина Фёдоровича Ольшанского стоит рассказать чуть подробнее. Старший лейтенант Ольшанский во главе отряда десантников высадился в Николаевском порту 26-го марта 1944-го года. Десантники должны были своими действиями в тылу врага помогать войскам, освобождавшим город. И эту задачу они с честью выполнили. За сутки десантники отбили 18 атак противника и уничтожили до 700 гитлеровцев. Велики были и потери отряда: погибли 57 десантников, включая командира, остальные 11 ранены. Подвиг воинов оценён беспрецедентно: всем 68 присвоено звание Героя Советского союза! Ни в одной другой операции Великой Отечественной войны такого не случилось.

Коллектив института потерял многих товарищей, павших смертью героев на полях сражений. В их честь на территории института к 20-летию Победы сооружён обелиск – первый из памятников в честь Великой Отечественной войны, сооружённых ВУЗами Одессы. Возле него перед началом учебного года проходила церемония посвящения в студенты.

Вскоре после дня Победы, 20-го мая 1945-го, институт переименован в Одесский институт инженеров морского флота (ОИИМФ). Под этим названием он был известен почти полвека – до августа 1994-го. Впрочем, под коротким наименованием «Водный» он известен с момента организации и по сей день.

Победа в войне досталась громадной ценой. Повсюду, в том числе и в морской отрасли, остро ощущался недостаток квалифицированных кадров. Это обусловило большое внимание, уделявшееся набору студентов на 1-й курс и заочное отделение, а также воссоздание в ОИИМФ в 1945-м году экономического факультета. В 1949/1950-м годах число студентов достигло 1520.

В первое послевоенное десятилетие штаты кафедр пополнялись людьми, имеющими высокую профессиональную квалификацию,

прошедшими сложные военные дороги. К этому времени в институте работали 11 докторов наук, 31 кандидат наук, 28 старших преподавателей, 72 ассистента. Среди преподавателей были крупные учёные – в частности, уже знакомые нам М. Г. Крейн, Я. З. Казавчинский, В. С. Мартыновский.

Научная работа, как мы видели, не прерывалась даже в Самарканде в годы войны – и уж давно активизировалась в родной Одессе. Приоритетные направления исследований, проводимых в ОИИМФе, определялись задачами, связанными с развитием морского флота. Это организация и технология судоремонта, повышение долговечности судовых машин и механизмов, повышение мореходных качеств судов, улучшение планирования работы флота, портов и судоремонтных заводов.

В 1947-м создано студенческое научное общество. В его работе участвовали ведущие учёные и преподаватели, привлекавшие студентов к выполнению хоздоговорных и госбюджетных тем. В этом обществе уже в 1949-м насчитывались 17 научных кружков, куда входили 300 человек. Студенческое научное общество открыло путь в науку будущим профессорам ОИИМФ, в том числе и нашему отцу. Членами СНО были и будущие ректоры ВУЗа доктора технических наук В. А. Загоруйко и Ю. Л. Воробьёв. Вот как решался вопрос подготовки руководящего состава без всяких дипломов МВА.

К 1951-му году в институте создано 15 лабораторий и 17 кабинетов. Начала работать типография института. Организованы экспериментальные мастерские, ставшие базой по производству наглядных пособий для морских учебных заведений.

В 1953-м директором ОИИМФа стал И. М. Коробцов, работавший до этого начальником Сахалинского пароходства. Вскоре по его инициативе надстроен четвёртый этаж над старым учебным корпусом – архитектор Шашин, проектируя здание за сто лет до этого, заложил соответствующий запас. Далее строительство продолжалось: вдвое расширен машинный зал, построены отдельные здания спортивного комплекса и учебных мастерских. В машинном зале были установлены два мощных судовых дизеля.

Отец регулярно и с гордостью рассказывал, как ему, только пришедшему на работу в ОИИМФ, поручили ответственную работу по организации транспортировки дизеля массой свыше 20 тонн с

судоремонтного завода по крутому подъёму с Пересыпи в город. Только с годами он осознал: в поручении было не столько доверие к нему, сколько нежелание некоторых «старших товарищей» ввязываться в это небезопасное дело.

В классических советских традициях в 1961–1972-м годах правительство приняло три постановления о мерах по совершенствованию высшего образования и улучшению подготовки и использования специалистов. Обычно такие постановления назывались «О дальнейшем улучшении...»; это подразумевало, что всё вообще-то и так хорошо, но можно ещё улучшить. Если в случае советского сельского хозяйства или, например, лёгкой промышленности это было пропагандой, то высшее техническое образование СССР 1960–1970-х годов действительно нуждалось только в «дальнейшем улучшении».

Так, уже с начала 1960-х годов многие кафедры ОИИМФ начали заниматься вопросами программированного обучения. Специальные кафедры стали шире использовать вычислительную технику. Уже в 1961-м в институте создан вычислительный центр на базе ЭЦВМ «Минск-14» – первой машины такого класса в Одессе. Одновременно реконструирован опытовый бассейн, и автоматизирована с помощью ЭЦВМ обработка результатов испытаний моделей судов.

В конце 1970-х – под конец эпохи, получившей от горе-реформаторов название застойной – в ОИИМФ работали 15 докторов и 105 кандидатов наук – 44 % от общего числа преподавателей и научных сотрудников.

Всё большее значение в учебном процессе приобретала практика студентов. Настоящей изюминкой учебного плана, делавшей ОИИМФ крайне привлекательным ВУЗом, была плавательная практика. Каждый рейс был не только ступенью в освоении профессии морского инженера, но и возможностью увидеть зарубежье. Как шутили тогда «Довольно глядеть на мир глазами Сенкевича», имея в виду ведущего популярной на ТВ передачи «Клуб путешественников».

Традиционно для передового советского ВУЗа много внимания уделялось подготовке специалистов из других стран. Соответственно непрерывно росло число иностранных студентов.

Если в 1956-м году в ОИИМФ обучалось всего 34 иностранных студента, то в 1975-м – более 200 человек из 26 стран. Логично, что в

1978-м году ОИИМФ награждён вьетнамским орденом «Дружба». Спустя шесть лет коллектив института получил и советскую награду: «за большие успехи в подготовке высококвалифицированных кадров для морского транспорта» в 1984-м коллектив ОИИМФ награждён орденом Трудового Красного Знамени.

ОИИМФ поддерживал связи с Дайренским институтом инженеров морского флота (КНР), Гданьским политехническим институтом, Ростокским университетом и другими зарубежными вузами.

Территория института позволяла возводить новые здания в непосредственной близости от главного корпуса и соединять их переходами с ним, чтобы не разрывать учебный процесс. Этим ОИИМФ выгодно отличался, например, от нашего родного «холодильного», где две кафедры теплофизического факультета – тепло– и массообмена и инженерной теплофизики – находились в разных районах города.

В 1965-м году вошёл в строй 5-этажный лабораторный корпус, в 1974-м 9-этажный учебно-административный корпус, а вскоре и пристроенное к нему просторнейшее здание библиотеки. Помним, как мы бегали смотреть на панно, которое украсило вестибюль этого корпуса. Живопись была очень свежей, почти авангардной. Крайне смело было администрации ВУЗа решиться на такое в середине 1970-х годов.

Мы также помним, что облицовка нового корпуса делала его похожим на кусок антрацита – фасад был тёмным и блестящим. К сожалению, этот нарядный вид утрачен в ходе переостекления здания, вызванного тем, что в исходный проект вкралась теплофизическая неточность, и в аудиториях зимой было просто довольно холодно.

Громадная площадь боковых фасадов здания 9-этажного корпуса вызвала наше предложение создать что-то монументально-живописное в стиле Диего Риверы или Давида Сикейроса, но не на тему революции, а на тему развития морской отрасли с древнейших времён до наших дней. Отец даже передал это предложение своему коллеге-теплофизику – ректору в 1979–1989-м годах – В. А. Загоруйко. Однако Василий Анисимович идею не поддержал. Он знал, что за чеканку на фасаде ОПИ руководство ВУЗа получило выговор по партийной линии, и не хотел рисковать. Чеканка та представляла куда-то стремительно мчащихся обнажённых юношу и девушку. Впрочем,

несмотря на выговор, чеканку на здании оставили. Более того, в упрощённо-стилизованном виде она стала эмблемой Политеха, попав, заодно и в одесский фольклор:

- Куда Вы бежите?
- За стипендией!
- А почему голые?
- Да разве на неё проживёшь...

Период ректорства В. А. Загоруйко характеризовался увеличением объёма и повышением эффективности научных исследований. В 1988-м году научная работа велась по 87 темам общей стоимостью 2.7 миллиона рублей (рубли тогда официально равнялись 0.987412 грамма золота, но реально был раз в десять дешевле). В том же году были внедрены результаты 77 ранее завершённых научно-исследовательских работ (НИР) с подтверждённым экономическим эффектом 3.1 рубля на 1 рубль затрат (мало есть отраслей рентабельнее науки). С гордостью отметим: среди этих НИР – проводившиеся в проблемной лаборатории ОИИМФ исследования теплофизических свойств технически важных веществ. Результаты этих работ стали составной частью «Системы обеспечения народного хозяйства нормативно-справочными данными о теплофизических свойствах технически важных газов и жидкостей». За участие в создании этой системы наш отец вместе с начальником лаборатории В. А. Цымарным и с коллегами из Москвы в 1987-м году удостоен Премии Совета Министров СССР.

Постановление появилось в газете «Социалистическая индустрия» в день Советской науки. Он в том году пришёлся на 18-е апреля. Мы до сих пор помним этот день – один из самых счастливых в нашей жизни. Была прекрасная солнечная погода, в Художественной галерее проходила смелая выставка одесских художников, гласность и перестройка породила невиданные надежды и ожидания.

Это настроение попробовал тогда отразить Владимир:

*Для правды вдруг открылись шлюзы,
И полноводная река
Несётся с пеной по Союзу,
Нас подвергая всех конфузу.
А дело? Дела нет пока.
Так началось здесь «Ускоренье».*

(Синоним помним все – «Разгон»).
Для толп народных в утешенье
За лет застойных преступленья
Начальство стадом гонят вон.
Повсюду «GLASNOST'», «PERESTROIKA»,
Пускай не всем понятна суть.
В цехах уменьшилась попойка,
Хоть самогон и гонят бойко,
От пьяных можно продохнуть.
Прозрели малые народы.
Раз демократия – вперёд!
В Москве татары «мутят воду»,
Прибалты вспомнили свободу.
А правы? Кто ж там разберёт.
В печати старые романы:
Воскрес Набоков, Пастернак,
Тарковский к нам пришёл с экрана,
Высоцкий с «Кинопанорамой».
Что ж, лучше позже, чем никак.
Начальство как бы выбираем,
Крещение празднуем Руси,
Программу Партии меняем
(Где коммунизм был скорым Раем),
И можем слушать Би-Би-Си.
Есть новшества в большом и в малом.
Поймёт их верно новый век.
Писать ещё могу «навалом»,
Но не хочу посмертной славы –
Пера я прекращаю бег.
И всё же славлю перемены
Своей измученной страны.
Пусть не решить нам все проблемы,
Чуть-чуть мы стали откровенны,
И вновь цветные видим сны...

Упомянутая кампания выборности руководителей набирала обороты. Результаты её, безусловно, в числе факторов, разрушивших советскую экономику.

Однако ОИИМФ повезло. В мае 1989-го года, когда в институте впервые прошли выборы ректора, из пяти кандидатов на этот пост выбран профессор Ю. Л. Воробъёв – крупный учёный-кораблестроитель. Он смог сплотить коллектив и сконцентрировать усилия сотрудников для преодоления трудностей, возникших в системе высшего образования.

В 1992-м году в ОИИМФ впервые в Украине по инициативе проректора профессора Р. В. Меркта разработана и введена многоступенчатая структура высшего морского образования с рейтинговой системой организации и контроля обучения студентов. Система учитывала зарубежный опыт работы высшей школы и Международную классификацию образования, принятую ЮНЕСКО. В основу системы положен принцип периодической отчётности студентов и накопительной оценки уровня их знаний и умений. Эта система устранила главный недостаток высшего образования – минимальную связь преподавателя и студента, в результате чего на экзамене преподаватель порой убеждался, что весь семестр читал лекции в пустоту. За почти четверть века с момента внедрения системы в учебный процесс она доказала свою эффективность.

В июне 1994-го решением коллегии Министерства образования Украины институт аккредитован по четвёртому (наивысшему) уровню. В августе того же года постановлением Кабинета Министров Украины он переименован в Одесский государственный морской университет (ОГМУ).

Переход к рыночной экономике повысил роль специалистов в области правооказания. Поэтому в ОГМУ в 1997-м году открыт договорно-правовой факультет, преобразованный позднее в юридический. Таким образом, университет смог готовить специалистов по всем направлениям, важным для морского транспорта.

В ОГМУ продолжали существовать и развиваться научные школы, основанные крупными учёными ранее. Просто учёные не догадывались, что живут в эпоху «застоя», и самозабвенно занимались любимым делом. Так же поступили их последователи уже в XXI веке.

Поэтому Морской Университет сохранил своё значение как крупный научный центр, где проводятся исследования по приоритетным направлениям науки и техники.

Мы хотим только перечислить научные школы ВУЗа и указать число подготовленных в рамках этих научных школ диссертаций (наука у нас строго иерархическая и от диссертаций – как итога научной работы – никуда не деться). Основная тематика этих школ:

- обеспечение надёжности конструкций судов и морских сооружений – 20 кандидатских диссертаций;
- гидромеханика – подготовлен 1 доктор и 20 кандидатов технических наук;
- механика – подготовлено 2 доктора и 30 кандидатов технических наук;
- морские гидротехнические сооружения – 2 докторских и 16 кандидатских диссертаций;
- экономико-математическое моделирование транспортных процессов – 3 докторские и свыше 20 кандидатских диссертаций;
- совершенствование хозяйственной деятельности предприятий морского транспорта – 3 доктора и 18 кандидатов экономических наук;
- оптимизация рабочего процесса и топливоподачи в судовых ДВС – 4 докторские и 25 кандидатских диссертаций.

Завершим этот немного монотонный список повторным упоминанием Одесской теплофизической школы – к ней принадлежит и наш отец. У неё рекордные показатели по «остепенённым» научным работникам: только среди прямых учеников Я. З. Казавчинского 25 кандидатов наук, из них 11 стали докторами.

Высокопрофессиональная подготовка в сочетании с интересной студенческой жизнью позволила после окончания учёбы успешно проявлять себя в самых различных сферах деятельности – на руководящих постах, в науке, в инженерном деле, в спорте, в литературе и искусстве, на дипломатическом поприще. Не откажем себе в удовольствии перечислить некоторых из выдающихся выпускников. Помимо упоминавшегося ранее Министра морского флота Т. Б. Гуженко, это начальник ЧМП Герой Социалистического Труда А. Е. Данченко, начальники одесского, ильичёвского и южненского портов Герои Украины Н. П. Павлюк, С. К. Стребко и

полный кавалер ордена «За заслуги» В. Г. Иванов, академик НАН Украины В. И. Махненко, министры Кубы и Судана Ф. Г. Пагес и Ч. Д. Алак, почётный профессор ОНМУ М. М. Жванецкий. В память о выдающихся выпускниках Т. Б. Гуженко и А. Е. Данченко установлены мемориальные доски на высотном здании ОНМУ.

Выпускники университета составляют свыше половины его преподавательского состава. Более того, начиная с 1959-го года ректорами ОИИМФ–ОНМУ были и остаются только его выпускники. На базе университета работает Южный научный центр Транспортной Академии Украины, созданной в 1992-м году. Он объединяет ведущих учёных и специалистов всех транспортных ВУЗов, научно-исследовательских организаций и транспортных предприятий южного региона. Наш отец – действительный член этой Академии.

С учётом государственного и международного признания результатов деятельности ОНМУ и его весомого вклада в развитие образования и науки Указом Президента Украины от 26-го февраля 2002-го года университету присвоен наивысший на Украине статус – национального.

Одесский национальный морской университет сегодня – это современное передовое высшее учебное заведение. В его деятельности органично сочетаются достижения высшей школы нашей страны с прогрессивными тенденциями мирового морского образования. Высококвалифицированный научно-педагогический состав, современная материально-техническая база, прогрессивные методы обучения, применение новых информационных технологий обеспечивают ведущую роль ОНМУ в подготовке специалистов для морехозяйственного комплекса Украины и других стран.

Для авторов же это место, которое мы регулярно посещаем примерно полвека: ведь в нём почти 60 лет – с 1956-го – работает наш отец – выпускник ОИИМФ 1953-го года. Походы по коридорам главного корпуса, поразительно напоминающим коридоры Смольного института, знакомство с коллегами отца, с его стилем поведения на рабочем месте – одни из ярчайших впечатлений нашего детства. Эти впечатления определили выбор нами той же профессии: мы оба стали теплофизиками. И хотя ни одному из нас сейчас не приходится работать по специальности, выбор этот, безусловно, определил нашу

«жизнь и судьбу». Поэтому в памяти авторов навсегда останется один из лучших ВУЗов СССР – одесский «водный».

Послесловие

«Ну вот, и окончен маршрут», – как пел Борис Оскарович Бурда (читателям, к сожалению, практически не известна эта грань таланта знаменитого знатока и телекулинара – кстати, товарища по интеллектуальным играм одного из нас).

Надеемся, что обещание, выраженное в предисловии словами сказочника Андерсена «Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем сейчас», выполнено. Конечно, предложенная нами тема – ВУЗы Одессы – не может быть полностью освещена ни в рамках одной экскурсии, ни даже в рамках многотомного исследования. Так, мы даже не упомянули Государственный университет внутренних дел, Одесский институт финансов, Военную академию, а также филиалы и отделения различных киевских ВУЗов, расположенные в нашем городе. Стыдно признаться, но мы не вспомнили Одесский еврейский университет.

Более того, как Вы убедились, о каких-то университетах и академиях мы говорили громко и подробно, о каких-то рассказывали кратко, о каких-то ограничивались почти невнятным бормотанием.

Нас традиционно выручает Козьма Прутков. В его собрании мыслей и афоризмов «Плоды раздумья» (1854) уже третьим афоризмом был: «Никто не обнимет необъятного». Эта мысль была настолько принципиальна и важна, что встречалась в сборнике ещё четыре раза, причём формулировки становились всё резче. В итоге афоризм 104 звучит даже так: «Плюнь тому в глаза, кто скажет, что можно обнять необъятное!»

С другой стороны, мы не ленились, прикрываясь авторитетом Козьмы Петровича, а в меру наших знаний и сил добросовестно провели читателя по улицам и переулкам Одессы.

Безусловно, великое множество одесских краеведов (а Одесса наверняка занимает первое место в мире по числу краеведов на душу населения и, соответственно, по числу книг, освещающих различные аспекты и моменты жизни города) обоснованно найдут в нашей книге много неточностей и даже ошибок. Но реальный Анатолий Вассерман, в отличие от его мема Онотоле, не может конкурировать с Интернетом

(даже работая в содружестве с младшим братом). Поэтому мы просто рассказали о том, что знаем сами и что с нашей точки зрения может быть интересно экскурсанту.

Как часто говорит Дмитрий Львович Быков: «То, что с удовольствием писалось, и читается с удовольствием». Верим, что представленная вам книга не станет исключением из этого правила, и что в море чисел, дат и персонажей не утонет наша привязанность и любовь к родному городу.

Вклейка

**Дом механика Университета И. А. Тимченко и библиотека
Университета**

Мемориальная доска И. А. Тимченко

Библиотека университета им. И. И. Мечникова

Кафедра органической химии университета; на ней работал академик Зелинский

Водолечебница Шорштейна – ныне корпус Холодильного

Мемориальная доска В. С. Мартыновскому

Главный корпус Холодильного института

Скульптуры на Главном корпусе Холодильного института

Рыбаки, тянущие сеть – Барельеф на здании Холодильного института

Академия пищевых технологий: Главный корпус

Памятник М. В. Ломоносову перед Технологическим институтом

Нежинская 46 – дом профессоров Волкова и Казавчинского (1)

**Нежинская, 46 – дом профессоров Волкова и Казавчинского
(2)**

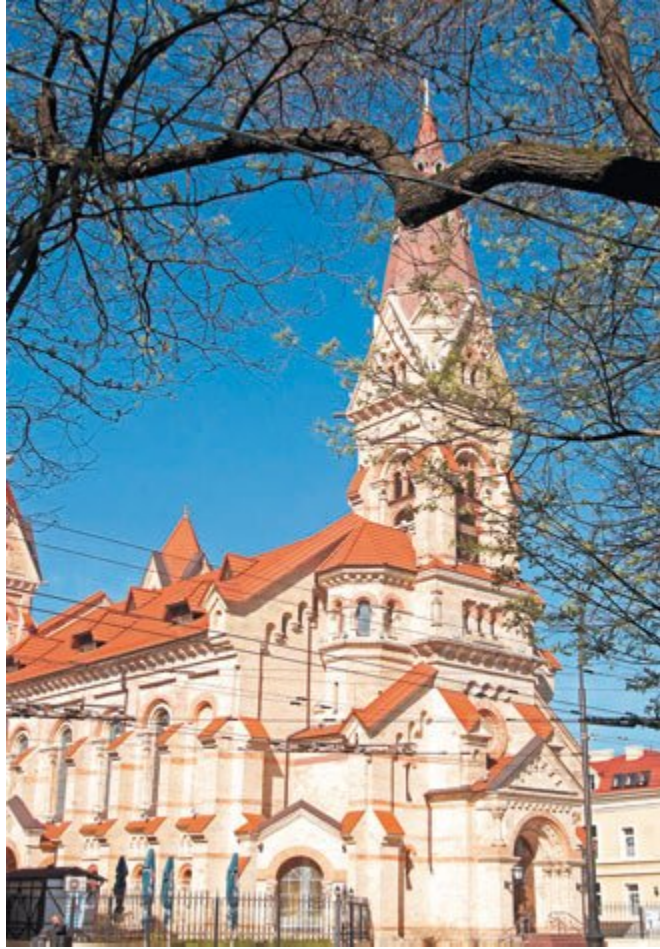

Нежинская, 46 – меморіальна дошка професору
Р. М. Волкову

Нежинская 46, – мемориальная доска профессору Я. З. Казавчинскому

Кирха

Лютеранская церковь на улице Витте

Музыкальное училище и оперная студия Консерватории

Новое и старое здания Консерватории

Императорское Музыкальное общество – ныне Музыкальная Академия

Мемориальная доска Теофилу Рихтеру

Мемориальная доска Святославу Рихтеру

Памятник Стиву Джобсу

Мариинская гимназия

Наша школа, особняк Бардаха и дом Бактериологической станции

Общежитие Юридической академии

Новый корпус Техникума измерений

Лабораторный корпус Госстандарта – производственная база студентов Академии качества

Титаник на боку – преобразованное общежитие Водного института

Институт Связи – Главный корпус

Институт связи: Лабораторный корпус

Общежитие Педина – Конструктивизм 30-х годов

Одесская табачная фабрика

Мемориальная доска Карабасу (В. П. Куливару)

Бывший Главный корпус Гидромета

Мясной магазин «Три поросёнка»

Часовня на месте Мещанской церкви

Мещанская (Вознесенская) церковь

Строительство Мещанской церкви

Дом, где проходили лекции Нархоза сразу после Великой Отечественной Войны

Библиотека Педина

Мещанская управа (ныне Педагогический университет)

Мещанская управа

Шестиклассное девичье училище ныне средняя школа

**Приют Барона Маса – ныне строительный факультет.
Академия строительства и архитектуры**

Главный корпус Педина

Вторая Мужская Гимназия (Главный корпус Педина).

Меморіальна доска О. Ю. Шмидту

Вторая женская гимназия и церковь Григория Богослова

Общезитее Музучилища – модерн на Молдованке

Общежитие Водного – конструктивизм 20-х годов

Общежитие Музыкального училища – модерн на Молдованке – сейчас заметно обветшало

Вторая Женская Гимназия

Мемориальная доска С. П. Королёву

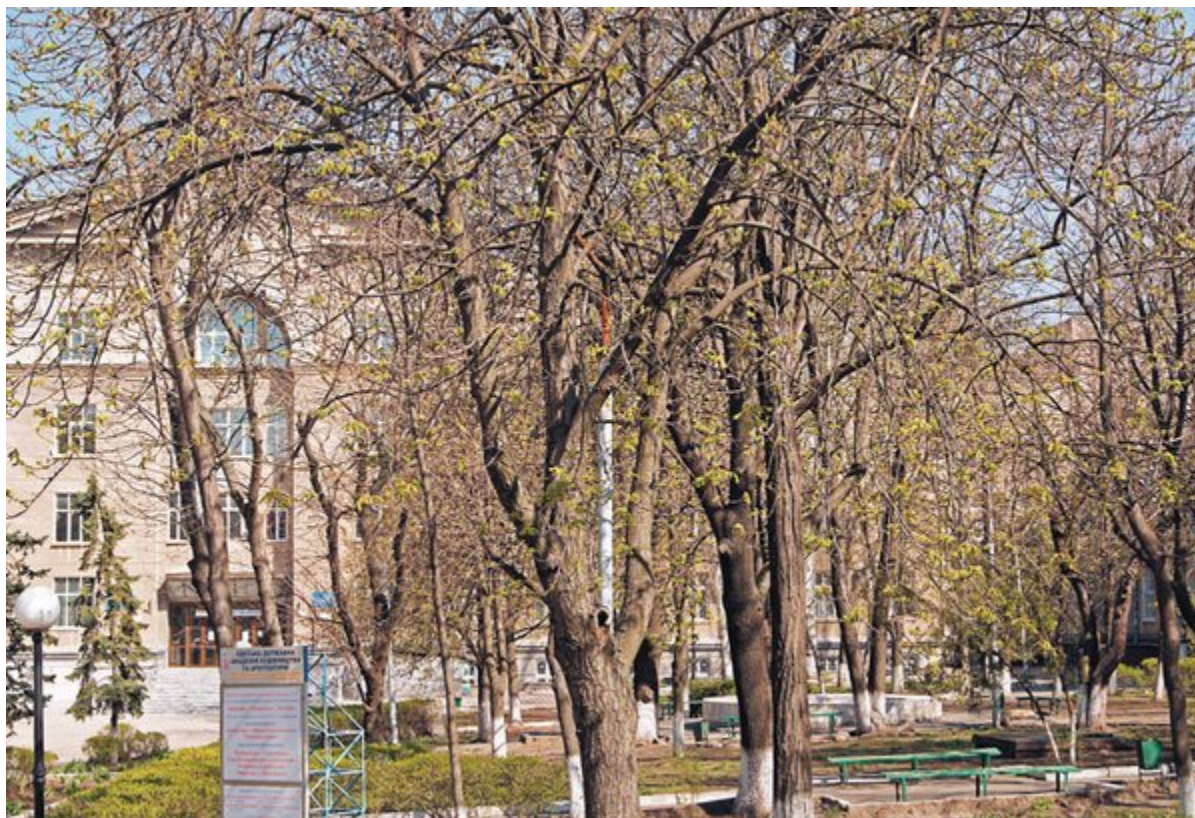
Общежитие Академии связи – образец конструктивизма

Морская Академия: главный корпус

Электротехническое училище. Ныне 5-й корпус Морской Академии: при обороне Одессы здесь размещались штабы Одесского оборонительного района и Приморской армии

Академия Строительства и Архитектуры – Главный корпус

Меморіальна доска штабу Одеського оборонительного району

Мемориальная доска штабу Приморской Армии

Высотный корпус Водного

**Одесский морской университет – Водный институт здания
актового зала, библиотеки и высотного корпуса**

Главный корпус Водного в зелени сада

Главный корпус Водного

---

notes

СНОСКИ

1

В городе по сей день есть туберкулёзные санатории. В крупнейшем из них – «Аркадия» – несколько десятилетий работала наша бабушка Любовь Ефимовна Кизер-Вассерман.

По паспорту – Михайлович: его отца уменьшительно именовали Манье, и при очередной смене паспорта (до 1974-го года советские паспорта меняли в 25 и 45 лет) чиновник счёл это имя уменьшительным от Михаил.

В советское время Анатолий Соломонович: в первые годы советской власти многие представители национальных меньшинств – как тогда говорили, нацмены – приближали свои имена к русской традиции; так, Артём Иванович Микоян до революции, когда ещё не был авиаконструктором, звался Анушаван Ованесович.

Эти земли Польша действительно оккупировала в 1920-м, сразу после своего собственного воссоединения, но до того они столько раз переходили из рук в руки, что по сей день историки с полным основанием спорят: какой переход был захватом, а какой – освобождением.

По традиции ашкеназов – восточноевропейских евреев – детям дают имена умерших уважаемых родственников. Наш дед по материнской линии Илья Велвелович – Владимирович – Баум был жив и здоров к моменту рождения второго автора этой книги, и тот получил имя прадеда.

6

Один из ключевых принципов общей теории систем указывает: целое всегда больше суммы своих частей – каждый новый уровень сложности порождает новые закономерности, не выводимые простым анализом из закономерностей нижележащих уровней, а подлежащие самостоятельному изучению.

7

<http://viknaodessa.od.ua/newspaper/news/?2730>

В православии такой формулы нет. Например, церковь Кипра возглавляется архиепископом и в богослужебном отношении подчинена Греции, а церковь Греции в свою очередь управляется архиепископом и в богослужебном отношении считается самоуправляемой – автокефальной – частью Константинопольского патриархата.

Именно так: по проектам бюро построено не менее 48 – только в Вене 6! – театральных зданий.

О «советской холере» живописно рассказывает Жванецкий в монологе «Холера в Одессе»)

Премиальный фонд состоял из гонораров за публикации трудов самого вождя и нескольких его ближайших соратников. Сам он возглавлял комиссию по присуждению премий и, судя по ходу обсуждений на заседаниях комиссии, ухитрялся лично знакомиться со всеми трудами, представленными на премию.

<http://www.sergekot.com/hersonskaya-2-bakteriologicheskaya-stantsiya/> – как всё же удобно стало с появлением Интернета! Сейчас уже трудно поверить, сколько сил потратил Владимир в школе, собирая материал по этой теме. Наша школа располагается по адресу Льва Толстого, № 8 рядом с особняком Бардаха и через дом от второго местоположения Бактериологической станции – это вдохновляло, но сбор материала не облегчало.

Точнее, в соревновании. Конкуренция – всего лишь один из видов соревнования. Он затрудняет использование достижений других соревнующихся для совершенствования собственных творений, зато позволяет добиваться победы устранением прочих участников. Поэтому другие варианты зачастую эффективнее.

Были в советское время и такие варианты «отсидки»: когда специалистов мало – грешно использовать не по специальности даже тех, кто считается преступником.

Сам лозунг возник ещё в начале индустриализации – но как призыв освоить все технические и организационные достижения запада, после чего на их основе создать нечто ещё совершеннее. Хрущёв же публично трактовал его как необходимость двигаться строго по американскому пути, но быстрее.

Так Иполлит Матвеевич Воробьянинов оценил новое здание биржи Старгорода, когда вернулся с Еленой Станиславовной Боур из Парижа – явная отсылка к зданию Новой Одесской биржи (см. полный текст романа «Двенадцать стульев»).

<http://www.rulit.net/books/sechenovread-291524-101.html>

В старой русской традиции передачи иноязычных имён, опирающейся на нижненемецкое – бытующее в низовьях Рейна – произношение, его называют Гук.

Нам выражение «бывший СССР» представляется, увы, тавтологией: представьте выражение «Бывшая Римская империя» или «бывшая империя инков».

В разные эпохи Новороссийский край включал многие разные земли, но на протяжении большей части существования этой административной единицы её фактическим – а зачастую и формальным – центром была Одесса.

Дабы затруднить расчёт торпедного залпа, суда в военное время ходят по специально составленным схемам с неожиданными резкими сменами курса, причём при движении в караване на каждое судно заранее раздают сборник схем и время от времени передают на весь караван номер очередной схемы, выбранный на флагмане при помощи генератора случайных чисел.

Это объёмная мера – примерно 209 л.

С фирмой Bayer и её аспирином он никак не связан – даже его фамилия пишется Baeyer. Зато он открыл множество других полезных веществ и способов химического синтеза. Поэтому Нобелевский комитет сформулировал причину его награждения очень общим образом – «за заслуги в развитии органической химии и химической промышленности благодаря работам по органическим красителям и гидроароматическим соединениям».

Негативно повлиял лауреат той же премии в 1903-м «в признание особого значения для развития химии его электролитической теории диссоциации» Сванте Август Свантич Аррениус: с ним Менделеев полемизировал по вопросам этой теории, отмечая, что она не учитывает изученные как раз Менделеевым особенности химического взаимодействия растворителей с растворяемыми веществами.

Названия учреждений – замечательный пример раннесоветского «новояза».

<http://onu.edu.ua/ru>

Российская Федерация, где о ней пишут едва ли не чаще, чем обо всех остальных трудностях развития общества вместе взятых, стабильно занимает в этом рейтинге место худшее, нежели Нигерия, где с повальной коррупцией так свыклись, что уже почти никто её не упоминает.

Дата установлена по книге крещений церкви, в чьём приходе он рождён. При первом аресте он, дабы считаться несовершеннолетним, заявил, что родился 21-го декабря 1879-го. Придуманная дата вошла во все последующие его документы.

В советское время все помнили его работы «Тачанка» и «Трубачи Первой конной». Его именем, кроме одесского училища, названы также Ростовское художественное училище и студия военных художников в Москве.

<http://zombart.com/>

Отцом прославленного поэта, лауреата Нобелевской премии Бориса он стал уже как Леонид Осипович Пастернак.

<http://solovki-monastyr.ru/VSU/983/>

Его вступительную лекцию к курсу физики в Одесском политехническом институте <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/NATURE/MAND/MANDESSA.HTM>, прочитанную в октябре 1918-го, следовало бы учить наизусть (и сдавать экзамен по её пониманию) каждому, кто пытается сочинить очередную реформу образования, ибо в ней кратко и ясно показано, почему частные знания не заменяют общих, а практика без теории обречена вновь и вновь утыкаться в тупики.

Мандельштам и Папалекси первыми в опыте установили наличие у электрона массы. Впоследствии оба – академики.

Бюст, положенный ему как дважды Герою, стоит на бульваре Жванецкого примерно в 300 метрах от рассматриваемого сейчас здания.

Сами большевики до 1927-го года именовали события октября – ноября 1917-го года именно так. В отечественной политической лексике переворотом называют просто насильственную смену власти, а переводом этого слова на латынь – революцией – именуют только существенное изменение общественного строя. Решение о строительстве социализма в одной стране приняли только в 1927-м – тогда и стало ясно, что в стране сменилась не только форма власти.

Горьковский автомобильный завод до конца 1957-го года назывался заводом имени Молотова, но большинство его изделий именовались ГАЗ: имя Молотова присваивали только продукции высшего класса.

Её приходили осматривать сотрудники ЖЭКа незадолго до кончины Сталина. Тогда активно ходили слухи, что всех евреев вот-вот выселят в дальневосточную тайгу. Отсутствие такого плана на высшем общегосударственном уровне строго доказано только в начале 2000-х годов анализом архива министерства путей сообщения, где сохранились данные обо всех реальных депортациях народов СССР.

Тогда ещё в структуре Совнаркома СССР не хватало соответствующих наркоматов, чтобы прикрепить все ВУЗы к наркоматам нужной ориентации. А вот перед распадом СССР число министерств доходило до сотни, не считая Госкомитетов.

Физик и политик Бенджамен Джозайич Франклин сказал: «время – деньги». Действительно, обычно эти ресурсы взаимосвязаны. Но не только в том смысле, что экономия одного из них наращивает другой. В быту чаще всего удаётся найти либо деньги, либо время, чтобы их тратить.

По отцу – Николай Эммануилович Левенсон. Но родился он не в церковном браке. Поэтому фамилию получил по матери Екатерине Осиповне Корнейчук, а отчество по крёстному отцу, и в официальных документах именовался Николай Васильевич Корнейчуков. Литературный псевдоним он сконструировал из официальной фамилии, отчество к нему взял по своему вкусу и усмотрению, так что детям и литературоведам известен как Корней Иванович Чуковский.

Он, как и Чуковский, известен в основном текстами для детей, а всё остальное разнообразное его творчество даже литературоведами изучено слабо.

Вольф Евнович Жаботинский, как многие евреи конца XIX века, вполне ассимилировался в окружающую культуру и даже именовался Владимиром Евгеньевичем. Но потом стал одним из виднейших теоретиков и активистов сионизма – призыва к возвращению всех евреев на землю предков у горы Сион, на которой началось когда-то строительство Иерусалима. После переселения туда в 1920-м он перевёл своё немецкое имя, означающее «волк», на иврит – Зеэв.

Её разработали в 1970-е годы советские – а потом, как водилось в лихие девяностые, американские – физики Эраст Борисович Глинер, Давид Абрамович Киржниц, Андрей Дмитриевич Линде, Алексей Александрович Старобинский.

Все предыдущие системы защиты от отравляющих газов либо полностью изолируют человека от окружающей среды, либо химически нейтрализуют конкретные яды. Активированный уголь поглощает практически любую газообразную отраву. Поэтому угольный фильтр для воздуха впервые надёжно защитил не только сотрудников химических производств, где спектр угроз известен заранее, но и солдат на полях сражений Первой Мировой войны, где применялось множество газов.

От латинского «in cunabula» – «в колыбели»: так называют книги тех времён, когда сама технология книгопечатания только формировалась.

О политических и экономических причинах этих переименований ходит немало легенд – в том числе и порождённых конфликтами Витте со многими другими тогдашними видными политиками: у тех, кто действует, немало поводов для споров.

Снова символический день. Это, впрочем, и не удивительно, ибо знаменательных событий в нашей истории несравненно больше, чем дней в году. Поневоле вспомнится старая шутка: кровавый тиран Сталин взял Киев к Седьмому ноября, Севастополь ко Дню победы, а Тирасполь ко Дню космонавтики.

У соискателей докторской степени научный руководитель отсутствует «как класс» – но возможен научный консультант.

Об этом рассказано, например, в главе http://odessitclub.org/reading_room/dobrolubskiy/education.php «Образовательная разруха 1917–1920 гг. и создание Одесского института народного образования» книги «История Южно-Украинского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского».

В Одессе говорят «парадная» о любой лестничной клетке, а не только выходящей на фасад.

Опять вспоминаем Ильфа и Петрова: «Но тут певший все время огнетушитель «Эклер» взял самое верхнее фа, на что способна одна лишь народная артистка республики Нежданова».

Он в 1932–1936-м годах не раз посещал германское консульство и даже в начале войны продолжал переписку со знакомыми в Германии.

Жёны русских императоров и великих князей были «неместные» – в основном из мелких германских государств. По традиции при переходе в православие они чаще всего выбирали отчество Алексеевна или Фёдоровна и имя Мария. Это, конечно, не обязательно: выше упомянута Мария Александровна (в девичестве Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария Людвиговна, принцесса Гессенская), супруга Александра Николаевича Романова, а Виктория Аликс Елена Луиза Беатриса Людвиговна, принцесса Гессен-Дармштадтская, вошла в историю как Александра Фёдоровна, супруга Николая II Александровича Романова.

После войны лет десять мальчиков и девочек учили отдельно. 3-я школа стала женской, 47-я – о ней чуть позже – мужской.

Голда Меир – Голда Моше-Ицхоковна Мабович – уроженка Киева, в те годы глава правительства Израиля, первая в мире женщина на таком посту.

В 1958-м году 26-летняя ткачиха Валентина Ивановна Гагаовна перешла из подчинённой ей передовой бригады в отстающую и за считанные месяцы вывела её в передовые. Её поступок много лет считался примером коммунистического отношения к труду как общему делу всего коллектива.

21-го августа 1968-го года при вводе войск 5 стран Организации Варшавского договора в Чехословакию, также входившую в эту организацию, по просьбе части её руководства, опасавшейся перевода страны другой частью руководства на сторону НАТО, на одной из горных дорог головной танк советской колонны свернул в обрыв, чтобы не задавить стоявшую за поворотом и не видимую ранее толпу. 27-го февраля 1943-го года Александр Матвеевич Матросов закрыл своим телом амбразуру пулемётного ДЗОТа, чтобы дать своим боевым товарищам несколько секунд, нужных для приближения к ДЗОТу сразу нескольких человек и подавления пулемёта огнём с нескольких сторон сразу. 26-го июня 1941-го года дальний бомбардировщик ДБ-3 под командованием Николая Францевича Гастелло, подбитый зенитным огнём, не ушёл из боя, а врезался в колонну немецких войск – правда, по последним данным, он упал рядом с колонной, а непосредственно на неё обрушился летевший в паре с ним и тоже подбитый ДБ-3 под командованием Александра Спиридоновича Маслова. Понятно, подвиг Матросова мало похож на действия этих танкистов, а уж Гастелло прославился прямо противоположным действием.

Это сказал рабочий Пётр Алексеевич Алексеев на «процессе пятидесяти» 21-го по григорианскому календарю марта 1879-го года – через 41 год после появления «Коммунистического манифеста».

На взгляд самого Анатолия, такая льгота для села оправдана: если человек даже в условиях сравнительно ограниченного доступа к образованию знает столько же, сколько горожане – значит, его потенциал выше и при дальнейшем обучении он сможет сделать больше. Впрочем, Владимир полагает, что руководители советского образования не вдумывались столь глубоко, а руководствовались простейшим пониманием классовой близости.

Тем более что в городе уже существовала камера для поверки. К тому же на одесских предприятиях производилось 25 % всех весов Российской Империи.

В нём много лет работал уже упомянутый нами Виктор
Абрамович Рабинович – для нас дядя Витя.

В историю он вошёл как лейтенант Шмидт, ибо звание капитана второго ранга (в Российском императорском флоте тогда не было ни старшего лейтенанта, ни капитан-лейтенанта, ни капитана третьего ранга, так что в лейтенантском звании можно было провести десятилетия) получил только при отставке (за антиправительственные высказывания) в 1905-м, и лишь поднимаясь 14-го ноября на борт мятежного крейсера «Очаков», объявил себя капитаном второго ранга на действительной службе. На следующий день мятеж подавлен огнём других кораблей. Суд приговорил Шмидта к казни как лейтенанта.

Регулярное вещание с предварительным анонсом – то есть для всех, кто мог создать соответствующий приёмник – в СССР началось 1-го октября 1931-го – в день рождения нашего отца – в Москве.

Это было ещё и политически безграмотно: в принятой тогда – третьей – программе коммунистической партии коммунизмом считалось общество, обеспечивающее каждому гражданину не – как считали все классики марксизма – возможность саморазвития путём бесплатного удовлетворения обеспечивающих эту возможность материальных потребностей, а всего лишь бесплатное удовлетворение любых материальных потребностей без учёта их цели.

Так в СССР именовали научные и промышленные предприятия с военной тематикой: в переписке вместо улицы и номера дома они обозначали адрес как «почтовый ящик № ***». Те, кто обретал доступ к военным тайнам, получали вместе с ним немалые ограничения в повседневной жизни – от нежелательности общения с подозрительными для кого-то людьми до почти полной невозможности воспользоваться даже скромными в советское время шансами поехать за рубеж.

<http://hgeu.com.ua/>

Звание учреждено только 1938.12.27. Первое награждение состоялось почти через год – 1939.12.20. Первым звание получил, естественно, Сталин. Это была единственная награда, чей знак – золотую звезду «Серп и молот» – он носил на груди с момента введения знака 1940.05.22.

По самым известным трудам Цвигуна – «Фронт без флангов», «Фронт в тылу врага», «Фронт за линией фронта» – сняты фильмы с Вячеславом Васильевичем Тихоновым в главной роли.

Это нимало не помогло: советские войска обошли город, и немцы, чтобы не угодить в очередное окружение, бежали без боя.

В Германии обижались, когда их свирепый нацизм приравнивали к – с их точки зрения – «расхлябанному» итальянскому фашизму.

На табличках об истории создания домов часто, кроме фамилии архитектора, указывается фамилия инженера. Кстати, он был на стройке всего один.

После свержения Наполеона и восстановления королевской династии Бурбонов Ришельё становится премьер-министром Франции. Это, впрочем, фактически оказалось понижением, ибо Бурбоны так стремились возродить порядки, породившие революцию, что мудрый премьер через три года подал в отставку.

Помнится, у писателя Александра Евгеньевича Русова, которого мы оба очень любим, в книге «В парализованном свете» есть улица «Поэта Пушкина».

<http://co6op.narod.ru/txt/odessa/deribas/serafimov.html>

<http://portsukraine.com/node/3552>

<http://memory.od.ua/books/levchenko14.pdf>